

11
1973

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

В НОМЕРЕ:

Н. Никонов. ЮНОНА. Рассказ	2
Е. Хоринская, Н. Куштур, К. Мурзиди. СТИХИ	11
С. Мешавкин. ГОРОД В РАБОЧЕЙ БЛУЗЕ. Интервью	12
Ю. Курочкин. ЖУКОВСКИЙ ЕДЕТ ПО УРАЛУ СВЕРДЛОВСКУ — 250	17 23
И. Давыдов. ВСЕ ГЛАВНОЕ — ПРОСТО. Очерк СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	28 36
В. Крапиви. ЛЕТЧИК ДЛЯ ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ. Повесть-сказка	37
МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	56
Я. Кимельфельд. КАЗНЕН В МАУТХАУЗЕНЕ	58
М. Ланской. РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ	61
А. Козлов. ОТ УЛИЦЫ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ДО ПРОСПЕКТА ЛЕНИНА	62
А. Барков. ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ ФОТОКОНКУРС «ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА»	64 70
В. Тхоржевский. НЕВИДИМЫЕ ПИРАТЫ	72
Л. Садовский. УРАЛЬСКИЕ МАНДАРИНЫ	76
Ю. Березин. ИМЕНИ ГЕРОЯ	77
В. Кибардин. ИСПЕКЛИ МЫ КОЛОБОК СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	78 79
В. Филатов. ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ	80

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство

11
1973

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ЮНОНА

НИКОЛАЙ НИКОНОВ

Рассказ

Рисунки В. Сыскова

Олег попал под машину. Он и сейчас не знает, как это случилось, — просто переходил улицу, просто загляделся, даже, кажется, видел этот мчащийся грузовик, видел и думал: «Он едет по другой стороне, меня не заденет»... А потом — визг тормозов, удар, запоздавшая отчаянная попытка одолеть нечто, накрывшее его, вырваться из-под мнущего тяжелого железа, и — толпа, обступившая его.

Всплеск боли пришел, точно черная волна.

Очнулся еще раз на твердом столе, под невыносимым светом ламп, и помнил: что-то говорил врачам, громко и убедительно, — может быть, просил, или извинялся, или добивался ответа...

А новое пробуждение: лицо мамы, совершенно изменившееся, старое, с запекшимися губами, палата, заставленная койками, белые занавеси, беспомощная неподвижность и желание — пить, пить как можно больше, жажда палила растущим, иссушающим пламенем...

Спустя два месяца в застывшем гипсовом корсете он лежал дома — обе ноги неподвижны, ничего не чувствуют, кроме слабой зудящей боли, и, когда он стаскивает одеяло, вглядывается в синие обезжизненные кончики пальцев, выставленные из гипса, ему кажется, что это вовсе не его пальцы, хотя разумом понимает — его, конечно, чьи же еще... Пальцы не шевелятся, как ни пытается он это сделать, они не подчинены ему, безучастно синют из гипса.

Конечно, он верил, что ноги оживут и пальцы тоже. Так говорили врачи — они навешали часто — и сестры, которые делали уколы. Он уже притерпелся в своем новом неподвижном положении, научился подтягиваться и приподниматься, поворачиваться на полубок, двигать лопатками и мышцами спины, чтобы не долежать до пролежней, научился еще многому такому, о чем никогда не подумал бы раньше, как не думает здоровый человек, да еще молодой — Олегу было пятнадцать, о многих тысячах больных, лежащих где-то в душных палатах.

Надежда подняться у Олега была, но ее все время сбивали, атаковали другие противные и тяжелые мысли. Представьте себя в каменном панцире гипса, и вы поймете, что чувствовал Олег, особенно по ночам, когда ему не спалось, а в ногах поднималась едкая боль.

Впрочем, если б Олег совсем уверенно знал, что ноги уцелеют, а раздробленные кости срастутся, что опять он будет ходить, даже без костылей, сам, свободно, — ему все равно не было б слишком легко...

Если хотите, можно рассказать по порядку, потому что это началось не нынче, не в девятом классе, а в прошлом году, в последней четверти.

В последней четверти, в апреле, в классе появилась новенькая — девочка из Краснодара со странным, никогда еще никому не встречавшимся именем. Ее звали Юнона. Помимо странного имени, Юнона обладала и еще каким-то волшебным свойством, потому что, как только она появилась, Олег перестал смотреть в сторону той парты, где сидела бронзоволосая красавица — задавала Светка Приставкина. На Светку нельзя было не смотреть: каждый день приходила она в школу в другом платье, форму не носила, несмотря на все приказы Веры Константиновны, и директора, и дежурных. Светка щеголяла в лакированных сапогах, в длинном пальто-шинели, искусно подвивала волосы. Говорили, что ее от школы провожают офицеры и курсанты военного училища. В общем, куда косился Олег, туда же поглядывали и другие мальчишки их класса, кроме одного-двух. Не обращал внимания на Приставкину Юра Сурганов, медалист, отличник, человек всегда чем-то углубленно занятый, знающий что-то такое свое, и еще был Леша Поляков — мальчик, который неизвестно как дошел до восьмого класса, ибо кроме сплошных двоек ничего у него никогда не было по всем предметам. Да он и не учил никогда ничего. Учителя, отчаявшись добиться от Полякова хотя бы одного путного слова, оставили парня в покое, и он сидел один на задней парте в правом ряду, смотрел в окно и, раскрыв рот, поигрывал ногтями пальцев на зубах. Что видел там Поляков, кроме ветхих домишек, тополей, укатанной дороги и низкого неба, в которое чадила железная черная труба коцегарки, сказать трудно. Когда его все-таки спрашивали, он очень медленно вставал, закрывал рот и, отстояв торжественно, как в почетном карауле, перед новой двойкой, опять садился, начинал глядеть в окно и наигрывать на зубах.

Но мы отвлеклись, ведь рассказывать-то начали о девочке с удивительным именем Юнона. В общем-то, имя хорошее, и, кажется, женская половина сразу позавидовала такому имени, во-первых, потому, что оно очень редкое, во-вторых, очень юное,

такое розово-свежее, в-третьих, такие имена бывают, кажется, у поэтов, в-четвертых, как выяснилось вскоре, это имя носила всевластная и великолепная повелительница римских богов, супруга Юпитера-громовержца. (Богиня Юнона, а по-гречески — Гера). Открытие сделал Олег и объявил всему классу, потому что он любил греко-римскую мифологию, а может быть, и не только потому... Кроме всего прочего, Юнона была очень приметной девчонкой. Волосы черные, но не совсем, а такие темно-темно-коричневые, когда видишь, что они черные, а понимаешь, что коричневые. Нос у Юноны треугольный и, если взять его отдельно, очень некрасивый — с широкой вдавленной переносицей, глаза небольшие и далеко расставленные, лицо круглое, но заушающееся к подбородку. Юнона, пожалуй, походила на эскимоску, если б глаза у нее были раскосые, но глаза были обыкновенные, черно-коричневые, как волосы. Самым замечательным в лице Юноны были губы. Когда она смеялась, — они радостно широко открывались, когда улыбалась, отлично могла показать, насколько она рада. Если Юнона грустила, губы легким изгибом передавали и грусть, и сомнение. И движением головы Юнона могла сразу же, естественно и чутко, дать вам понять — соглашается она с вами или нет. Наверное, Юнона принадлежала к тем немногим девочкам, на которых, взглянув первый раз, скажешь: «какая некрасивая», взглянув второй, задумаешься, а потом уже не можешь отвести глаз, и все хочется смотреть и радоваться, как она улыбается, потряхивает головой или грустит и отрицает что-то. Юнона ходила в школу в мужской ушанке из блестящего меха, и ушанка тоже шла к эскимосско-русскому ее лицу, к треугольному носу, к глазам цвета темного орехового дерева.

Все это Олег узнал еще тогда, в восьмом классе. Он никогда и ничего не говорил Юноне, и она никогда и ничего не говорила ему, кроме самых обычных слов, вроде: «Сдай тетрадку!» — если была дежурной и ходила по рядам. Иногда они оставались вместе — выпускать классную стенгазету. Олег был штатным художником — чуть не с первого класса рисовал заголовки и заставки, у Юноны же оказался самый красивый почерк. Впрочем, оставались они всего два раза — год шел к концу.

Юнону посадили на последнюю парту, на единственное свободное место рядом с Лешей Поляковым. Все видели, как

недовольно он отодвинулся, даже скривился, а потом опять, отвернувшись к окну, стал пощелкивать на зубах. Через день после появления Юноны Олегу все время стало надо поворачиваться назад. Он делал это незаметно, вполоборота, чтобы девочки, сидящие позади, не поняли, но они, оказываясь, могут понимать такое на лету, а тут вовсе подняли его на смех: спрашивали — не болит ли шея или молча ядовито улыбались.

Если б Вера Константиновна, усталая добродушная женщина, которая часто болела и в классе бывала редко, если бы Вера Константиновна была повнимательнее, она бы, конечно, пересадила Юнону на первую парту. Догадываетесь, почему? Потому что к концу недели не оборачивались только углубленный в себя Юра Сурганов и Леша Поляков. Полякову незачем было оборачиваться — Юнона сидела с ним рядом, зато Лешка перестал шелкать ногтями по зубам, а еще через неделю — впервые! — вылез (именно вылез) из-за парты и ответил по географии на тройку. Это был неслыханный успех, и Поляков возвращался от доски с видом скромного триумфатора, согбенного бременем славы. Лицо Лешки было малиновым от подбородка и до корней светлых волос.

Олег думал о Юноне все время и все время хотелось видеть ее. Странное, не испытанное раньше желание не покидало его, вот так, быть может, в пустыне думается о воде. И еще, как несбыточное, представлялось, что если б Юнона сидела не с Лешей, а с ним, он был бы, наверное, так счастлив, как вряд ли может быть счастлив человек вообще. Но рядом сидел Мишка Колосов, шалопай и болтун, который врал через каждые два слова, а девочкам с первого класса писал записки: «Я тебя люблю! Пойдем в кино?» К восьмому он успел объяснить всем, у всех получил отказ, нимало не огорчился и писал теперь девочкам из соседнего 9-го «Е». Он и Юноне, конечно, тотчас послал такую записку, получил в ответ одну из улыбок и больше ничего. Оборачиваться в сторону последней парты перестал. Колосов не слишком ценил победы, не огорчился и поражением.

Все это было тогда, когда Олег еще ходил в школу, а теперь уже месяц, как идут занятия в девятом, и уроки приходится учить лежа, разбираться в них одному. Задания ему приносят по очереди — так решили на комсомольском собрании. Сначала хотели прикрепить одного Мишку Колосо-

ва — живет поблизости от Олега, каждый день ходит мимо, — но потом все закричали, что Олегу будет веселее видеть всех, а всем видеть его, и решили ходить по списку. Если б Олега спросили, кого он ждет больше всех, он... не сказал бы. Но его никто не спрашивал, все приходившие были уверены, что он больше других рад им. Особенно думала так Светка Приставкина. Когда появилась в 9-м «Б» Юнона, Светка сама стала поглядывать на вторую парту правого ряда, где сидели Олег и Миша.

Олег не любил рассказывать о себе. Даже матери о том случае объяснил одним словом: «Зазевался...» Так же говорил ребятам. И никто, конечно, не подумал, почему он «зазевался», отчего это случилось с ним тогда, и о чем он думал, а может быть, о ком...

За месяц у него перебивал весь класс, Юнона должна была прийти последней, ее фамилия начиналась с буквы «Я». Не буду называть ее фамилию, достаточно того, что названо имя, с таким именем может быть всего одна.

Олег считал каждый день. Уже стоял октябрь. В окна дуло снегом. Последние дни осени были пасмурны и печальны. Перед окном Олеговой комнаты рос искривленный старостью клен. Клен облетал, под снежным ветром, словно стаи красных птиц, листья снимались с его веток, а в комнате становилось светлее и как бы холоднее. Ночью слышалось — ветер гнал листья-звезды по бульвару, в их шорохе было что-то тревожное, знобившее душу. Чем ближе подходил «день Юноны», тем больше волновался Олег, бледнел, ворочался, то вспыхивал пятнистым болезненным румянцем, то тускнел, и в душе у него что-то холодело, облетало, — как вот с этого клена.

Тогда, в прошлом году, Юнона улыбалась кому угодно, даже Мишке Колосову, только не Олегу. С ним она была спокойно холодна, как умеют это, наверное, одни девочки, и как ни старался он, хотя бы во взгляде ее, добиться намека на что-то ответное, — он не получал ничего. Вот она, улыбаясь, заходит в класс, и Олег улыбается в ответ на ее улыбку, даже привстает с парты, поднятый непонятной силой, но глаза Юноны не видят, обходят его, и улыбка сама собой гаснет — Олег отворачивается, смотрит в окно: как едко и скучно дымит там труба кочегарки. А вот Юнона уходит из класса и неужели не обернется, ну, хоть просто так, без любопытства и не по-дружески... Она не оборачивается.

Чего же он ждет теперь от ее прихода? Ответит казенную заботу, свой черед, посидит и уйдет, сказав какие-то особенно-заботливые, а в общем, пустые слова, так же, как уходили все, ну, может быть, не все, а многие... Он обостренно стал чувствовать теперь малейшую фальшь в голосе и взгляде, в слове, в улыбке. Он сам научился фальшиво-радостно улыбаться, притворяться бодрым, научился спрашивать о том, что его никогда не интересовало, — словно мудро постарел за эти три месяца, пока лежал в больнице и дома. Стал видеть жизнь проникновеннее. В зеленовато-серых глазах его появился сухой глубоко горящий огонек, которого даже побаивалась мама (и это он видел, и понимал по каким-то ее невысказанным словам, движениям рук, когда она поправляла его постель).

Ночь перед приходом Юноны он не спал. Он не велел матери закрывать форточку и всю ночь слушал то затихающий, то усиливающийся шум города. Ветра не было. Ночь стояла черная, ясная. Медленно текли за окном звезды, и всякий лист, опадающий с клена, слышался до самой земли. Олег старался думать, как он встанет, будет ходить по комнате, спускаться по лестнице, шагать улицей в школу, и это, обыкновенное, казалось теперь таким чудесно несбыточным, что он едва не заплакал, когда попробовал ощутить свои ноги живыми и ничего не добился в ответ, кроме бессильной тяжести, колючей боли, отдававшейся где-то в спине. Ноги были не мертвые, но и не живые, они были и не были.

Он заснул лишь под утро и так выстудил комнату, что мать переполошилась и закрыла форточку, несмотря на все протесты. Тогда он попросил вымыть пол и вытрясти коврик без того уже чистый, попросил новую рубашку и зеркало, чтобы причесаться. В зеркале по-новому увидел и понял свое лицо с густой синевою под глазами, с пушком на верхней губе и вдоль скул. «Бриться начать, что ли?» — подумал он, отвлекаясь, боясь этого своего лица, — так взросло и скорбно-болезненно было оно, прежде довольно беззаботное, круглое и немного сонное. Совсем другой человек смотрел из глубины стекла, умудренный чем-то тяжелым, таким, которое не приходит к каждому, а бывает у очень немногих. И все же он хорошо понял свое лицо, каждую морщинку на лбу и все выражение посухивших губ и век. «Это я», — подумал он с тайным вздохом и отложил зеркало, чтобы пошевелить лопатками и спиной — так все

закаменело, непривычно заняло, пока, приподнявшись, рассматривал он себя.

Юнона пришла, как приходили все, то есть сразу после уроков, в три часа. Когда в прихожей послышался ее голос, Олег вздрогнул, и ноги вдруг заняли неизвестной мозжащей болью, их закололо мириадами иголок. Пытаясь справиться с болью и подавить ее, он весь скривился и не успел прогнать гримасу, когда Юнона вошла. Она тотчас заметила это, ее «Здравствуй!» было, пожалуй, испуганнее, чем она хотела. Она стояла молча.

И он не ответил, только смотрел на Юнону, точно увидел ее впервые, — он и в самом деле увидел ее снова, не так, как в прошлом году, совсем не так. Ведь их разделяло лето, все эти месяцы, его новое неподвижное положение и боль...

Юнона... Она изменилась. Стала выше, плотнее, и от всего этого — еще прекраснее, невыносимее. И он ничего не мог сказать ей — только смотрел. Все произошло слишком неожиданно. Точно в одно мгновение превратилась она из той девочки, которую он представлял, в девушку волшебной всемогущую, взрослую и настороженную в этой своей женской власти. Она смотрела на него. Она смотрела.

— Принесла задание, — вздохнув, сказала она и начала на колене расстегивать свой портфель, розовея и кося глазами.

— Садись... — трудно и медленно выговорил он. — Ты... такая... Ты... очень... Я не узнал тебя...

— Почему же? — спросила-ответила она, хотя ей было все ясно. Она все еще возилась с портфельным замком, и, наконец, он открылся. А отблеск чего-то похожего на зарю — на ее лице — потух.

— Садись, ты ведь устала, — повторил он.

Она села к столу, как садятся все большие девочки и женщины, ловко оправив юбку.

— Я никогда не устаю, — сказала Юнона, и он поверил. Так оно и есть, ведь Юнона не просто обыкновенная девочка с необыкновенным именем. Никто из девочек так не входил, так не прикрывал дверь, даже так не расстегивал портфель на коленке. И в комнате стало по-новому. Посветлело окно. Чище заблестел вымытый пол, и воздух в комнате, за который он так робел и боялся, теперь изменился, будто пахнуло нагретым лесом и полем.

— Побудь немного, — попросил Олег, когда она объяснила задания, записала их ясным твердым почерком.

— Хорошо, — сказала она и придвинулась к столу, но чувствовалось, что ей не хочется быть долго (а может быть, ему так казалось), и он сник, не смог удерживать ее разговором. Наверное, она тоже это поняла. Они то молчали, то Олег спрашивал нечто незначительное, а Юнона слишком охотно отвечала, даже улыбалась. Он говорил и что ноги заживают, скоро снимут гипс, все будет хорошо. Говорил и не понимал, зачем обманывает ее и себя, но никак он не мог остановиться, это был поток лжи, бессильный и жалкий.

А потом Юнона ушла. Он долго прислушивался к затихающим шагам на лестнице. Тихо стукнула дверь. И некоторое время шаги слышались еще...

И опять потянулись уже невыносимые, бесконечно долгие дни. Ноги стали болеть сильнее, а пальцы, выставленные из гипса, были уже фиолетовыми и распухали к вечеру. Они по-прежнему ничего не чувствовали и не шевелились. Один раз, поздно вечером, Олег слышал, как мать плачет в соседней комнате, хотел позвать ее, спросить, но скрепился, понял лишь, что скрывается за ее быстрыми взглядами, которые она старалась теперь прятать, когда приходила к нему, сидела возле него, мыла пол, приносила еду и книги, включала телевизор. А он перестал учить уроки, равнодушно встречал приходивших товарищей по классу, все словно бы перешло теперь в одну постоянную тупую боль, которую ничем было не остановить. В бесконечно далекое отошли дни, когда он ходил на своих ногах, он перестал думать, как раньше, каждый раз с воскресающей надеждой, что там, под гипсом, все срастается, заживает и он встанет и все будет по-прежнему.

Однажды днем пришли не только Николай Федорович, его врач, но еще двое: один пожилой и важный, словно бы чем-то обиженный, другой лысый, круглый, лоснящийся, улыбающийся и губастый — он походил на какого-то киноартиста. Все трое долго осматривали Олеговы ноги, больно стучали по гипсу, просили шевелить пальцами. Он стараясь изо всех сил, так что даже пот потек по лбу и щекам, — пальцы не шевелились. Врачи вытеснились в двери и ушли говорить в комнату матери. Олег напрягся, но понял только приглашенный

крик матери: «Нет!!», почти тотчас же перекрытый басовым гудением. Слов разобрать он не смог.

Наконец, врачи ушли, а мать все не заходила к нему. Тогда он стал звать ее, и она пришла.

— Что? — спросил он, хотя совсем ясно знал, что ничего не надо спрашивать.

— Сказали, через неделю... в больницу... Если... Если... не будет лучше... — медленно выговорила она и вдруг пошла из комнаты неестественно прямо, торопливо.

Ему было словно бы все равно. Ну и пусть... Теперь уже безразлично — ходить с костылями, или ползать, или...

Кажется, он даже не испугался, только было жаль мать, что она так убивается.

Прошло еще несколько дней. Каждый вечер теперь приходил Николай Федорович, стучал молоточком по гипсу, трогал пальцы. А днем являлась сестра, очень красивая, с длинными ногами, в короткой юбочке, завитая, медицински-холодная. Улыбаясь, она раскладывала свои коробки-шприцы, улыбаясь, протирала ваткой, улыбаясь, тыкала иглой, улыбаясь, уходила. А пальцы в проме гипса уже стали густо-лиловыми, раздуто-водянистыми. Теперь Олег лежал только на спине, ему было видно бело-серое, зимнее небо, изредка мелькал там темный голубь, пролетали, медленно взмахивая, галки, и острокрылые птички пронеслись иногда дружным табунком. Он вспоминал, что такие розовые с желтым хохлатые птички прилетали на яблони возле школьного окна, густо облепляли их с тихим серебряным звоном и обирали мелкие, прихваченные морозом яблочки. Эти яблочки почему-то оставались целыми до весны только на самых тонких ветках у стены, и однажды Мишка Колосов на спор слазал за ними по водосточной трубе, набрал две горсти и угощал девочек и Юнону, яблочки были грязные, в саже, но все ели их, хвалили, а Мишка сиял и поглядывал на Юнону. Да, жизнь, конечно, идет там, как шла, работает школа, идут уроки, на переменах та же возня и галдеж, Светка Приставкина на уроке все поправляет свою челочку и тайком глядится в зеркало, Юра Сурганов чертит свои схемы-модели, Юнона...

Он лежал и думал, что завтра уже воскресенье, а послезавтра повезут в больницу и там... Не хотелось даже думать, что будет там и каким он вернется оттуда... И кто знал еще недавно, когда он был здоров, бегал на этих самых ногах, что так может случиться.

Он и теперь никому не говорил, что его ждет. Вчера сказал только Сурганову, когда тот пришел, принес задание. Сурганов долго смотрел на него через очки, словно он что-то высчитывал. Он сказал Сурганову, что ни в воскресенье, ни в понедельник приходиться никому не надо, — с утра увезут в больницу.

Потом попросил мать, чтоб она убрала книги и учебники, горой скопившиеся на стульях у кровати, велел убрать тетрадки и лег поудобнее — не то спал, не то думал... Глаза Олега были закрыты, руки лежали поверх одеяла. Может быть, он и вправду спал...

Юнона пришла в воскресенье, под вечер, когда небо уже заволакивалось сумеречной синевой, и это был самый тяжелый час. Она пришла так неожиданно, что он растерялся и словно бы рассердился — неужели ее послали?! Молчал, верил и не верил, узнавая ее голос в прихожей, а потом даже повернул голову к стене, ведь было уже поздно и, пожалуй, все равно.

— Здравствуй! — сказала она. — А я тут шла и решила тебя навестить. Ну, как ты? Ребята говорят, что тебя собрались класть в больницу.

— Тебя... послали? — воспаленно глядя, он приподнялся на локтях.

— Нет, — ответила она, понимая его. — Что ты выдумал? Я пришла сама. А что, нельзя?

С минуту он смотрел на нее, стараясь поверить, и понял.

— Можно, — вздохнув, опускаясь, сказал он. — Только здесь... не прибрано...

Глаза Юноны были теплые, большие и как бы вбирающие его взгляд.

— Вот какая чепуха...

— Открой форточку, — краснея, попросил он. — Здесь душно. — И подумал, а какво ей-то прийти с холода, со свежего воздуха, пьяного и чистого. — Открой, — повторил он.

— Да зачем же! — возразила она. — Мороз на улице. Знаешь, какой холодище? Двадцать четыре... Я терпеть не могу мороза... — Она даже повела плечами. — Знаешь, говорят, я похожа на северянку. Все это говорят... А я ведь с юга... Из Краснодара — там родилась, а здесь так мерзну, так мерзну...

Она ходила по комнате, а Олег смотрел на нее и все дивился ее взрослости, какой-то мягкой уверенности, точно она была намного старше, сильнее и увереннее его. Юнона ходила по комнате и что-то говори-

ла, а он, не вслушиваясь в слова, слышал только звук ее ровного голоса.

А потом она вместе со стулом под села к его кровати, и они вдруг заговорили так, словно рухнула сдерживающая этот поток слов плотина. Юнона рассказывала о своем городе, о серебристых тополях, дубах и виноградниках, о степи, курганах, Черном море, на котором она бывала каждый год, о той школе, где она училась раньше, потом вспоминала детские дни, и уже рассказывали наперебой то он, то она, счастливо соглашаясь, когда находилось нечто общее в этих воспоминаниях.

Совсем стемнело. Он решил включить свет — для этого у Олега были протянуты к выключателю две крепкие нитки, — но Юнона сказала, что зажигать огонь не стоит, пусть так, с улицы много света и все видно... Тогда он посмотрел ей в лицо и

вдруг увидел, что глаза Юноны сияют загадочно и успокаивающе. Ему показалось, что это не та Юнона, девочка, которую он знал, а другая — всевластная и всемогущая — и это было странно, удивительно и опять, как во сне...

Он не помнил, сколько они сидели так. Вошла мама и очень удивилась, что они сидят в темноте, зажгла свет и принесла чай. Юнона села к столу, а Олег, кое-как сдерживая стон, повернулся на полубок, а когда боль поутихла, стал пить чай, с наслаждением, чашку за чашкой...

Собираясь домой, Юнона подошла к шкафу с книгами.

— Это все твои? — спросила она, оглядываясь.

— Да, — ответил он и удивился вопросу.

— Можно, я выберу что-нибудь почитать?...

— Ну, конечно, — ответил он и обрадовался, потому что она угадала его желание.

Она долго смотрела книги и не достала ни одной.

— Посоветуй, — сказала она, улыбаясь и покачивая головой, — никак не выберу. Тут много древних: Плутарх, Цицерон, Тит Ливий... — Глаза ее снова волшебным блеснули, так вечером в тучах далеко и без грома мерцает молния.

— Возьми Ремарка, вон ту, толстую, там «На западном фронте...», «Три товарища», «Возвращение»... Не читала?

Она отрицательно тряхнула головой, с усилием вытягивая зеленую книгу.

— Когда ты придешь? — спросил он и испугался: вдруг подумает, что ему жаль книгу. Но она поняла все, даже его испуг, — так объяснили ее глаза.

— Завтра, — сказала она, краснея. — Если хочешь...

Он хотел сказать, что даже не надеется, не может просить ее об этом.

— Если хочешь... — повторила она. — Ведь мне, в общем, по пути... — Молнии угасли, глаза были обыкновенные, только слишком темные.

— Завтра меня увезут в больницу, — сказал Олег. — И...

— Тогда я приду к тебе в больницу, — сказала она. — Ну, выздоравливай и не кисни. До завтра. Я приду...

И она ушла.

И в эту ночь он долго не мог заснуть и от боли, и от счастливых воспоминаний. Он думал о Юноне и не находил слов, которыми мог бы отблагодарить и обрадовать де-

вочку с широким круглым лицом. Даже и в забытьи он все время видел ее, говорил с ней, жаловался ей на боль...

Утром пришла машина «скорой помощи». Дюжие студенты-санитары, громко топая, волокли носилки, переложили Олега и понесли по лестницам. На улице, пока носилки вкатывали в машину, он пораженно глотнул свежего деручего воздуха и не видел, как мать, прячась за спины санитаров, вытирала слезы. Дверца захлопнулась, мотор заурчал и машина покатила мимо собравшихся зевак, которые, видимо, очень любопытны поглядеть на чужую беду. Олег был спокоен, пожалуй, первый раз так за все эти дни, хотя ноги жгло все невыносимее и беспрерывная боль уже туманила сознание.

Палата была та же самая, густо заставленная койками, в ней он лежал в первые месяцы, и он не обрадовался ей. Только люди были все другие, хотя и тоже с переломами — закрытыми и открытыми, — а двое были очень тяжелые, забинтованные с ног до глаз — тяжелые травмы после автомобильной катастрофы. Однако был в палате и почти здоровый парнишка, который выпал из окна и получил сотрясение мозга. Видимо, сотрясение было не такое уж страшное, потому что, едва уходила дежурная сиделка, мальчишка вскакивал с кровати, лазил под койками, подпрыгивал на сетке, как акробат на батуте, обезьяной выглядывал в коридор, строил рожи, гоготал и вообще никак не подходил к палате, полной вздохов, стонов, а иногда и крепкой мужской брани... Но среди всеобщего молчаливого и громкого страдания Олег почувствовал себя лучше, словно люди помогали ему переносить боль, а может быть, она равномернее распределялась здесь на всех, кроме мальчишки.

В полдень обход делал профессор. Он долго смотрел его ноги, ни о чем не спрашивая палатного врача, потом быстро взглянул на Олега еще и вздохнул.

— Вот что, молодой человек. Как тебя зовут? Олег? Вот что, Олег, у тебя началось сильное нагноение, а может быть, и похуже... Буду говорить прямо, ты ведь мужчина, надо быть готовым ко всему, даже к ампутации. — И, увидев, как побледнело, заострилось Олегово лицо, добавил: — Конечно, постараемся сделать все, чтобы ноги уцелели. Но... иногда это бывает невозможно, к сожалению. Слишком было все раздроблено... Но ты возьми себя в руки. Главное сейчас — сохранить жизнь. Теперь делают хорошие протезы, в будущем воз-

можно пересадки, ты же знаешь, конечно, о пересадках сердца — и люди живут годами. Но пойми, если не ампутировать при гангрене, можно потерять жизнь... Подумай, времени немного еще есть, а мы поговорим с мамой.

Когда они ушли, палата зашумела.

— Соглашайся, — сказал мальчик без ног. — У меня было то же и еле спасли — теперь я поправляюсь.

— Не вздумай! — говорил старик с левой соседней койки. — Им что, а тебе без ног куда? Думай, парень. Ох, думай...

А мальчик с сотрясением мозга, вовсю прыгавший на кровати, сказал:

— Точно, не надо.

Юнона в этот день не пришла...

Под утро Олег уснул, скорее задремал, и во сне он увидел Юнону, ее хватили за руки, а она прорывалась к нему, ее отбрасывали, куда-то тащили, стаскивали с нее шубу, а она сопротивлялась и кричала: «Пустите меня! Пустите! Я все равно пройду! Я обещала!! Пустите!!»

Он открыл глаза. Он ясно слышал ее голос... Вот только что...

— Пустите! — крикнул он, приподнимаясь, как бы пытаясь встать, и действительно, в этот миг в палату, натягивая сползавший халат, ворвалась она — Юнона, с такими испуганными, страшными глазами, что Олег замер, опираясь на локти, не зная, что сказать, а сзади, в дверях, уже стояли сестры и няни.

— Ну?! — крикнула она и взгляд скользнул по одеялу, ища его ноги. — Тебя не оперировали?! Нет??

Она сунулась к его подушке, заплакала взахлеб, повторяя: «Нет?? Нет? А я так боялась... О-о-о...». Потом быстро вытерла глаза, села на стул, улыбалась и всхлипывала: «Вчера меня не пустили... Карантин... Я так боялась... Сказали, что ты в операционной... И я думала... О-о-о... А я... Я думала... Ну, ладно... Ну, хорошо... Я думала... А как ты? А ты не согласился? Нет?»

— Нет, — сказал Олег. — Пока не буду... Успокойся, — только тут понял, что плачет сам, весь скривился, торопливо вытер лицо рукавом и пытался улыбнуться.

— Ты выздоровеешь... — сказала она. — Понял? Ты выздоровеешь... Да, да... Я знаю... Понял? Я... — и глаза ее вдруг опять волшебным образом засветились, или это ему показалось, может быть, показалось, сквозь набегающий слезный туман.

— Девушка, немедленно покиньте палату. Что за самоуправство? Немедленно! —

требовала появившаяся заведующая отделением.

— Юнона... пойдй, — сказал Олег.

— Ты выздоровеешь, — повторила она, не двигаясь с места.

— Юнона...

— Я приду! — крикнула она в дверях.

— Сестра? — спросил старик, когда двери палаты захлопнулись.

— Да... — сказал Олег.

— Похожа, — согласился он. — Хорошая. Бойтся за тебя... А что? Сестра есть сестра. Родная кровь... Да-а...

На утреннем обходе врачи снова переглядывались.

— Ну, что же, молодой человек?

— Я не согласен... Я не буду, — твердо ответил он, и ему показалось, что он опять видит только глаза Юноны.

— Но ведь будет хуже.

— Нет.

— Гангрена может...

— Я не буду...

Они молча смотрели на него. Это были опытные врачи с усталыми умными лицами.

— Но ты хорошо понимаешь, что потом ты не сможешь ходить даже на протезах? Ведь это — гангрена. А может быть, через несколько дней мы совсем не сможем тебе помочь...

— Я не буду, — повторил он и отвернул голову, давая знать, что разговор окончен.

— Что ж... Пусть решает Ковальский, — сказал один врач.

— Да, надо говорить с Ковальским... Пусть смотрит. Все-таки главный хирург... Хотя положение, в общем-то, ясное. Деяносто девять «за», к сожалению...

Они перешли к другим больным.

Ковальский пришел лишь к вечеру. Это был огромный старик с жесткой белой бородкой, с узкими хитрыми щелочками глаз за золотыми линзами очков. Он был на кого-то похож, на кого-то из медицинских знаменитостей, профессоров и академиков, хотя и сам был и профессором, и членом-корреспондентом академии. У него были большие подвижные руки хирурга, и этими руками он долго, больно и властно прощупывал гипс, трогал пальцы, велел везти Олега в перевязочную, снимать гипс.

Здесь среди запаха крови, гноя, слипшихся бинтов Олег почти терял сознание, чувствовал, как руки профессора колдуют над ним, что-то убирают, перевязывают, сдвигают... Повязки наложили обратно, гипс твердел. А профессор стоял у стола и смотрел в окно. Он думал.

— Разрешите пропуск Юноне... Пожалуйста, — неожиданно сказал Олег.

— Кому? — помедлив, спросил Ковальский.

— Юноне... Это... Это девочка. Из нашего класса.

— А... Это та, что вчера разбросала наших сестер и няnek? Она очень сильная... Юнона... Хм. Богиня? — и, усмехаясь, вдруг добавил: — Хорошо. Пропуск будет. А тебя переведем в коридор. Ссылка. Понял?

Юнона пришла улыбающаяся и настороженная. «Ну? Что?» — спрашивали ее глаза. И Олег повторил все, что сказал Ковальский, слово в слово. А потом он молчал, а говорила она, повторяя все время: «Ты поправишься». А когда ушла, он повернулся на полубок и вдруг отчетливо и громко (про себя) сказал: «Я хочу быть с ногами! Хочу выздороветь... Хочу... Хочу... Хочу...»

Так он лежал до обеда, перемогая боль, и все время твердил одно и то же, весь напрягаясь, уходил волею в смысл этих простых слов: «Хочу выздороветь, хочу выздороветь. Хочу быть с ногами!..» Ему казалось, что с каждым повторением боль утихает, становится меньше, и он повторял слова шепотом и про себя до самой ночи: «Хочу выздороветь... Хочу подняться... Хочу выздороветь».

Когда он уснул, во сне видел, как ноги срastaются, словно бы складываются из кусочков — это было больно и в то же время невыносимо радостно. Он проспал до утра, может быть, первую такую спокойную ночь...

И прошла неделя. Каждый день ровно в три приходила Юнона, сидела у его кровати, уходила лишь под ворчливое недовольство старухи-няньки, удивительно неприятной, словно бы вечно озлобленной. А Олег, глядя, как скрывается халат Юноны, снова укладывался поудобнее, твердил эту свою не то молитву, не то заповедь. Она спасла его от всего: ненужных мыслей, тяжелых раздумий, лишних сомнений. «Хочу выздороветь. Я должен выздороветь. Должен, должен, должен», — повторял он с ожесточением, и в этом было все: желание подняться, жить, видеть Юнону, побороть черное и фиолетовое, что грозило ему.

В конце недели он потянул одеяло — взглянуть на пальцы. Он не смотрел на них, просто боялся и тут даже зажмурился — так было жутко, — и когда, закусив губы, он открыл глаза, то увидел, что они не были раздутыми и страшными: обычные пальцы, лишь необыкновенного цвета. Страх про-

шел. «Это, если... — подумал Олег, пытаюсь пошевелить ими, и чуть не закричал на весь коридор, увидев, как медленно и неловко шевельнулся сначала один, а потом и второй палец. — Они ожили... Ожили. ОЖИЛИ!!»

...Миновал целый год. Слегка прихрамывая, Олег шел на своих ногах в школу и остановился у невысокого дома, у самого крыльца. Здесь он стоял долго, словно отдыхал, а потом шел дальше. Это был дом, где еще недавно жила Юнона. Она уехала почти так же внезапно, как появилась в городе. Отца перевели в Петропавловск-Камчатский. Видите, как далеко... Но земля теперь уже не так велика. Спутник облетает ее за полчаса, и почта приходит быстро. Приходят письма, открытки с конусом Ключевской сопки, и Олег думает вечерами, закончив уроки и глядя на фотографию, которая висит над его столом: есть ли в мире такие расстояния, которые нельзя одолеть, а если и есть, то ведь есть и существа более сильные, чем простые люди... Она все-таки настоящая, эта кареглазая Юнона.

Елена
ХОРИНСКАЯ

У памятника Свердлову

Когда морозным хрупким хрусталем
Горят деревья и восход алеет,
Давай с тобою медленно пройдем
Задумчивой заснеженной аллеей.

И мы увидим серый пьедестал,
Снега подножье бережно закрыли,
И человек на сером камне встал,
Как бы застыв в стремительном порыве.

И напряженно смотрит он вперед,
Все так же смел, горячим сердцем молод.
И кажется, что он сейчас сойдет,
И снег стряхнет, и обойдет весь город.

Пойдет навстречу солнцу, небесам,
Постигнет и дела и мысли наши, —
На Верх-Исетском сталь проверит сам
И митинг проведет на Уралмаше...

Николай
КУШТУМ

Осень

Оделись в золото березки,
В лесу рябиновый пожар.
И на окраине Свердловска
Листвой усыпан тротуар.

С утра ударил легкой иней,
И нам уж слышится:

вдали

По-над Исетью

в небе синем

Кричат прощально журавли.

Что ж, здравствуй,
осень золотая,
Прохлада ясных вечеров,
Пора богатых урожаев,
Веселых свадебных пиров.

Над головой —
хрустальна просинь.
Вдыхаем свежий воздух мы.
Пройдет снежок,
с печалью осень
Попросит отпуск у зимы.

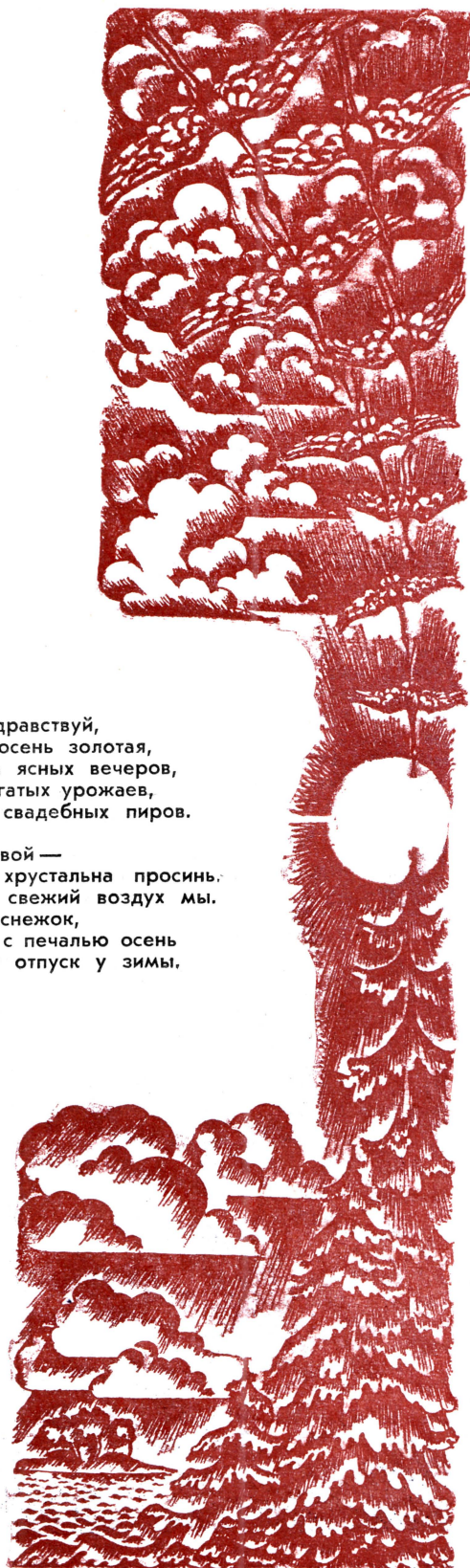
Константин
МУРЗИДИ

Последний совет границыщика

Памяти П. Бажова

Совет границыщика был краток:
Не меряй грани на рубли,
Забудь, что взвешены в каратах
Аквамарины, хрустали.
Забудь, что камешек прозрачный
Неизмеримой глубины
Каким-то там числом трехзначным
Сведен до рыночной цены.
Забудь, что есть несложный метод,
И знай, трудом встречая рань,
Что для таких камней, как этот,
Есть бриллиантовая грань.

Рисунки
В. Меринова

ГОРОД В РАБОЧЕЙ БЛУЗЕ

Диалог мэров

Поймать моих собеседников — задача не из легких. Анне Николаевне Бычковой восемьдесят семь лет. В этом возрасте в самый раз, казалось бы, сидеть дома в окружении внуков. А она на колесах. Выражение «на колесах» никак не следует понимать буквально. Как и в молодости, Анна Николаевна любит ходить пешком. С утра — в госархив, полистать документы тех лет [1929—1931], когда она возглавляла исполком Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, после обеда — на завод, носящий имя Я. М. Свердлова. Ее попросили выступить с воспоминаниями — член партии с 1906 года, Анна Николаевна прошла большую революционную школу подпольной борьбы. Ссылка в Сибирь, побег, эмиграция, активное участие в революции и, наконец, долгие годы партийной, советской работы [на пенсию А. Н. Бычкова вышла в 72 года] — с трудом верится, что столько этапных событий может вместить одна человеческая жизнь.

Буквально по минутам расписан день и у председателя горисполкома Алексея Алексеевича Пушкарева. Шутка сказать, управлять хозяйством современного миллионного города. Все ключевые вопросы развития города — экономики, культуры, науки, искусства, коммунального хозяйства — так или иначе лежат в сфере его интересов. А в этом году новые хлопоты, правда, радостные — Свердловск отмечает свое 250-летие. Именно об этом, о прошлом и настоящем социалистического Свердловска, и ведут диалог два мэра.

А. А. Пушкарёв. Свердловску — 250. Это и много, и мало. Есть на планете города-долгожители, возраст которых перевалил за тысячелетие. По сравнению с ними Свердловск выглядит довольно молодым. Но, думаю, к городам можно применить ту же мерку, что и к людям. Человеческая жизнь, как известно, оценивается не столько по количеству прожитых лет, сколько по тому, как они были прожиты. С этой точки зрения биография Свердлова весьма богатая.

Свердловск, можно сказать, ровесник Ленинграда, детище петровской эпохи. Стране нужно было не только «окно в Европу», к заморским странам, ей необходим был выход к огромным богатствам Урала и Сибири, своего рода «окно в Азию». Кладовые Каменного Пояса многое значили для судеб России. Без преувеличения, сама история предопределила рождение уральских городов — не случайно, как вы знаете, в одном и том же году празднуют свое 250-летие Пермь и Свердловск.

Время, крепостническая система диктовали свои законы и нравы. Екатеринбург в свое время был единственным в России городом, где не было городничего, его заменял главный горный заводчик. Жизнь казенных заводов с приписанными к ним селениями находилась в полной зависимости от горного правления. Это было государство в государстве — свои законы, своя полиция, свое войско, свой суд. Смотрите, как писалось в циркуляре того времени: «производить суд и расправу на том основании, как в полках, на основании прав помещиков в их селениях». Заметили, слово-то какое употреблено — расправа.

Днем рождения социалистического Свердлова стало 26 октября (8 ноября) 1917 года. Накануне связь с центром была прервана. Ползли по городу тревожные слухи. Самые разные: и о том, что восстание в Петрограде подавлено и что на Урал идут кадеты. Наконец, ночью телеграмма: революция победила! Днем рабочие и красногвардейцы заняли основные учреждения города, а вечером состоялась историческое заседание Екатеринбургского Совета, который объявил себя единственной властью в городе. Впрочем, я передаю эстафету Анне Николаевне — кому, как не ей, вспомнить те первые годы Советской власти.

А. Н. Бычкова. Заседание, о котором говорит Алексей Алексеевич, было действительно историческим. Но я хотела бы подчеркнуть, что оно было подготовлено всем ходом революционной борьбы на Урале. Стоит вспомнить, что первым председателем исполкома горсовета, избранного накануне Октябрьской революции, еще в марте семнадцатого, был большевик — Павел Быков. Екатеринбургский Совет

стал активным борцом нового строя. Совет, в частности, ввел повинность для богачей, имеющих лошадей, поочередно предоставлять ее членам Совета — не мотаться же им по служебным делам пешком, коляска по большому городу. Местные богатеи пожаловались редакции реакционной газеты «Русская воля». С гневной отповедью им в заметках «Из дневника публициста» выступил Владимир Ильич Ленин.

Всецело одобряя начин Екатеринбургского Совета, Ленин отмечал, что «это еще не социализм, а только один из первых шагов к социализму, но это именно то, что необходимо бедному народу настоятельно и немедленно».

Заседания горсовета становились ареной классовой борьбы. Схватки были жаркими. Помню, шла подготовка к первомайской демонстрации. Большевистская фракция предлагает создать колонну из военнопленных. Эсеры, меньшевики возмущены: это-де наши враги, у большевиков, мол, нет чувства патриотизма. Демагогическими речами сбили с толку

солдат-депутатов. Предложение отклонили. Не сдаваться же нам! Посовещались и — лучших агитаторов в казармы. Они горячо убеждают солдат, что революция тогда будет успешной, если ее поддержат братья по классу. Истинные их враги не военнопленные — выходцы из рабочих и крестьян, а капиталисты — будь то русские, англичане или французы. Сменяют друг друга ораторы, кипит словесный бой. Выносятся резолюция: поддержать большевиков. Снова заседает Совет, но ситуация уже иная, на столе президиума лежат резолюции с солдатских митингов.

Первого мая в колоннах демонстрантов шла большая группа военнопленных. Реял над их головами лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Многие из них влились впоследствии в интернациональные отряды, с оружием в руках защищая Советскую власть.

В становлении крепкой большевистской организации на Урале, и, в частности, в нашем городе огромную роль сыграл выдающийся деятель партии Яков Михайлович Свердлов, тогда его знали как «товарища Андрея». И когда встал вопрос о переименовании города, то прежде всего вспомнили это имя.

Поселение на Исети было верноподданнически названо Катериноградом, в честь жены Петра Первого. Когда к власти пришли рабочие и крестьяне, имя царицы, как писали тогда, «терзало пролетарский слух». Недостатка в предложениях не было: Красноуральск, Андрейград, Ленинбург, Красноград, Местиград и Реваншбург. Авторы последних двух вариантов имели в виду то, что именно в нашем городе закончила свой путь династия Романовых.

Выражая мнение большинства, газета «Уральский рабочий» писала: «Имя Свердлова — единственное, которое с честью будет носить центр Красного Урала».

На торжественном заседании 6 ноября 1924 года под звуки «Интернационала» и пушечный салют было провозглашено новое имя города — Свердловск.

— Анна Николаевна! Вас избрали на пост председателя горисполкома в 1929 году. Для подавляющего большинства наших читателей двадцатые и тридцатые годы это уже история, о которой они знают по книгам и кинофильмам. Какими они были, по вашим воспоминаниям, эти годы!

— Что тут говорить о молодых — мне самой это время кажется таким далеким. Недавно я листала документы тех лет и, представьте, заново открыла для себя многое.

Старожилы помнят, как плохо было в Екатеринбурге с водой. Земская управа «решала» вопрос в течение 35 лет. Проект 1884 года был отклонен ввиду того, что «водоснабжение поставлено у нас довольно сносно». Между тем, окраины задыхались без воды. Водозаводы устанавливали цену в зависимости от времени года: на Николу зимнего и Николу летнего.

Уже в советские годы можно было наблюдать такую картину. По улице медленно — дороги в рытвинах и ухабах — движется битком набитый автобус. За ним на лошади — водовоз. Автобус останавливается у остановки, возница тут как тут. Он берет черпак и предлагает пассажирам испить «колодезной водички». За плату, разумеется.

Понятно, насколько большой была радость, когда вода пришла прямо в квартиры. Помните, у Маяковского:

...Но больше всего
мне
понравилось —
это:

это
белее лунного света,
удобней,
чем земля обетованная,
это —
да что говорить об этом,
это —
ванная.

Усталый приходит литейщик Иван Козырев с работы. Ни щи, ни чай его не радуют, а зайдет в ванную и... «как будто пришел к социализму в гости».

И звучит от имени рабочего заключительный аккорд поэта:

— Очень правильная,
эта,
наша,
Советская власть.

Стихотворение «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» написано поэтом во время его пребывания в Свердловске по горячим следам событий, когда в нашем городе появились первые многоэтажные дома с коммунальными удобствами.

Нечто похожее было и с трамваем. Еще в 1910 году предприимчивая английская компания предложила построить десять километров одностороннего пути с разъездами. Более двух лет ра-

ботала комиссия. Отцы города долго думали и... вынесли резолюцию: «Работу комиссии принять к сведению».

...Лозунг «Даешь свердловский трамвай!» обрел множество поклонников. Даже по нынешним меркам прокладка пути шла быстро. 7 ноября 1929 года вагон с первыми пассажирами — а это право надо было заслужить! — под ликующие крики «ура» и медь оркестра медленно двинулся в путь.

В протоколах заседания горисполкома, которые я листала, под номером 33-а за 17 октября 1929 года значится такая запись. Приведу ее полностью:

«Слушали. Об отуждении для УПИ помещения, занимаемого ОблЗУ под конюшни.

Постановили. Принять к сведению, что переоборудование конюшен под общежитие УПИ уже производится и через 1,5—2 месяца будет закончено».

Пусть напомним этот небольшой документ студентам крупнейшего в стране Уральского политехнического института с их ныне великолепными учебными аудиториями и студенческими корпусами, в каких условиях жили в двадцатых годах их сверстники, каким трудным был путь к высшему образованию.

Или вот еще один документ. Некто Сторожев просил у горсовета разрешение открыть столовую с продажей пива. Резолюция лаконична: «отказать. Неистребимый частник, используя временные трудности, пытался вынырнуть на поверхность. Отказать просто, а как действительно накормить население большого города? Горсовет постановил построить в Свердловске фабрику-кухню на 60 тысяч блюд в сутки.

А знаете, как появилась у нас первая санитарная машина? Раньше «скорая» ездил на лошадах — редкое сочетание слов: «скорая» и лошадь. И вот как-то, по-моему, это было в тридцатом году, вбегает в кабинет заведующий отделом здравоохранения. — Анна Николаевна, — говорит он с порога. — Есть возможность достать машину.

Достать машину в то время все равно, что приобрести ковер-самолет. Я иронически улыбнулась.

— Нет-нет, не улыбайтесь, — заторопился зав. — В самом деле есть. У военных. Списанная. Но восстановить можно. Они согласны передать. Только надо вам нажать на того-то и того-то.

И, действительно, появилась в городе первая санитарная машина.

Много сил и времени отдавали школе и ликвидации неграмотности. Из студентов и старшекласников образовали полуротатрассный отряд культармейцев, обеспечили их бесплатным проездом на трамвае и автобусе. Город разбили на 17 участков. Культармейцы водили своих подопечных в кинотеатры и музеи — бесплатно. 6 ноября 1929 года на торжественном пленуме горсовета постановили ввести в Свердловске всеобщее начальное обучение. Это явилось, без преувеличения, величайшим социальным завоеванием.

— Тридцатые годы — это годы становления крупной индустрии...

— Да. Наверное, стоит начать разговор об этом с очень важного документа. В 1927 году Совет Труда и Обороне принял решение о строительстве в Свердловске завода тяжелого машиностроения, ныне всемирно известного Уралмаша.

А начался завод заводов так. В морозный мартовский день от управления Уралмашстроя, которое размещалось, кстати, в здании нынешнего универмага «Пассаж», выехал конный поезд: шестьдесят человек на сорока подводах. Впереди на кошке, укрывшись медвежьей шкурой, — начальник строительства А. Банников. В обозе находились плотники, лесорубы, каменщики. Со старого Пышминского тракта свернули в лес и остановились. Глубокий снег и частокол соснового бора преградили путь к будущей строительной площадке. Пришлось торить дорогу.

15 июля 1928 года заложили первый камень в фундамент цеха металлических конструкций. Мне не довелось присутствовать на торжественной церемонии, но я знаю о ней от А. И. Нейштадта, с которым ряд лет работала в горсовете. После митинга несколько пожилых рабочих подошли к его организаторам, и изрядно смущаясь, изложили свою просьбу. По старому русскому обычаю, чтобы здание стояло века, надо заложить в фундамент золотую монету. Они очень просили уважить их просьбу. Ни у кого, конечно, не оказалось золотой монеты. Срочно командировали в город заведующего финансовым отделом. В основание цеха заложили золотую десятирублевку. В буднях великой стройки

рождались огромные пролеты заводских цехов. Ровно через пять лет новый гигант вступил в строй. А еще через год, 15 июля 1934 года, отмечали день рождения другого первенца пятилетки — завода Уралэлектротяжмаш.

О промышленности Свердловска, видимо, скажет Алексей Алексеевич — он двенадцать лет был директором завода, ему, как говорился, и карты в руки, — а я хотела бы отметить вот что. Росли заводы, росли и люди — это был двуединый процесс. Характерно, что именно на Уралмаше в одном из общежитий возникла первая в городе производственная коммуна, костяк которой составили комсомольцы цеха металлоконструкций. Устав не сохранился, но основными принципами его были: ударно работать, повышать уровень политических и общеобразовательных знаний, приобщаться к культуре, не стоять в стороне от общественной жизни.

Выполнять устав было не просто. Скажем, учиться. Это сейчас можно пойти с учебником в красный уголок, в библиотеку, да и во многих общежитиях есть комнаты для занятий. А у коммунаров классную доску заменяла печь, окрашенная в черный цвет, вся испещренная задачами, формулами и теоремами. Чтобы получить кусочек мела и место у печки, занимали очередь. Я сама, чтобы получить высшее образование, села на институтскую скамью в 61 год и, поверьте, хорошо знаю, что значит сочетать труд и учебу.

В сенях у коммунаров хранились кайлы, лопаты, ломы. Ночью по первому зову шли разгружать вагоны, расчищать пути. Обратню в барак — с песней. С песней же, напрямик через строительные площадки, будь то слякоть или метель, шли добрый десяток километров до центра города в оперный театр.

Строгие законы морали учредили сами себе коммунары. Когда влюбился в коммунарку Граню Карипанову парень, то пришлось ему просить согласия не только у невесты, но и у коммуны. Вынесли на общий совет — дело-то нешуточное и, поскольку парень был хороший, дали согласие.

Несколько лет назад по инициативе газеты «Вечерний Свердловск» состоялась памятная встреча бывших коммунаров и приятно было убедиться, что они на всю жизнь остались верны высоким идеалам молодости. И мне хотелось бы пожелать сегодняшним

подросткам, читателям журнала, чтобы они взяли на вооружение все те замечательные качества, которые были у строителей первых пятилеток: их полную самоотдачу обществу, горение в труде, высокую общественную активность, крепкое чувство локтя.

— Спасибо за пожелание. А теперь я хотел бы, чтобы вы вспомнили грозный сорок первый...

— Далеко от Урала шла линия фронта. Но Свердловск по праву можно назвать фронтовым городом. Заводы, фабрики, учреждения работали по суровым законам военного времени. Рабочие ушли в армию, а их место заняли женщины и подростки. Бывало, до станка мальчонка не может дотянуться, встанет на ящик, а к вечеру — полторы нормы. Это при тогдашнем недоедании-то. Комсомольцы участка мастера Попова с Уралмаша заявили: «Завод — тот же фронт. Не уйдем, пока не дадим одну-две нормы». Спали тут же, у станка. Так возникли знаменитые «фронтовые бригады».

Что ни день, то прибывали на Урал эшелоны с демонтированными заводами. Не проходило и года, — заметьте, года! — как они вступали в строй. Первый эшелон с оборудованием киевского завода «Большевик» пришел на строительную площадку Уралхиммаша 6 августа 1941 года. Машины устанавливали в лесу, под навесами и, не дожидаясь крыши над головой, приступали к работе. И уже 23 февраля 1942 года завод выпустил первую продукцию.

А вспомним Уральский добровольческий танковый корпус! Это редчайшая страница в летописи нашей страны, когда один край в короткие сроки сформировал крупное воинское соединение. Начиная с танков (они были выпущены сверх плана) и кончая пуговицей на солдатской шинели — все было сделано на Урале, в сверхурочные часы. Сто тысяч человек подали заявления. На предприятиях и учреждениях работали строгие комиссии по отбору. Лучших из лучших направлял Урал в танковый корпус, который прославил свое имя на фронтах Великой Отечественной.

— Алексей Алексеевич, слово за вами. Город, как и человек, имеет свое лицо. Каким представляется вам лицо современного Свердловска!

— Если коротко, то я бы ответил так — город в рабочей спецовке. Городу дал жизнь завод: 18 ноября 1723 года на Екатеринбургском горном заводе «в одной молотовой пошли в ход два молота», и с этого дня мы ведем свое летоисчисление. И сегодня лицо Свердловска определяют заводы и фабрики.

Всего у нас 170 промышленных предприятий. Простое перечисление продукции, которую они выпускают, заняло бы, пожалуй, не один номер журнала. Скажем, только на одном заводе — Уралхиммаше — за последнюю пятилетку созданы аппараты трех тысяч наименований. Чтобы отправить их заказчикам, понадобилось 15 тысяч полновесных железнодорожных вагонов. Представляете, какой состав!

На визитной карточке города можно с полным правом избрать машину: будь то великан-экскаватор с его гигантской рукой-стрелой в 125 метров и ковшем емкостью 80 кубометров или теплофикационная турбина, которая может обеспечить светом и теплом население трехсоттысячного города, или могучий гидрогенератор мощностью 150 тысяч киловатт. Машиностроение города находится на переднем крае технического прогресса.

Конечно, в известной степени, Свердловск можно назвать и городом студентов (14 вузов, 85 тысяч студентов), и науки (Уральский научный центр, более ста научно-исследовательских и проектных институтов), но, повторяю, тон всей жизни Свердловску задают рабочие коллективы. Побывайте утром на площади Первой пятилетки, у проходной Уралмаша. Впечатляющее зрелище! Гудит площадь от тысячи ног. Идут создатели материального могущества, хозяева нашей страны.

Я очень советовал бы старшеклассникам пройти рабочую закладку. Я благодарен судьбе, которая связала меня с Уральским турбомоторным заводом, где поучаствовало проработать семнадцать лет. Словами это трудно выразить, скажу лишь, что очень многим в жизни я обязан заводу.

— Нет ли в распоряжении горсовета машины времени, чтобы совершить поездку в будущее!

— Есть. Только название у нее несколько иное — генеральный план реконструкции и развития города. Может, тяжеловато для слуха, зато у нашей «машины»

есть очевидное преимущество: она позволяет не просто пометить о будущем, а представить его с достаточной степенью достоверности.

Итак, мы с вами идем по Свердловску двухтысячного года. Просторные светлые магистрали. По ним рядами мчатся автомобили. В час пик в центральной части города их ни много ни мало — до 35 тысяч. Ничего не поделаешь — век машинизации. Для пешеходов тенистые тротуары, подземные переходы. Заметьте, нас окружают не пяти-, а девяти- и четырнадцатизэтажные здания. «Небоскребов», впрочем, мало, они в основном для создания архитектурного силуэта Свердловска.

В каждом крупном жилом районе свой общественный центр: административные здания, универсальные магазины, столовые-рестораны, всевозможные мастерские и ателье. Свердловчане, а их, кстати, более полутора миллионов, довольны: к их услугам масса удобств, так сказать, по месту жительства.

На юго-западе раскинулся город науки. Белоснежные корпуса гармонируют с зеленью огромного парка. Красочная афиша зовет на матч по футболу среди команд высшей лиги с участием «Уралмаша». Спешим в летний спортивный центр, что на берегу Верхисетского пруда. Стотысячная чаша стадиона до отказа заполнена зрителями.

Свердловск, как видите, значительно вырастет, но при этом, что совершенно необходимо подчеркнуть, границы его существенно не изменятся. Зеленая зона, легкие города, останутся в неприкосновенности. Свердловск — один из немногих крупных городов, которые могут гордиться тем, что его жители на трамвае или троллейбусе имеют возможность подъехать прямо к опушке соснового бора. Пользуясь случаем, я хотел бы сказать слово благодарности юннатским кружкам, клубам в защиту зеленого друга. Они наши большие помощники по охране природы.

— Как строится ваш рабочий день?

— Откровенно говоря, я даже рад этому вопросу. Беседую я с вами, а думы мои невольно вот об этой папке, что лежит на столе. В ней материалы о переходе ко всеобщему среднему образованию. Анна Николаевна совершенно справедливо говорила о

том, что всеобщее начальное образование явилось величайшим социальным завоеванием. Новые времена — новые масштабы. Сейчас речь идет уже о всеобщем среднем. Вопрос не из легких. Требуется многое изучить, взвесить. Нужна материальная база, кадры учителей и многое другое. На ближайшей сессии горсовета примем боевую программу действий.

Затем — на выставку реконструкции предприятий, потом — прием избирателей. Случается и незапланированное событие, как, например, сегодня утром. На стройплощадке Верхисетского, где возводится крупнейший в Европе цех холоднокатаной трансформаторной стали, лопнула труба. Специалисты и рабочие устранили аварию, а я проследил, чтобы срочно было налажено горячее питание строителей. И так день за днем.

— Насколько широко представлена в горсовете молодежь?

— Весьма достойно. Судите сами: из 500 депутатов 130 комсомольского возраста. Если в капиталистических странах всячески ограничивают права молодежи, ибо именно она наиболее остро и непримиримо выступает против социальной несправедливости, то у нас молодые активно участвуют в управлении государством. Они привносят неизбывную энергию, смелость в постановке вопросов. Правда, им не хватает подчас опыта, но этот недостаток, как знаете, проходит с годами. Они работают бок о бок со старшими, впитывая их знания, житейскую мудрость. В городском Совете создана комсомольская группа, устраиваются встречи руководителей исполкома с молодыми депутатами. Словом, делается многое, чтобы наша смена прошла хорошую школу государственного управления.

— К юбилею Свердловска на берегах Исети закончится строительство Исторического сквера. Думаю, нашим читателям было бы интересно познакомиться с ним.

— Историю в конечном счете создают не цари и монархи, ее пишет народ. Славу и известность Уралу принесли его работные люди. Поэтому на левобережной стороне сквера мы создадим небольшие экспозиции, которые расскажут посетителям, как зарождалась и крепла уральская

промышленность. Предполагаем выставить макеты и образцы и исторических, и современных машин.

Правобережная часть сквера посвящена богатствам уральских недр. Среди кедра и лиственницы громоздятся валуны, уникальные экспонаты, созданные самой природой. А изделия из самоцветов можно будет приобрести в магазинчике, который расположится в бывшей водонапорной башне. Музей под открытым небом уже сейчас пользуется большой популярностью у свердловчан.

— И не только у свердловчан. Кстати, насколько мне известно, по генеральному плану намечено построить 14-этажную гостиницу «Турист»...

— Как говорится, намек понял. Со страниц журнала «Уральский следопыт» приглашаю его читателей посетить наш рабочий город. Как поется в популярном «Свердловском вальсе»:

«Мы приветливо встретим
в Свердловске
дорогих гостей».

**Интервью вел
С. МЕШАВКИН**

*Фото
А. Нагибина*

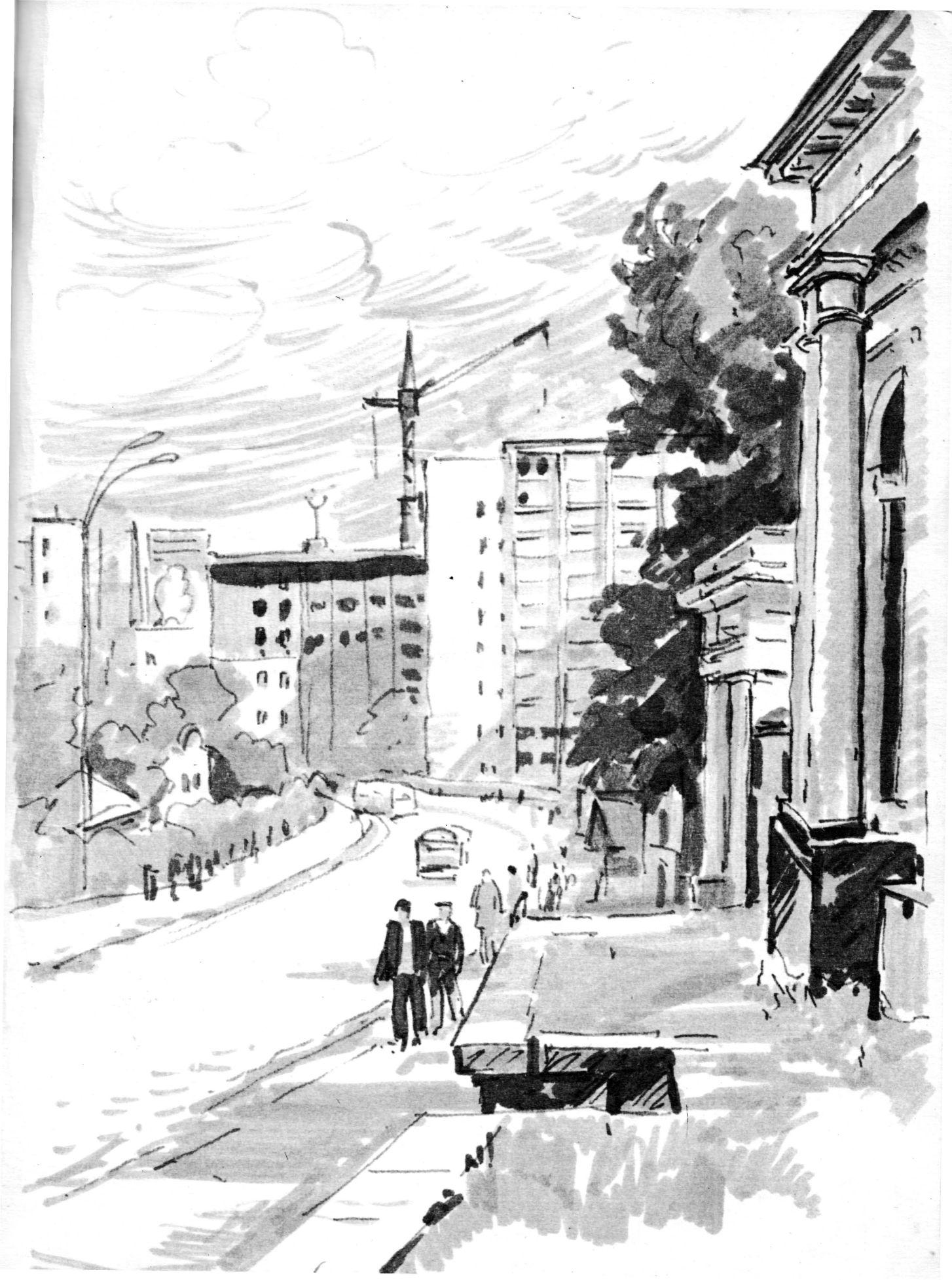

*СВЕРДЛОВСКИЕ
ЭПЮДЫ*

художника В. Яковлева

ЗАБЫТЫЕ ГРАВЮРЫ

В середине прошлого века, когда фотография еще не была распространена, какой-то неизвестный художник запечатлел на рисунках облик тогдашнего Екатеринбурга. Обычно подобные «панорамы» делались через камеру-обскуру и отличались довольно большой точностью. Иногда они появлялись и в печати в виде гравюр.

Две такие гравюры встретились мне среди вырезок в семейных бумагах. Их дополнял небольшой текст с описанием города. На одной из гравюр изображена главная площадь Екатеринбурга и вид

на плотину. На другой — вид на левобережную набережную с Харитоновским домом вдали.

Но — откуда эти гравюры, где и когда они были опубликованы? Долго это мне не было известно. Помог случай. Просматривая комплект журнала «Воскресный досуг», где нередко печатал свои стихи уральский литератор А. Я. Кокосов, в поисках забытых его произведений, в номере 60 за 1864 год, на страницах 152 и 153 я встретил знакомые гравюры, которые уцелели в бумагах моего деда. Возможно, что автор текста А. Я. Кокосов.

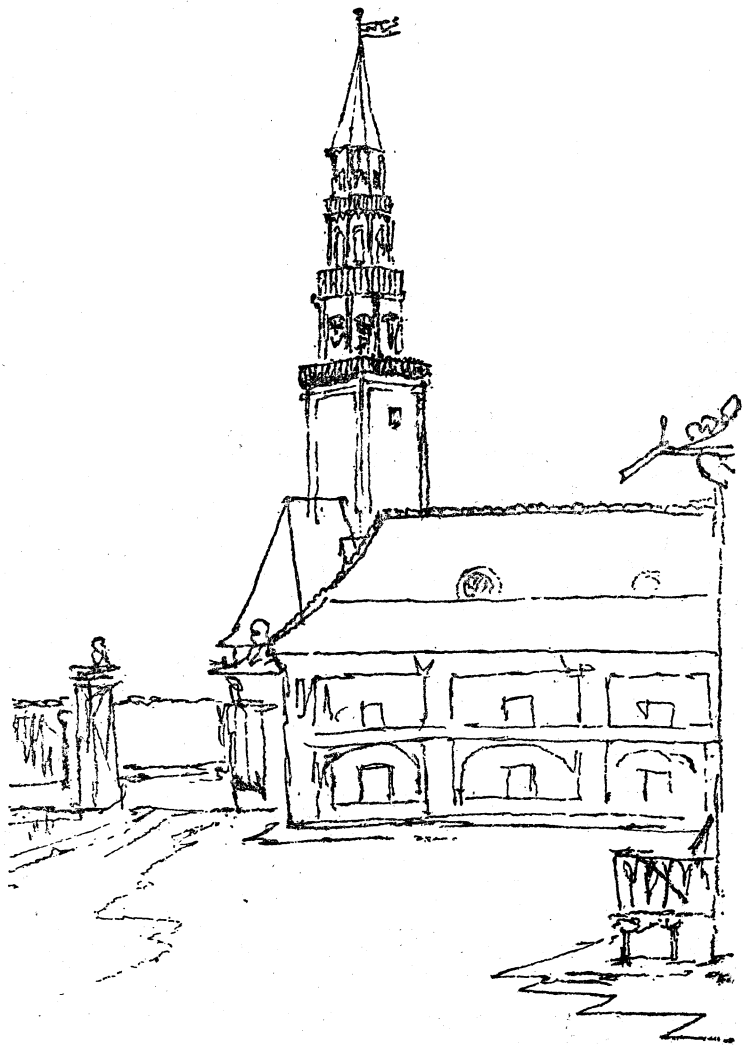
ЖУКОВСКИЙ ЕДЕТ ПО УРАЛУ

1. Весной 1837 года, как только подсохли знаменитые своей грязью российские дороги, в Царском Селе собрался в далекий путь многоэкипажный конный поезд: девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич, только что закончивший основной курс обучения необходимым будущему царю наукам, по приказу отца, Николая I, отправлялся во главе обширной свиты в большое путешествие по России.

Маршрут поездки был намечен настолько пространный, что пришлось специально напечатать его в военной типографии брошюрой в 29 страниц объемом — для памяти путешествующим и для руководства местным властям при встрече. Наследнику предстояло проехать около 12 тысяч верст и обозреть империю до Урала и Западной Сибири на востоке, до Смоленска на западе и до Елисаветграда на юге.

Николай собственноручно составил обстоятельную инструкцию наследнику: что и как смотреть, где бывать (а где нет), когда ложиться спать и когда вставать, когда и с кем обедать и ужинать, какие балы и приемы посещать и даже — с кем из дам и что именно танцевать («...С некоторыми из почетных дам — польский, с молодыми же знакомыми и лучше воспитанными — французские кадрили, две или три»).

Сформулирована была здесь и главная задача вояжа: «Путешествие имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным».

«Невьяновский завод. 27 мая». Рисунок В. А. Жуковского.

За несколько часов до отъезда 2 мая император собрал в своем кабинете многочисленную походную свиту цесаревича (наставники, адъютанты, титулованные офицеры, лейб-врач) и долго читал им наставления. Всем было велено «вести свой особый журнал», то есть путевой дневник.

Николай уточнил при этой беседе и свое понимание «узнать Россию». Как записал в дневнике один из наставников наследника, его флигель-адъютант С. А. Юревич, царь повелел «...чтобы видели вещи так, как они есть, а не поэтически. Поэзия в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность».

Конечно, существенность можно понимать и как деловитость, но мы-то знаем, что Николай вообще был бы не прочь всю поэзию отправить в сторону, как, скажем, отправлял Пушкина в ссылку, Поллежаева в солдаты, Рылеева на виллицу. И здесь это противопоставление дела и поэзии, похоже, адресовалось кому-то из поэтов.

Но поэт на этой беседе не присутствовал — он опоздал (нечаянно или умышленно — кто знает), хотя и был назначен участником путешествия.

К отъезду, однако, он успел. В назначенную ему коляску, вместе с молодым подпоручиком Виельгорским, сел наставник наследника поэт Василий Андреевич Жуковский.

В 6 часов полудни длинный, сразу же растянувшийся почти на полверсты поезд (11 экипажей при 37 лошадях), тронулся в дальний путь, поднимая клубы первой весенней пыли.

2. Откинувшись поудобнее на спинку сиденья, поэт глядел из-под полуприкрытых век в окно коляски на проплывающие мимо подсыхающие поля, серозеленые от первой листвы перелески, на избы притрактовых деревень, с побуревшей за зиму соломой на крышах... О чем он мог думать в эти первые часы столь длинного (почти восьмимесячного!) пути, оторвавшего его от друзей, от поэзии, от нестолжных забот?..

Едва ли с легким сердцем отправляясь в эту поездку Василий Андреевич, хотя давно знал о ней, сам принимал участие в разработке маршрута и программы ее. Лишь три месяца назад он похоронил Пушкина — не только близкого друга и «победителя-ученика»,

но и великого русского писателя, значение которого он хорошо понимал. Все эти месяцы были заняты разбором и описанием (под присмотром жандармов) его бумаг, хлопотами перед правительством об опеке и устройстве материальных дел семьи поэта, наконец, изданием его сочинений, на что у царя с трудом удалось выхлопотать разрешение.

Отношения с государем, особенно после всех этих хлопот о Пушкине, какие-то натянутые — вот ведь сказал же нарочито «Поэзию в сторону!» Да и с наследником уже не те, что были раньше, когда великий князь был еще мальчишкой..

Уже более десяти лет состоит он его наставником, преподавая ему русский язык и эту самую «поэзию». Приветствуя в 1808 году его рождение, писал в стихе императрице-матери, выражая надежду, что ее сын —

...И на чреде высокой не забудет Святейшего из званий: человек!..

Пожалуй, уже начал забывать... Что ж, он, учитель, как мог, как умел, старался привить будущему российскому царю эти качества, которые сам считал святейшими. Другое дело, что он, воспитатель, не один, а главный среди них — сам император Николай Павлович..

Василий Андреевич грустно вздыхает и вскидывает лорнетку к глазам, чтобы сделать вид, будто заинтересован вечерним пейзажем. Не надо бы, пожалуй, ему ехать. Но — служба обязывает. Вот и трясись теперь, на пятьдесят четвертом году, тысячи верст по воспетым всеми поэтами треклятым расейским дорогам. А поэзия... «Поэзию — прочь!»

Что он там увидит, кого встретит? На Урале, кажется, никого близких знакомых нет. А вот за Рифеем, в Зауралье, — там те, о ком одиннадцать лет болит душа, друзья, попавшие в беду: Якушкин, Черкасов, Розен и их товарищи по Сенатской площади. Он не сочувствовал их радикальным взглядам, не одобрял и «бунта» 14 декабря. Но — ведь товарищи, близкие друзья его и Пушкина. Может, хоть чем-то сумеет им помочь?..

Василий Андреевич укутывает потеплее колени плодом и смежает веки. Кастаньетами цокают копыта лошадей, впереди что-то кричит фельдъегерь... Поезд наследника мчится в глубь России.

И снова бесконечной чередой мимо проплывают окаймленные холмами поля, перелески, приземистые избы деревень... Серо и грязно.

3. О чем думал Жуковский в коляске, начиная это продолжительное путешествие, можно только предполагать — свидетельств не осталось. А вот что увидел за это время, с кем встречался, что делал — оказалось возможным узнать: Василий Андреевич вел дневник. И не потому, пожалуй, что к этому обязывало распоряжение Николая, а в силу давней привычки вести путевые записи.

И этот дневник сохранился. Его подготовил к печати и опубликовал в 1902—1903 гг. в журнале «Русская старина» директор Публичной библиотеки И. А. Бычков.

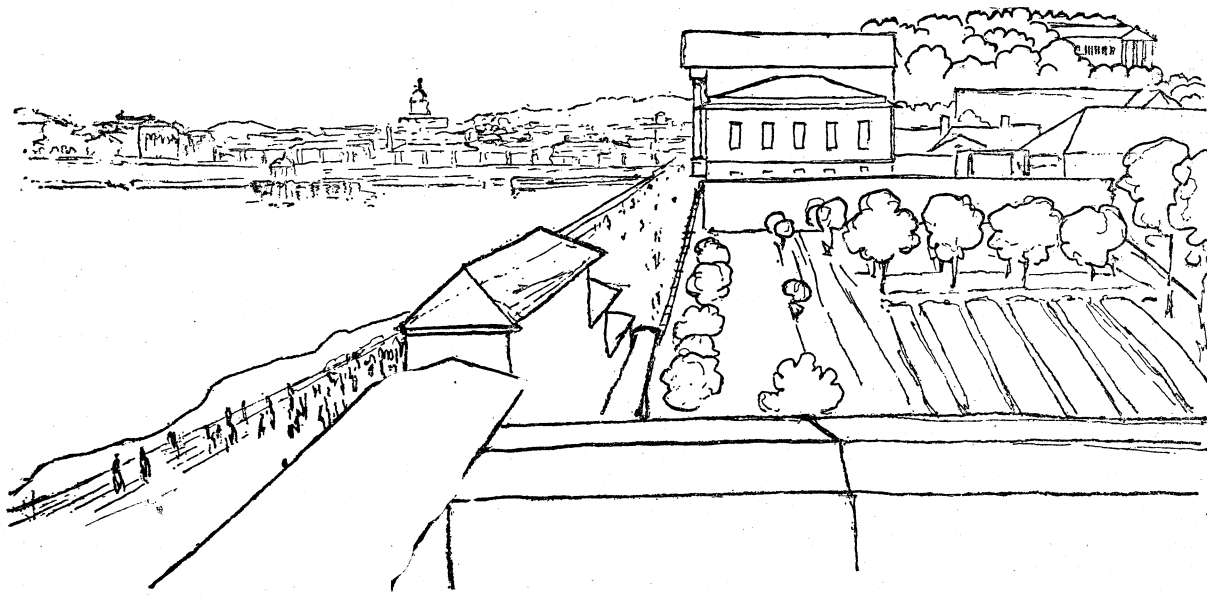
Правда, первое знакомство с дневником может разочаровать. Это даже не конспект, а какие-то пунктирные заметки, понятные, пожалуй, только самому автору их. Недаром впоследствии близкий друг Жуковского, П. А. Вяземский, тоже писатель, ознакомившись с дневником, отметил, что он «...не систематический, не подробный. Часто заметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы обозначать пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить».

Колья, заголовки... Все это близко к истине, но Василий Андреевич более не возвращался на «пройденный путь» и никак не использовал записанное в своих произведениях (с этих лет он почти ничего не писал оригинального, только переводил).

Но памятные вехи (это, пожалуй, точнее, чем «колья») для чего-то ему были нужны. Пусть не как писателю, а просто как человеку, которого встречи и впечатления тех дней обязывали к возможным в будущем связям, к напоминаниям, к исполнению обещаний, наконец — к рассказу друзьям по возвращении.

Не исключена возможность, конечно, что это и конспект, на тот случай, если Николай все же захочет проверить исполнение своего повеления. Тогда, пользуясь пунктирными заметками, можно составить и «журнал» с описанием всех подробностей путешествия. По еще свежим впечатлениям сделать это будет не так уж трудно.

Ему — да. А нам? Ведь было бы важно узнать поподробнее — с кем встречался замечательный русский поэт, чем интересны эти

«Екатеринбург. 27 мая». Рисунок В. А. Жуковского.

встречи, что он видел и что при этом отметил, в чем или в ком принял участие, какие остались следы его пребывания в далеком тогда от столицы крае.

4. И это оказалось не таким уж невозможным делом. Как ни пунктирен дневник, многое в нем поддается расшифровке, если знать обстановку тех лет на Урале и если еще привлечь на помощь дополнительные — малоизвестные, а то и совсем неизвестные — материалы.

Например, такие, как письма с пути С. А. Юрьевича жене в Саратов. Они были опубликованы много лет назад (в 1887 году) в журнале «Русский архив». Преданный царедворец, человек отнюдь не либеральных взглядов (что и отразилось явственно в его письмах), он, однако, дал в своих пространных посланиях довольно подробную картину занятий и времяпрепровождения путешественников, порой с присовокуплением интересных деталей. Письма помогают дополнить или раскрыть многие записи Жуковского.

Или — дневники остальных участников поездки. Уж коль царь распорядился — «каждому писать свой журнал», то, надо думать, едва ли кто решился ослушаться.

Но — где они? Среди опубликованной литературы их не встре-

чается. Так, может, остались где-то в архивах?

Смотрим незаменимый в этих случаях двухтомный указатель «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», изданный в 1962 году. И вспомним, кто же ездил вместе с Жуковским.

К. И. Арсеньев, ученый историк, географ, статистик, воспитатель наследника... Есть! Его фонд хранится в архиве Академии наук в Ленинграде. Запрос — «Нет ли в фонде № 117 его дневника?» Ожидание. Ответ — «...Не имеется».

Ну, что ж, не повезло с Арсеньевым, поищем других.

А. А. Кавелин, тоже воспитатель. В Центральном Государственном историческом архиве (ЦГИА) его фонд под номером 947. А дневник? «...Не обнаружено».

Граф Адлерберг — тот же архив — «...Не имеется».

Фондов доктора Енохина, полковника Назимова, офицеров Виельгорского и Паткуля в указателе не числится.

Зато нашелся фонд С. А. Юрьевича — в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР). А в нем, кроме писем жене, — и дневник.

Итак — Юрьевич: письма, дневники. И все. Не так-то много...

Но, позвольте, был же еще один участник поездки, о котором

мы забыли, — сам наследник. Он тоже — по инструкции отца — должен был вести дневник!

Опять ЦГАОР, где хранятся личные фонды всех русских царей XIX века. Опись фонда Александра II: страница, другая... И вот он: «Дневник великого князя Александра Николаевича во время его поездки по России. Приложение — инструкция Николая I. В кожаном переплете».

Увы, дневник оказался малоинтересным. Когда встал, когда выехал, кого принимал, что посетил... Ни строчки об интересной подробности, ни яркой детали, ни намек на эмоцию. Протокольная сушь. Внизу каждой страницы столбик цифр — расстояния между пройденными пунктами, итог пути за день, количество верст от Петербурга...

На помощь пришли еще воспоминания и статьи в местной печати — в Перми, Екатеринбурге, Тобольске, Златоусте, Оренбурге. Все вместе взятое и дает возможность прочитать обстоятельнее пунктирные записи Жуковского. Пусть не все, но — кое-что.

5. Поздно вечером 23 мая путешественники прибыли в Пермь, и началась уральская часть вояжа. Три дня спустя в Екатеринбурге Жуковский записывал:

«26. ПЕРЕЕЗД ИЗ БИСЕРСКА В ЕКАТЕРИНБУРГ. Обед. Осмотр завода, золотопромывальни, гранильной фабрики, монетного двора. Меншенин. Вечеру поездка по городу. Иллюминация. Квартира у Харитонов.

27, ЧЕТВЕРГ. Пребывание в Екатеринбурге и переезд в Нижнетагильск. Осмотр завода Верхнеисетского. Больница. Дом Китаева. Удивительное устройство. Чугунное производство. Тюремный замок. Похититель изумрудов в остроге с убийцами.... Суд шемакин. Больница. Обедня. Разговор миссионера. Поездка в Тагил на тарангасах. Я вместе с Меншениным. О Зотове. О Харитонове. Дело горноблагодатского полицмейстера, убившего унтер-офицера. Дело лекаря, похитившего золото. Дорога сначала неживописная и дикая. Потом виды прекрасные: вид на Урал и рощи частые. Невьяновский завод. Старинный дом Демидова. Колокольня около древней церкви и двор. Здесь пили чай».

И далее, после такого же краткого описания посещения Тагила и Кушвы —

«29 МАЯ, СУББОТА. Возвращение из Тагила в Екатеринбург. Дорогою жалобы работников и жандарм Косинский. В шесть часов после обеда поездка на Березовые золотые промыслы. Россыпи и жилы. Бочка песку. Больница. Промывальня... Осмотр шахты и жил старого разрушенного гребня, в коем кварц золотonosный. Взрыв... Жаль очень, что я не записал многих выражений Швецова. Визит Меншенину. Карты. Дмитрий Степанович Меншенин.

30 МАЯ, ВОСКРЕСЕНЬЕ. Разговор с Китаевым. На обсерваторию. Подполковник Варвинский, Викарий Евлампий.— Переезд из Екатеринбурга в Камышлов. Приятная природа, ровные места, рассеянные березовые рощи. Переезд с Арсеньевым. Чтение записки Китаева и разговор о старообрядцах».

Записано, конечно, не густо, хотя в Екатеринбурге Жуковский пробыл чистых двое суток.

А вот что сообщал в письме жене Юрьевич:

«В Екатеринбург... прибыли около 6 часов вечера и прямо отправились, не теряя времени, на старый монетный двор... отсюда на казенный золотопромывательный завод, отсюда, в лабораторию, где золото очищают и перетапли-

вают в слитки, отсюда на гранильную фабрику, где сибирский мрамор, яшма, малахит и другие минералы получают прелестные формы, украшающие царские палаты и особенно Эрмитаж нашей северной Пальмиры. Здесь поднесены великому князю отлично выработанные и весьма похожие портреты из камня государя и императрицы, чернильница из яшмы-лазури и огромная печать из горного хрусталя. Здесь показывали нам самородные изумруды, такие большие, каких еще не было доселе доставляемо в столицу: словом в блюдо величиною с кристаллами изумруда почти в четверть. Это новое богатство здешних рудников. Этим окончили мы сегодняшний день. Мы возвратились к себе, т. е. в отведенный нам дом главного начальника горных заводов, лежащий над широким разлитием реки, которой воды и очищают золото-гранит, и довольствуют до 10 тыс. народонаселения Екатеринбурга. В 9 часов мы отобедали. Вид города с гор прелестный, да он и внутри очень богат: около 120 каменных домов украшают его; в особенности же дом на высоте, противу занимаемого нами (Харитонова — богато купца-заводчика старообрядца, теперь сосланного в Кекогольм на жительство); теперь дом этот и весь город горят в огне иллюминации — прелест!»

Не правда ли, есть разница, если вчитаться повнимательнее?

В противоположность подробным, но каким-то отчетливым заметкам Юрьевича, заметки Жуковского явно делались для себя. Зато в них отразилось то, о чем ни Юрьевич, ни наследник не записали ни слова, ибо это их не интересовало. Но интересовало Жуковского и может интересовать сегодня нас.

Еще предстоит докопаться до его уральских знакомств. Например, с Дмитрием Степановичем Меншениным, берг-инспектором Уральского горного правления, интересным человеком, сопровождавшим в свое время (1829 г.) немецкого ученого А. Гумбольдта в его поездке по Уралу. Чем-то этот умный горный чиновник заинтересовал поэта — он даже в Тагил ехал вместе с ним, а потом нанес домашний визит и играл там в карты (конечно — для принужденного разговора).

С крепостным тагильским инженером Фотием Швецовым, воспитанником Парижской горной школы, который был знаком с некоторыми из декабристов.

С управляющим Верхнеисетским заводом Егором Китаевым, одним из видных старообрядцев Екатеринбурга. Он беседовал с Жуковским о положении раскольников на Урале и подавал свою докладную записку в правительство об этом так наболеем здесь вопросе (она сохранилась в фондах ЦГИА СССР в Ленинграде вместе с письмом Китаева на имя К. И. Арсеньева).

Но есть одна строчка в екатеринбургских записках Жуковского, за которую стоит зацепиться и попытаться раскрыть одну интересную давнюю историю.

6. Тюремный замок... Юрьевич о нем даже не упоминает, оно и понятно, — что там могло заинтересовать самодовольного полковника. А у Жуковского это посещение оставило след.

За краткой записью «Похититель изумрудов в остроге с убийцами» — стоит примечательное и трагичное «дело Каковина», в котором, как видно, принял участие и Жуковский. Но оно и сегодня еще занимает место на страницах журналов, газет и книг.

История эта связана с находкой крупнейшего в мире кристалла изумруда.

Командир Екатеринбургской гранильной фабрики Яков Иванович Каковин, талантливый и энергичный человек, выбившийся из простых подмастерьев в крупного горного деятеля, до самоубийства любил самоцветные камни, собрал интересную (и дорогую) коллекцию их, которую, надо сказать, хранил в тайне и никому не показывал. Он первый оценил открытие белоярским крестьянином Максимом Кожевниковым изумрудов на Урале и способствовал разработке месторождения их.

Но именно эта любовь к самоцветам и погубила Каковина.

Когда в 1834 году ему, как командиру императорской гранильной фабрики, был приведен со Сретенского приска огромный — в пять фунтов весом — изумруд, Каковин, обомлев от радости, не мог выпустить его из рук. Унес его домой, он часами любовался чудесным кристаллом. Но нашлись недруги, которые донесли в Петербург, в Департамент уделов, что командир фабрики утаивает для себя наиболее ценные камни, предназначенные для царского двора, и намеревается продать их за границу.

«Екатеринбург. 30 мая». Рисунок В. А. Жуковского.

Делу дали ход. Из столицы приехал контролер. При обыске у Каковина, действительно, нашли за иконами и под кроватью много каких-то камней и на специальной тройке при соответствующем донесении отправили их в Петербург в сопровождении мастерового Г. Пермитина.

А дальше, как пишет академик А. Е. Ферсман в книге «Воспоминания о камне» (а за ним следом повторяют и другие), «Каковина с пристрастием допрашивают, сажают в Екатеринбургскую тюрьму, снова допрашивают, но через несколько дней находят его повесившимся в камере».

Но в том-то и дело, что история эта кончилась не так быстро, как можно понять из этих строк Ферсмана. Как видно из дневника Жуковского, еще летом 1837 года Каковин продолжал сидеть в тюрьме. И запись «шемякин суд», очевидно, не пустые слова: «преступник», просидевший уже три года в тюрьме, продолжал настаивать на своей невиновности.

Надо сказать, что дело о хищениях Каковина — темное, не проясненное и до сих пор. Что за минералы хранились у него дома, установить трудно, ибо Каковин жил на территории самой фабрики. Весьма возможно, что это были просто интересные минералогические образцы, а то,

что представляло ограниченную ценность, было найдено не у него в квартире, а на складах фабрики.

Зато гигант-изумруд, из-за которого загорелся сыр-бор, когда о нем дошли слухи до Петербурга, привлек внимание другого коллекционера камней — директора Департамента уделов графа Л. А. Перовского. Именно ему, как начальнику, в ведение которого входила и гранильная фабрика, и вручил каковинские камни Григорий Пермитин. Примечательно, что именно с этого времени Пермитин, под покровительством Перовского, начал свою блестящую карьеру (был оставлен при Петергофской фабрике «для усовершенствования в огранке камней», а на следующий год определен в Технологический институт).

Милости, посыпавшиеся на незаметного, но ловкого уральского мастерового, свалились на него не случайно: страстный любитель драгоценных камней, Перовский решил оставить каковинский изумруд себе, а Пермитину приказал помалкивать.

Но самого-то Каковина надо было убрать с дороги. Для этого сам Перовский едет на Урал и, пользуясь своими связями и влиянием, приписывает Каковину какие-то упущения по службе, хотя тот отлично знал и вел свое дело.

Перовскому надо было упрятать его еще и потому, что за несколько лет до этого (в 1829 году) сам же граф через директора Петергофской гранильной фабрики предложил Каковину вступить «в коммерческую совершенно в частном виде спекуляцию» и получил достойную отповедь: «...пока служу, никаких сторонних выгод искать не могу, да и самая заботливость службы того не позволяет»¹. Графу Перовскому, видному сановнику, нетрудно было запутать дело Каковина, и это ему удалось.

Вот на это-то дело и обратил внимание Жуковский при посещении тюрьмы. Не забыл он о нем и после — несколько дней спустя, уже на пути в Тюмень, Жуковский записывает: «Разговор за обедом (с великим князем. — Ю. К.) о деле Каковина. Без суда да не накажется».

Но хлопоты поэта оказались напрасными — обещания своего наследник не сдержал, и Каковин еще несколько лет после этого слал жалобы царю и в разные судебные инстанции на несправедливость, а потом следы его теряются. Возможно, что он и повесился. Памятью о нем в Екатерин-

¹ Цитирую по неопубликованной рукописи А. Е. Ферсмана «Люди камня», хранящейся у Е. М. Ферсман (стр. 57—58).

бурге долго оставалась улица Каковинская.

«Изумруд Каковина» вошел в историю. О нем много писали. Тем более, что дальнейшая его судьба оказалась еще богаче разными перипетиями — в пору писать приключенческий роман.

От графа Перовского камень попал (был куплен или проигран в карты, точно неизвестно) к другому сиятельному коллекционеру, князю Кочубею, крупному помещику, владельцу огромных земель на Украине, и хранился в его полтавском имении близ знаменитого хутора Диканьки. Много лет спустя, в одну из вспышек крестьянских восстаний на Украине, дворец Кочубеев был сожжен, а коллекции выброшены и растащены. Часть их с большим трудом удалось собрать, нашлась и знаменитый изумруд.

Молодой князь Кочубей, разгневанный на «зловредных» соотечественников, увез коллекцию в Вену, где предложил ее на продажу. Российская Академия наук подняла кампанию за возвращение уникального собрания, представляющего национальную ценность. Вопрос обсуждался даже в Государственной Думе.

К счастью, он был решен положительно, и выехавшие в Вену ученые-геологи В. И. Вернадский и молодой тогда еще А. Е. Ферсман приобрели коллекцию (основной ценностью которой был изумруд Каковина) за 150 тысяч рублей.

Каков же был ужас уполномоченных Академии, когда оказалось, что в пути, несмотря на особую охрану, пропали (похищены!) два ящика. И какова радость, когда выяснилось, что в этих ящиках лежали наименее ценные минералы, а знаменитый изумруд дошел в целости. С тех пор он, наконец, обрел покой в витрине Минералогического музея Академии наук.

Об этом, повторяю, много писали. Но — о самом изумруде и его приключениях. Судьба камня заслонила для всех трагическую историю человека. Его — по инерции — и сейчас считают виновным — в хищении камней. Две строчки в путевом дневнике Жуковского, познакомившегося с делом через знающих людей (того же Меншенина), помогли взглянуть на это иначе. «Шемякин суд — вероломный, нечестный суд» — толкуют словари. Добрая душа поэта не могла пройти мимо несправедливости и горя, которому он хоть чем-то мог помочь. И не его вина, если его участие не помогло.

7. Из биографии Жуковского известно, что он неплохо рисовал и графировал. Учился этому он у профессора Дерптского университета Зенфта и у известного русского гравера И. Н. Уткина. Сохранилось много его работ — только в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде лежат четырнадцать его альбомов, главным образом с путевыми зарисовками.

Не рисовал ли он что-либо и в это путешествие?

Оказывается! — да, рисовал! Об этом есть свидетельства и в самом дневнике

Но где они, эти рисунки, сохранились ли? Просмотр литературы убедил, что если и сохранились, то едва ли публиковались. А заманчиво было бы их найти!..

Увы, их не оказалось ни в одном из основных фондов Жуковского в наших архивохранилищах — ни в Центральном государственном архиве литературы и искусства, ни в Пушкинском доме (где в его фонде собрано около полутора тысяч единиц хранения), ни в Ленинской библиотеке, ни в ленинградской имени Салтыкова-Щедрина...

Я уже считал их погибшими, когда случайно наткнулся в одной книге на репродукцию рисунка города Вятки, сделанного Жуковским в 1837 году — несомненно во время этой поездки. Примечание гласило, что оригинал рисунка находится в фондах Государственного Русского музея в Ленинграде. Вероятно, и остальные там?

В первую же поездку в Ленинград я чуть ли не прямо с аэродрома побегал в музей.

— Есть?

— Конечно, — отвечает спокойно заведующая отделом рисунка Людмила Павловна Рыбакова и выносит толстую папку, на обложке которой надпись:

Рисунки

Василия Андреевича Жуковского, сопровождавшего великого князя наследника-цесаревича Александра Николаевича во время путешествия его высочества по России в 1837 году.

А внутри — целое богатство! Можно сказать, еще не тронутое. Сто семьдесят шесть листов!

И Урал есть? И — Урал. На пути от Воткинского завода и до Уральска сделано 49 рисунков.

И — один другого интереснее. Виды городов — Пермь, Екате-

ринбург, Невьянск, Нижний Тагил, Тобольск, Златоуст, Магнитная, Оренбург. Виды гор, степи, рек, мелких станиц и деревень... Истинное сокровище для краеведов Урала!

И не только потому, что они созданы рукой выдающегося русского поэта. В эти годы Урал рисовали мало, а фотография еще не получила распространения в России, и рисунки Жуковского стали историческими документами. Известно ли нам хоть одно изображение XIX века станицы Магнитной, ставшей теперь знаменитым городом Магнитогорском? А оно есть. Рисунок Тагила (хотя его-то в те годы уже рисовали) хранит неповторимые детали, не известные по другим источникам...

Нет, все это поистине уникальные изобразительные документы! И их предстоит еще изучать — как документы! — и сделать достоянием истории Урала.

Вот лист с пометкой «Екатеринбург, 27 мая». Уже с первого взгляда можно определить, откуда поэт рисовал город, — из окна дома главного начальника заводов хребта Уральского.

Как много знакомого: пруд, плотина, стена «Монетки»... И незнакомого — того, чего уже давно нет, и о чем мы забыли.

Спасибо Василию Андреевичу за столь ценный документ, донесший до нас вид города в те далекие времена. Можно надеяться, что с этих пор он станет непереманным в книгах о Екатеринбург-Свердловске.

А вот над другим его рисунком еще придется «поколдовать», чтобы расшифровать его. Откуда он сделан, какое место изображает?

Помечен он датой «30 мая» (хотя цифра, похоже, исправлена — тройка явно переделана из двойки). В этот день утром, судя по дневнику, Жуковский побывал на обсерватории, а днем уже ехал по Сибирскому тракту в Камышлов. На вид с Плешивой горы, где стояла обсерватория, это не похоже. Значит — сделано где-то по дороге, на выезде из города? Но где?

Рисунки В. А. Жуковского публикуются впервые.

Ю. КУРОЧКИН

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

За два с половиной века Екатеринбург-Свердловск видел на своих улицах много гостей, иностранцев и соотечественников — ученых, путешественников, писателей и журналистов, художников, дипломатов, общественных деятелей... Многие из них оставили свидетельства своих впечатлений. Знакомая с ними теперь, видишь город глазами очевидцев как бы сквозь призму времени в разные эпохи его жизни.

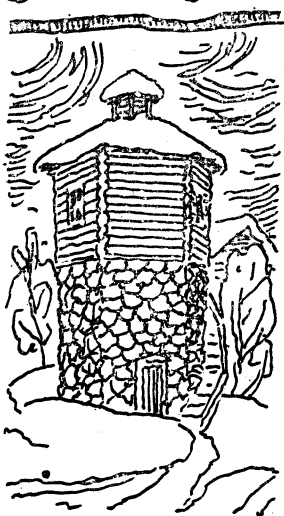
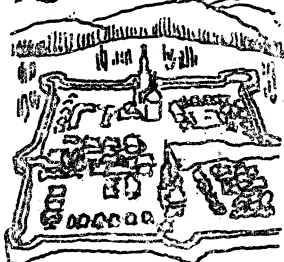
Катериненбург. Совсем новый город в Сибирской губернии, а именно в Угорской провинции, на реке Исети, между уральскими горами... Крепость имеет четырехугольную форму, шесть полных и четыре половинных бастионов; река Исеть протекает через город, на ней большая плотина и у последней заложены заводы и фабрики... Все это приводится в движение рекой и водой через 42 колеса.

ФИЛИПП Иоганн Страленберг.

Пленный шведский офицер. Прожил на Урале и в Сибири 13 лет. В 1723 году вместе с ученым-путешественником Мессершмидтом побывал во многих городах Урала, в том числе и в Екатеринбурге.

Основан город в 1723 году. Там плотина длиной в 98 сажень, высотой в 3 и шириной в 20 сажень. Деревянная церковь... стоит на левом или восточном берегу реки Исети и выполнена клетчатой постройкой. Каменная церковь, которую начали строить в мое предыдущее пребывание, тогда уже наполовину возведен-

ная, по неизвестным причинам была снова сломана. Недалеко от этого места стоит теперь большое каменное здание канцелярии. Раньше канцелярия была деревянной. Там еще был большой деревянный гостинный двор с 84 лавками, который, однако, в ночь с 19 на 20 июля почти полностью сгорел. Напротив канцелярии находится гауптвахта и цейхгауз. До 1735 года здесь был железоделательный завод с двумя мачтовыми печами... Но в указанный год он был перенесен на Верхне-Исетский завод. Было тогда произведено и изменение в выплавке меди, ибо до этого совершалась она на особом медеплавильном заводе... и не только плавилась медная руда, но и очищалась выплавленная на Полевском заводе черная медь и разливалась в чушки, выдувалась железная кислота, что теперь делается на Полевском...

...Со времени моего последнего пребывания город в западной части немного расширился, и после разрушения вала вместо прямой линии по угловым бастионам сделан ряд палисадов с двумя выпуклыми углами таким образом, что теперь имеются три стороны к юго-западу, западу и северо-западу, каждая из них в 126 сажень, с воротами посредине. В городе около 460 жилых домов, и вне крепостных укреплений и сверху, по обеим сторонам пруда, снизу по обоим берегам реки Исети еще имеются пригороды, где живут ссыльные, а частью свободные люди, которые с момента закладки города из-за пропитания своего здесь поселились и работают на заводах с поденной оплатой. В конце верхнего пригорода на восточной стороне пруда на холме построен большой дом для главнокомандующего с большим парком, откуда можно обозреть всю местность. В конце нижнего пригорода на восточном берегу Исети имеются госпиталь и аптекарский сад.

ИОГАНН Георг Гмелин.
Член Петербургской Академии наук. В 1733—1743 гг. путешествовал по Сибири, собирая ботанический материал. В Екатеринбурге был в декабре 1733 и в августе 1742 года.

ГОД
1770

...Ныне в нем 1426 домов считается, и он обнесен земляным валом. Тако же и нарочито глубоким рвом, обставленным деревянными рогатками. Строение в городе все деревянное, выключая фабрику и канцелярию...

И. И. ЛЕПЕХИН.

Ученый - путешественник, член Петербургской Академии наук, руководитель академической экспедиции по исследованию Поволжья и Урала.

ГОД
1772

...Организация и распорядок здесь мало изменились со времени г-на Гмелина. В самом городе прибавилось лишь несколько красивых частных домов и каменная церковь. Упраздненный в прошлые годы монетный двор для чеканки медных монет, в настоящее время в полном ходу, а принадлежащий к Екатеринбург Верх-Исетский завод передан теперь его сиятельству графу Воронцову.

Петр Симон ПАЛЛАС.

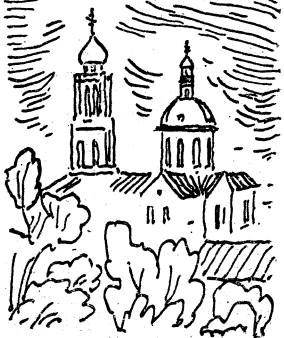
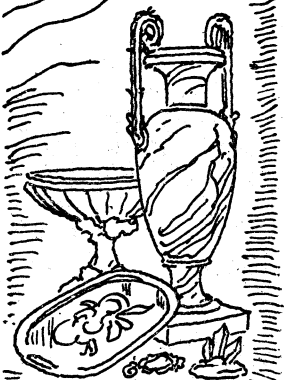
Русский естествоиспытатель, руководитель экспедиции Академии наук «по разным провинциям Российского государства» в 1768—1774 гг.

ГОД
1790

Приехали в Екатеринбург 7 декабря к вечеру. Город построен по обе стороны реки Исети, которая течет в крепком каменном грунте. Примечания достойны в рассуждении своего положения: монетного двора, присков каменьев, шлифовальни, гранильного искусства и мраморного дела. Медные и железные поделки дороги. Торг хлебом для городских жителей, рыба из Сибири...

А. Н. РАДИШЕВ.

«Записки путешествия в Сибирь».

ГОД
1805

Екатеринбург расположен по обеим сторонам реки Исети, впадающей в р. Тобол, посреди плодосных полей, на ровном и частью возвышенном красивом месте, расстоянием от древней столицы в 1578 верстах. Город сей хотя и принадлежит к Пермской губернии, но находится уже в настоящей Сибири, ибо лежит на восточной части Уральских гор, составляющих натуральный рубеж между Азией и Европою... Екатеринбург... окружен был земляным валом с амбразурами и глубоким рвом. В нем учреждена была главная канцелярия для управления заводов, которая пребывала до открытия Пермского наместничества.

Из числа многих фабрик, здесь находящихся, заслуживают особое внимание: гранильная, мельница, золотопромывальная и монетный двор. Из первой выходят сии превосходные яшмовые, агатовые, малахитовые чаши и вазы, кои поражают удивлением и посреди сокровищ Императорского Эрмитажа, эти прекрасные печатки и различные галантерейные вещи из топаза, сердолика, аметиста, тяжеловеса, аквамарина, гиацинта, яхонта, изумруда, граната и проч., коими наделяется вся Россия, эти ониксовые камни, которые во многом не уступают древним антикам, и все сие делается русскими крестьянами!.. Екатеринбург славится прекрасными лакированными изделиями, весьма близко подражающими китайским. На многих подносах видна даже мастерская живопись. Также делают здесь перчатки из асбеста, или горного льна, который добывается здесь во множестве...

А. Е. МАРТЫНОВ.

Художник-пейзажист, сопровождал миссию графа Головкина в Китай «для рисования видов в пути».

ГОД
1828

...Екатеринбург — местопребывание центральной администрации и резиденция Уральского горного начальника. Хотя этот город принадлежит Пермской губернии, губернский город которой Пермь, и хотя он только уездный город, он значительно превосходит этот последний величи-

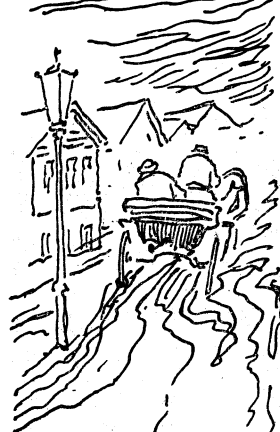
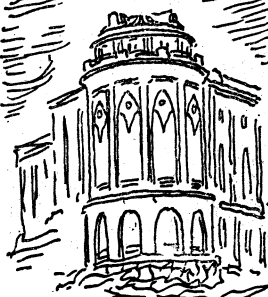
ной и благосостоянием. Есть в Екатеринбурге большое число каменных домов, которые тем более отличаются своей величиной и архитектурой, что они окружены жалкими лачугами. Вся высшая администрация, владельцы заводов и более богатые купцы живут в каменных домах, в которых находят все удобства жизни, а иногда и значительную роскошь. Улицы не мощены (как почти во всех внутренних городах), но широки и прямы. Население состоит из служащих, купцов, из которых самые богатые владеют приисками и заводами и которые большей частью староверы (кержаки), наконец, из рабочих, работающих на ближайших к городу приисках и заводах. Высшие сановники составляют приятное общество, в котором, не нужно удивляться, встретив изящные столичные манеры, так как почти все служащие получили образование в Петербурге, в корпусе горных инженеров. Зимой часто собираются для танцев, музыки в частный дом, предназначенный для этого. Расходы покрываются складчиной.

...Верхне-Исетские литейни, принадлежащие Яковлеву, расположены приблизительно в трех верстах от Екатеринбурга; отличное шоссе, окаймленное с обеих сторон двойной аллеей деревьев для пешеходов, ведет к ним через местность очень красивую. Здания, которые составляют это большое заведение, все прекрасной архитектуры... Большая площадь отделяет здания от пруда, окаймленного с противоположной стороны горами, что позволяет выбирать сверху набережной пруда, окруженной чугунной галереей, лучший вид. Недалеко отсюда виден красивый загородный дом и за ним обширный парк. Госпиталь для рабочих и аптека в форме ротонды завершают грандиозный ансамбль множества зданий.

А. КУПФЕР.
Профессор Казанского университета (впоследствии академик), автор «Путешествия на Урал», изданного в Париже в 1833 году.

Подъезжая к Екатеринбургу с Московской дороги, путешественник невольно останавливается на горе,

через которую проходит тракт, и взор его обращается на Екатеринбург и его гористые окрестности. Он видит весь город почти в куче, отстоящий от него в одной версте. Противоположная его сторона, расположенная по скату пологой горы, представляет разительную картину; в особенности в ней замечателен величественный каменный дом, стоящий на самой горе и принадлежащий ныне наследницам купца Расторгуева. В этом доме, во время посещения Екатеринбурга в 1824 году... император Александр 1-й имел трехдневное пребывание, и дом сей так ему понравился, что он сказал своим приближенным: «этот дом настоящий дворец!»... Смотри из этого дома, видишь восхитительную картину всего города и его окрестностей. К задней части сего дома примыкает огромный сад, расположенный по склону горы, в английском вкусе, с прекрасными цветниками, оранжереями, беседками и прудом. Он принадлежит также наследницам Расторгуева и занимает пространство в окружности более версты. Одна половина сада совсем уже отделана, а вторая еще устраивается. Сад всегда открыт для публики и в хорошие летние дни, особенно в праздничные, посещается лучшим обществом и приносит много удовольствий. Этот сад мог бы быть украшением и столицы, а в Екатеринбурге почитается редкостью, где кроме него нет ни одного публичного сада, исключая казенный, который расположен в древнем вкусе, близ плотины на берегу пруда и в нынешнее время почти заросший.

«Описание города Екатеринбурга и его окрестностей» — статья в казанском журнале «Заволжский муравей», т. 3 за 1834 год.

Пусть кто-нибудь из екатеринбуржцев... вспомнит, например, пир, бывший назад тому семь или восемь лет, и о котором предание до сих пор живо в памяти всех местных жителей. Пусть вспомнит он этот месяц, протекший в беспрепятственных угощениях целому городу со стороны двух капиталистов-золотопрмышленников, породнившихся женьитьбою сына одного на дочери другого; пусть вспомнит это шампанское, закупленное во всех ближних городах и даже в Тюмени и, кажется, в Казани; эти возлияния

дорогого вина на гривы лошадей или на пыльную дорогу, чтоб не пылила, когда поедут молодые на заимку, и т. д. Не описываю подробностей пира, потому что боюсь, не поверят правдивому перу моему: так баснословны картины и размеры роскошного праздника!..

Е. А. ВЕРДЕРЕВСКИЙ.
Писатель и журналист, автор книги «От Зауралья до Закавказья».

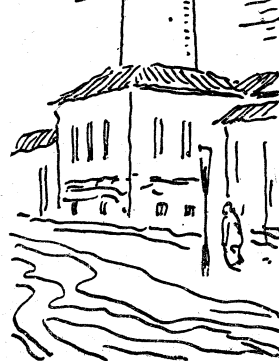
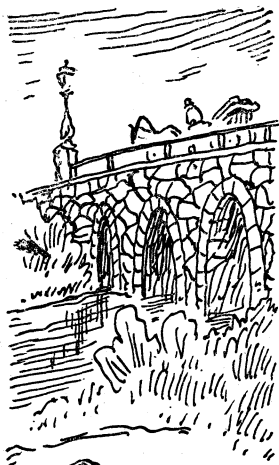

Я не раз встречал в Екатеринбургe обнищавших рабочих. Они производили на меня в полном смысле слова ужасное впечатление. Можно подумать, что они все только что вышли из тифозной больницы: землистого цвета лица с синими подтеками, впалые ямами груди, выдавшиеся вперед плечи, провалившиеся шеи, слабые ноги, слабые руки, хриплые голоса, с какой-то натугой вырывающиеся, точно для каждого их больного звука гнилые легкие должны были делать невероятные усилия, будто в груди у несчастных скрипели какие-то ржавые петли. И рядом — купеческие хоромы, где идет беспросыпное пьянство, где голодного рабочего из самодурства оболют водкой и не дадут ему труда и хлеба, где весь ум и вся изобретательность уходит на мерзость и разврат, где молодые поколения рождаются в том же первородном грехе эксплуатации, в котором родились их отцы...

Вас. Ив. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.
Писатель и журналист, автор книги путевых очерков «Кама и Урал».

Из... отзывов различных путешественников мы уже видели, что Екатеринбург единогласно признан красивым городом и что он резко отличается как от «расейских» городов, так и от сибирских. Чувствуется известный размах, как признак молодой нарастающей силы. Нам остается... прибавить от себя, что если Екатеринбург подкупает издали своей широкой панорамой, то вблизи

он много теряет, теряет именно потому, что недостает центра... В самом деле, если смотреть на город в летний ясный день с вокзала железной дороги или с вьезда по узкоколейному московскому тракту, картина представляется замечательная: на западе волнистой линией обступает сневатая дымка Урала, река Исеть разливается широким плесом, а берега усыпаны массой построек. Получается самое пестрое впечатление, и глаз напрасно ищет центра... Всмотриваясь внимательнее в эту пеструю картину, вы невольно приходите к заключению, что это даже не город в собственном смысле слова, а соединение нескольких городов. Так оно и есть в действительности, а картинный беспорядок построек служит только живой иллюстрацией последовательных исторических наслоений: вот четырехугольник бывшей крепости, к югу от нее «заимка» бывших сальников, отдельную высоту занимают палаты заводчиков, на торговой стороне крепко осело гнездо офеней, слобода Мельковка — отдельный мешанский городок и т. д. Другой яркой особенностью Екатеринбурга служит то, что на него со всех сторон надвигаются пригородные селения, как Уктус, Шарташ и особенно Верхисетский завод. Ряд заимок, дач, мельниц и заводов составляют отдельные звенья одной живой цепи, которая тянется на десятки верст по течению реки Исети. Не нужно особенной проницательности, чтобы сказать, что вся эта широко раскинувшаяся селитба составляет одно органическое целое и что центром служит Екатеринбург в его настоящем виде. Не только обыкновенные русские города, но и наши столицы как-то сразу обрываются: выехал за город, и сейчас пошла писать на сотни верст настоящая деревенская глушь. Это признак искусственно созданных административных центров, и Екатеринбург в этом случае представляет редкое исключение, являясь действительно «живым узлом» целой области.

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК.
Исторический очерк «Город Екатеринбург».

Город большой, но какой-то унылый, сонный, как будто он и обстраивается, как будто он и разрушается. Особенно неприятное впечатление производит набережная город-

ского пруда, в сущности, самой красивой части города. Когда-то она была построена капитально, но «по казенному», теперь же перила сгнили и наполовину вывалились, каменные столбы облезли, кирпичи во многих местах вынуты.

Около пруда — маленький сквер, который без всякого присмотра... А возьмите театр... Он имеет вид заброшенной конюшни. Его фундамент бурьяном порос, между тем он находится на главной улице. Возьмите рынок — все в том же роде.

Проф. П. А. ЗАМЯТЧЕНСКИЙ, спутник Д. И. Менделеева в его поездке по Уралу.

Во дни, когда поднималось и росло пламя революции, бодрый, кипящий город железного Урала, Екатеринбург, ты был центром и мастерской, где ковалось оружие революции. К тебе присылали заводы своих красных ходоков, в стенах твоих выносились решения, звучали призывы к борьбе и победе, лилась наша песнь, песнь рабочих всего мира — гремел «Интернационал».

Екатеринбург был трибуной революции, ее штабом, ее передовым постом. И строились ряды, росла наша армия, железным кольцом пролетарской рати вставал и отвечал твоему зову, железный Урал.

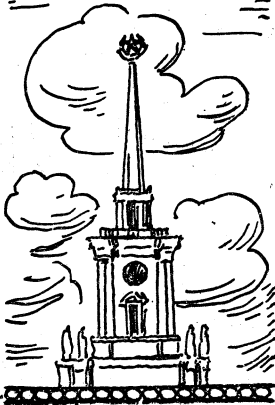
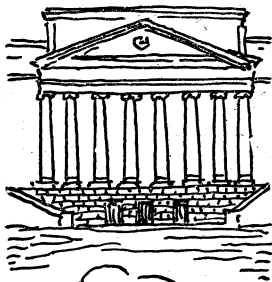
П. Л. ВОЙКОВ.
Бывший председатель Екатеринбургской городской думы в 1917 году.

195 лет Екатеринбург был городом царской России. Пять лет является он городом России свободной.

В его прошлом есть много интересного. Но мое посещение города и губернии создало во мне уверенность, что главное у него в будущем, как у центра столь многообещающего Урала.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ.

У нас
на глазах
из воли
Урала,
города родится
труда
и энергии!

В. Маяковский.
«Екатеринбург — Свердловск»

Зима 1942 года. Город в пурге. Здорово метет, а хорошо. Привыкли! Со стен глядит множество афиш и плакатов — в городе идут научные сессии. Только что кончилась декада искусства Урала. Разъезжаются академики после юбилейной сессии Академии наук. Математики, историки, педагоги, физики — все «кафедры» многочисленных свердловских вузов объявили ряд итоговых докладов по своим дисциплинам. Как никогда, мы чувствуем, что Свердловск — это центр Урала, сердце грандиозного материала, стягивающее все основные его темы и интересы. А эти интересы и темы одни — оборона Родины.

Мариэтта ШАГИНЯ.
«Город легкого дыхания».

Нам предстояла действительно трудная задача — найти такие характерные примеры, такие судьбы здесь у вас, чтобы в них отразилось самое главное, что принесла людям Великая Революция. Мы хотели познакомиться с самым типичным рабочим городом Союза. Свердловск — центр заводов, науки, культуры. Как раз тот, что нужен.

Маргарита МОНО.
Французская писательница, корреспондент газеты «Юманите».

Рисунки В. Бубеницкова

И. ДАВЫДОВ

Очерк

Фото А. Нагибина

ВСЕ ГЛАВНОЕ—

1.

Вообще-то он начал работать на Уралмаше в 1938 году. Но подлинным началом своей рабочей биографии считает осень сорок второго, когда впервые пошел, на что способен. Именно тогда, в октябре, восемь парней из электроремонтного цеха, целую бригаду, бросили на прорыв — на сборку танков. Их еще только учились строить на Уралмаше — в августе сорок второго пошли первые машины. В октябре танки, уже почти готовые, скопились в сборочном цехе, и запарившиеся электрики не успевали монтировать электрочасть и сдавать машины военпредам. А без электрочасти, без щитка водителя, без прибора «Луч», освещающего прицельную планку, — могучий танк мертв.

За первую же смену восемь парней сдали военпредам три машины и немного не закончили четвертую. Новичков-электриков покормили и оставили в цехе на ночь. И к утру еще три танка своим ходом ушли с завода.

Такого в сборочном цехе еще не бывало: чтоб одна небольшая бригада — и шесть танков подряд. Забегали какие-то незнакомые мастера, явилось незнакомое начальство, громко спросило:

— Кто такие?

— Бригада Ивана Ефимова.

— Откуда?

— Из электроремонтного.

— Оставить в сборочном! Постоянно! Зачислить на дополнительные пайки! Работайте, парни! Фронт ждет!

А парни и сами знали, что фронт ждет. Потому и старались во всю мочь. Так, что к утру инструмент из рук валился.

Бригада эта осталась в сборочном. Навсегда.

Были в бригаде Ивана Ефимова и Николай Осорьев, и Иван Трефилов. И молодой Ваня Корниенко еще не знал тогда, что рядом с этими тремя электриками и пройдет, по существу, вся его рабочая жизнь.

В смену на сборке танков, как и везде на Урале, работали по двенадцать часов, без выходных, нередко и без выходов в город. Если не доставало какой-нибудь четырехмиллиметровой гайки, без которой не смонтируешь щиток водителя, электриков отправляли спать на раскладушки в красный уголок. Но как только доставляли из метизного цеха гайку, тут же будили:

— Вставайте, ребята!

Протирая козонками пальцев глаза, приглаживая пятерней волосы, натягивая на ходу промасленные ватники, электрики идут в цех, берутся за отвертки, ключи и пассатижи. А когда ожившие танки, взревет моторами, уползают с завода, электрикам говорят:

— Ну, что ж, сбегайте домой, ребята. Помойтесь, поспите. Пока подадут новые машины — время ваше.

А времени этого — порой пять-шесть часов. Порой — меньше.

По десятку танков каждый день, до самого конца войны, выпускал Уралмаш. И, наверно, добрая треть из них прошла через руки слесаря-электрика Ивана Корниенко и его друзей, присланных когда-то «на прорыв».

Но вот окончилась война, снял генеральскую форму директор завода и полковничью — главный инженер. Взобралась на просторную чугунную отливку последняя уралмашевская самоходка. Деревянную подмость, по которой она вползала на постамент, начали разбирать сразу после митинга.

Остался ныне известный всей стране памятник у проходной.

А по сто первому сборочному цеху — самому крупному из сборочных цехов завода — уже шли первые буровые. Гигантский Уралмаш круто разворачивался на мирное строительство.

С тех пор, вот уж двадцать восемь лет, буровым установкам отдана вся рабочая жизнь сборщика-электрика Ивана Федоровича Корниенко.

2.

Мы познакомились с ним в рабочее время. На железном верстаке перед Иваном Федоровичем двумя кучами лежали черные пластмассовые переключатели и черные провода с подготовленными серебристыми контактами. А рядом два старейших члена бригады — Иван Алексеевич Трефилов и Владимир Семенович Заводский — колдовали над раскрытыми коробками электропультов. Толстые пучки проводов в их руках легко расходились по блестящим контактам кнопочных пускателей.

— Не хватает пультов, — посоветовал Иван Федорович. — Можно было бы заполнять одновременно десять — двенадцать коробок, а заполняем две,

НАЙТИ

СЕБЯ!

ПРОСТО

— Простой? — спросил я.

— Что вы! — Корниенко улыбнулся. — Простоев у нас не бывает. Задержались коробки — готовим начинку.

Он взял отвертку и ловко, быстро, уверенно прикрепил к переключателю контакты двух проводов. Я понял, что для посторонних разговоров от дела здесь не отрываются. Работа была мне понятна, и я попросил отвертку.

Однако при всей своей кажущейся простоте, дело это требовало сноровки. Пока я справлялся с одним переключателем, Иван Федорович откидывал два. Кучи перед нами были большие, до конца смены — далеко, и мы разговорились.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ КОРНИЕНКО

— На Уралмаш я попал в тридцать восьмом, пятнадцати лет, после седьмого класса. Пришел в отдел кадров. Сказал, что хочу на завод.

— Паспорт!

Я подал метрику. Паспорта еще не было.

— Приходи попозже, — сказали мне. — Рано тебе работать.

Я ушел домой и переделал в метрике год рождения. Все это казалось мне тогда просто. На другое утро — снова в отдел кадров.

— Быстро ты, друг, постарел, — сказали мне. — За день — на год.

Однако не прогнали. Начальник отдела кадров расспросил о семье. Я рассказал, что мать работала подсобницей на Уралмаше, да вот заболела. И стара она уже. А брат женится. И выходит, что мне обязательно надо работать.

— Куда же ты хочешь?

— Хорошо бы по электрической части.

А до этого года полтора я ходил на детскую техническую станцию, в радиокружок. И с основами электротехники мы там знакомились. Я и рассказал про это.

Послали меня в сорок шестой цех. Электроремонтный. В бригаду Тимофея Васильевича Бабака. Отличный был бригадир! Очень многому научил меня. Мы там перематывали трансформаторы и электромоторы со всего завода. Устанавливали освещение в цехах. Полностью оборудовали электроцех мостовых кранов. Оттуда вот нас и бросили на танки.

Метрику мою, безнадежно испорченную, пришлось потом посылать в Северный Казахстан, в село Аиртав, где я родился. Паспорта по ней не выдавали. Ждал пока пришлют из Аиртава новую.

...Танки я оборудовал недолго — меньше трех лет. И давно ведь уже. А помнится все — будто вчера было. Вообще война очень крепко помнится. Буровые вот потом двадцать восемь лет идут — а помнится меньше. Другая жизнь — спокойнее.

На буровых сейчас работает вся мужская часть нашей семьи. Старший сын, Виктор, — на сборке лебедок, в главном корпусе цеха. Средний, Анатолий, — на нашем участке, собирает роторы. Младший, Борис, — в моей бригаде.

Буровые тем хороши, что на них не соскучишься. Это для меня-то важно, а уж для моих парней — и подавно. Все время буровые усовершенствуют. Вот, например, идет у нас тропический вариант буровой. Для Алжира он рассчитан на очень сухой климат, и не должно быть ни одной искры. Представляете? На всей громадной буровой — ни одной искры! всю конструкцию переделывали как взрывоопасную. Для дизеля пришлось делать запуск не от стартера, а воздушный. Выхлопной газ пропускать через воду — чтоб погасить искры. Ну, а на пультах, разумеется, три тысячи всяких предосторожностей...

3.

Он идет каждое утро через длинный главный уралмашевский «коридор». Почти все первые цехи завода выходят в этот «коридор» своими голубовато-сиреневыми торцами. И почти на каждом — чугунная доска: «Заложен в 1929 году.

Пущен в 1930-м»; «Заложен в 1930 году...», «Заложен в 1931 году...».

Сто первый цех — в самом конце «коридора». Это корпус уже послевоенный.

Идет Корниенко неторопливо, спокойно — столько лет тут хожен, что уже нелепо, смешно было бы спешить да опаздывать. Но он выше, крупнее большинства тех, кто идет рядом, и шаг у него шире, и потому невольно он обходит других и догоняет старых своих товарищей — худощавого, смуглого, быстрого и веселого Ивана Андреевича Ефимова, неторопливого, немногословного, вперевалку шагающего Ивана Алексеевича Трефилова. И сейчас, как тридцать лет назад, они работают рядом. Иван

Иван Федорович Корниенко и Иван Алексеевич Трефилов

Алексеевич — в бригаде Корниенко. Иван Андреевич — контролер на этом же участке. Старый их товарищ Николай Игнатьевич Осорьев тоже рядом — заместитель начальника сто первого цеха.

Не раз доводилось Ивану Федоровичу Корниенко слушать жалобы тех, кого оторвала судьба от друзей молодости. Сочувствовал, старался понять, но догадывался, что полностью, до конца, понять не удастся. Потому что полное понимание появляется только тогда, когда сам испытал хоть что-то похожее.

А он этого не испытал. Друзья его молодости — с ним рядом. И вся его молодость тут — в этих цехах, в этой проходной, в этом просторном уралмашевском «коридоре». Когда-то шли по этому «коридору» старшие братья и сестры, шла мать, и десять лет ходила тут жена. А потом сам он вел по этому «коридору» трех своих сыновей. Вся жизнь тут, все тут родное, и другого родного уже быть не может.

Он проходит в самый конец одного из сборочных пролетов — за глухую железную загородку. Здесь, у двух высоких окон, вытянулись длинной буквой «П» верстаки его бригады. Именно за этими верстаками собирается то, что можно назвать мозгом и сердцем буровой.

Современная буровая состоит из громадных, многотонных узлов, которые должны вращать металлическую штангу, вгрызающуюся в глубь земли на семь километров. А ее очень не просто вращать — земные породы сопротивляются отчаянно. Но без этой буровой, без этой семикилометровой вращающейся штанги не найти и не добыть нефти и газа. Да и не только их...

Поэтому и ротор на буровой таков, что не всякий подъемный кран поднимет его да опустит. Поэтому двигатели здесь не слабее самолетных. А иногда и просто самолетные, отлетавшие свой срок. Поэтому рядом с лебедкой от буровой лебедка от башенного крана, например, покажется игрушечной.

И вся эта громадная машина управляется нажатием кнопки, поворотом рукоятки, включением рубильника.

Три пульта управления на каждой буровой — два электрических, один — пневматический. И все три собирает и устанавливает бригада Корниенко.

Целые пучки проводов ведут от каждого электрического пульта к механизмам буровой. Подсоединил неправильно лишь один провод — в пульте или возле него, — и вся буровая будет мертва. Потому что в этой работе мало одних только знаний. Абсолютно необходимы здесь такие человеческие качества, как предельная внимательность, точность, аккуратность, даже педантичность. Человеку расхлябанному, безалаберному — здесь не место. Он вылетит, даже не успев понять, почему.

Может, конечно, это и жестоко. Но необходимо и справедливо. Еще более жестоким и уж совсем несправедливым было бы из-за разболтанности одного гробить результаты добросовестного труда многих тысяч.

Работа здесь — тонкая и точная. А инструмент — самый обычный. Отвертки, пассатижи, кусачки, ключи, специальные клещи, состригающие изоляцию, небольшой наждачок, крохотная, не крупнее портфеля, калильная печь, миниатюрный токарный станочек.

Для умелых рук этого вполне достаточно, чтоб пустые, зияющие круглыми дырами коробки пультов начинить проводами и приборами, превратить в мозг и сердце буровой, подчинить громоздкие механизмы легкому нажатию пальцев.

Иван Федорович работает спокойно — не суетится, не бегаёт, никого не подгоняет, и его самого подгонять не надо. В его бригаде нет не только простоев, но и авралов. Здесь самый размеренный и потому наименее утомляемый ритм труда.

А буровые уходят с Уралмаша одна за другой. В среднем по тридцать — тридцать две штуки за месяц. Значит, каждый рабочий день — буровая, а то и две. Да еще запасные комплекты, запасные узлы...

Но даже когда комплектуется буровая — ни на йоту не меняется ритм бригады Корниенко. Просто кто-нибудь из молодых — стремительный Гена Солдатов или высокий, плечистый, неторопливый Борис, сын бригадира, — взваливает на плечи электропульт и уносит на участок комплектации. Остальные и головы не повернут — собирают другие пульта.

Собранные, готовые электропульты целыми рядами лежат на полках. Их монтируют заранее. В конце апреля, например, было готово восемь комплектов на май. В конце мая — десяток пультов на июнь. Все делается так же спокойно, неторопливо и солидно, как ходит, говорит и работает сам Иван Федорович.

Это стиль бригады. Он складывался годами. И не было случая, чтоб сборщики-электрики хоть на пять минут задержали буровую.

Когда заходит речь о трудовых подвигах, Иван Федорович сдержанно улыбается и отмалчивается. Если напрямик спросить его, он с такой же сдержанной улыбкой ответит:

— У нас их не бывает. Мы просто работаем. И не доводим дело до необходимости подвига. Если смежные цехи дадут больше отливок и деталей для буровых — мы соберем больше пультов. Безо всяких подвигов.

4.

В один из праздничных дней приехал я на Уралмаш к самому концу смены и Ивана Федоровича не застал.

Начальник участка Петр Семенович Чемпалов — невысокий, тихоголосый — объяснил:

— Отпустил я его пораньше. Позвонили, что его намечают в президиум торжественного собрания. А ему надо переодеться. Живет далеко. Вы бы зашли пока в цехком. Корниенко у нас уже лет пятнадцать член цехкома.

— Видно, идеально покладистый характер, — заметил я.

— Да как сказать! — Чемпалов улыбнулся. — Вообще-то, работа с ним — одно удовольствие! Я уж тридцать лет с ним работаю. Понимание у нас — полное. Но вы все-таки зайдите в цехком...

РАССКАЗ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА КАРЦЕВА, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЦЕХКОМА

— Сектор у Корниенко — соцстрах. Все бюллетени по цеху идут через него. Все путевки — тоже. А в цехе нашем — восемьсот человек. Так что общественной работы у Ивана Федоровича — по самую маковку. Бюллетени надо оформить, заявки на путевки собрать. Надо держать в уме, кто куда просится, кто чем болеет, у кого когда отпуск, у кого какие семейные обстоятельства. Тут впору заводить штатного сотрудника. Но нам его не дают.

Ситуации бывают иногда конфликтные. Вот недавно был такой случай.

Есть у нас в цехе стропаль Степан Савватеевич Иванов. Пожилей уже человек. Двадцать лет на Уралмаше. Десять лет работал в нашем цехе. Потом

десять лет в цехе внешнего кооперирования. Был переведен туда приказом директора. И таким же директорским приказом в ноябре прошлого года его вернули сюда. Попросил он путевку на курорт «Самоцвет». А путевок этих не хватает. Спрос на них большой, чем на черноморские.

И вот в конце марта обсуждали, кому дать путевку на апрель. Корниенко от имени комиссии соцстраха предлагает Иванову.

У членов цехкома были возражения:

— Полгода еще в нашем цехе не работает — и сразу ему путевку!

— Посмотреть еще надо, что за работник, приглядеться...

— Он десять лет в нашем цехе работал, — возражает Корниенко. — И хорошо. Ветераны это помнят. Уходил не по своей воле. И остальные-то десять лет тоже был крепко связан с нашим цехом. Только что зарплату в другой кассе получал...

Иван Федорович спервоначалу кажется человеком очень мягким. Голоса никогда не повысит, кулаком по столу не застучит. Ну, некоторые и думают, что можно на него надавить. Мол, поддастся... Пытались надавить и на этом заседании. А он мягко-мягко, да не поддается. Требуется, чтоб путевку все-таки дали Иванову. И пришлось дать — за плечами Корниенко целая комиссия. Надо с ней считаться. Вот дня два назад Иванов вернулся из «Самоцвета». Веселый, загорелый. Апрель-то был нынче — не хуже июня.

При всем этом Корниенко — человек удивительно скромный. Он вам говорил, что награжден орденом?

— Нет.

— Так я и думал!

А у него еще медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Это — танки... В шестьдесят третьем бригаде Корниенко одной из первых на Уралмаше присвоили звание бригады коммунистического труда. Через два года Иван Федорович награжден значком «Отличник соцсоревнования». Это значок редкий. В цехе у нас — до сих пор один. В шестьдесят шестом году, когда подводили итоги седьмой пятилетки, Иван Федорович награжден орденом Трудового Красного Знамени, а через три года ему присвоено звание ветерана труда с вручением министерского знака. Грамот всяких у него, по-моему, десятки.

Через четыре дня после этого разговора в цехоме Иван Федорович Корниенко и три его сына, в числе представителей других рабочих династий, возглавляли уралмашевскую колонну на первомайской демонстрации в Свердловске.

Узнал я об этом из радиорепортажа. А сам Иван Федорович, как и обычно, об этом не обмолвился.

5.

Так уж получилось, что вся жизнь Ивана Федоровича и его сыновей оказалась накрепко связанной с уралмашевскими буровыми установками. И потому стоит более подробно рассказать о самих буровых. Чтоб понятно было,

чему посвящают эти люди свою жизнь.

Три первые нефтяные буровые Уралмаш выпустил в 1945 году, к годовщине Октябрьской революции. Нужда в них была самая острая, и задача стояла довести выпуск до 10—12 буровых в месяц.

Эти буровые сильно отличались от нынешних. В землю вгрызались всего на 2—3 километра и по-

тому до богатых нефтеносных слоев просто не доходили. Электрооборудование их было громоздким. Пульты не уступали по росту очень высокому Ивану Корниенко, и по цеху их переносили мостовые краны. Приборы были разбросаны повсюду, и монтаж их требовал бездну времени.

Однако и таким буровым геологи и нефтяники были рады. В 1948 году Уралмаш выпустил 284 буровые установки — больше, чем работало их до войны на всех промыслах Советского Союза. Это была громадная победа в то время. Именно она подготовила нынешнее изобилие нефти в нашей стране.

Сейчас 80 процентов нефтяных и газовых скважин Советского Союза оборудованы продукцией Уралмаша. Остальные 20 процентов буровых поставляет Волгоград. Уралмашевские буровые работают во всех частях света, кроме Австралии.

Сегодняшние наши установки бурят на семь километров. Завтра они будут бурить на пятнадцать.

Еще в мае прошлого года в журнале «Техника — молодежи» азербайджанский академик С. Кулиев писал, что в Азербайджане очень ждут пятнадцатикилометровую уралмашевскую установку, что для нее уже подготовлена площадь бурения.

Владимир Семенович Заводский

Это легко понять, если вспомнить, что самые старые в нашей стране азербайджанские промыслы давно уже выработали близкие к поверхности нефтеносные пласты. И главные перспективы развития этих промыслов связаны теперь с бурением морским и сверхглубоким.

Когда-то первые уралмашевские буровые пода-рили стране «второе Баку» и «третье Баку». Сегодняшние уралмашевские буровые потрясли мир грандиозным «четвертым Баку» — неисчерпаемой тюменской нефтью. Можно не сомневаться, что завтрашние, пятнадцатикилометровые уралмашевские буровые подарят миру еще более потрясающие открытия — неизвестные сегодня моря, а то и целые подземные нефтяные океаны.

Две первые опытные установки бурения на пятнадцать километров уже были собраны в начале нынешнего года. В конце года, когда придет к читателям этот номер журнала, сто первый цех начнет серийный выпуск пятнадцатикилометровых установок.

И в каждой буровой — позавчерашней, вчерашней и сегодняшней — труд бригады Корниенко. Абсолютно в каждой — начиная с самых первых, с 1954 года.

Наверно, именно поэтому семитысячную уралмашевскую буровую, выпуск которой совпал с пятидесятилетием Ивана Федоровича, назвали именем Корниенко.

ВТОРОЙ РАССКАЗ ИВАНА ФЕДОРОВИЧА КОРНИЕНКО

6.

— С Уралмашем связаны не только судьбы моих сыновей, но и судьбы моих братьев, сестер, племянников и племянниц. Хотя вроде бы коренными уральцами нас и не назовешь.

Родились мы все в селе Аиртав. Это сто километров от Кокчетова. Очень красивое место! Река, леса кругом, прекрасное озеро. Сейчас там собираются устраивать курорт.

Было нас у отца двенадцать. Выжили шесть. Отца я не помню. Он умер от простуды, когда мне был год. Старший брат, Павел, кончил три класса. Когда началось строительство Уралмаша, Павел уехал чуть ли не по первому набору. Начинать наш завод с «нуля».

Вслед за Павлом уехала на Уралмаш сестра Катя. Строила его. Потом работала в двадцать втором цехе автокартций. Она и сейчас живет здесь, уже на пенсии. И три ее сына работают в цехах. Их фамилия — Евдуновы.

К тридцать второму году мы с мамой остались в деревне одни. Жить было голодно. Мать продала дом по дешевке и повезла меня в Свердловск. Я к тому времени окончил первый класс.

В Кокчетаве я впервые увидел железную дорогу и паровоз. В Свердловске — электрическую лампочку и трамвай.

Ехали мы налегке, везли в основном еду. Приехали раздетые. Мать купила костюмчик, ботинки. И на это ушло почти полдома.

У Павла уже бегали трое пацанов. Жили они в небольшой комнате. Да еще мы с мамой в нее ввалились. Катя жила отдельно — в общежитии. После демобилизации в эту же комнату приехал и брат Никифор. Как мы там все умещались — сейчас даже сам не понимаю.

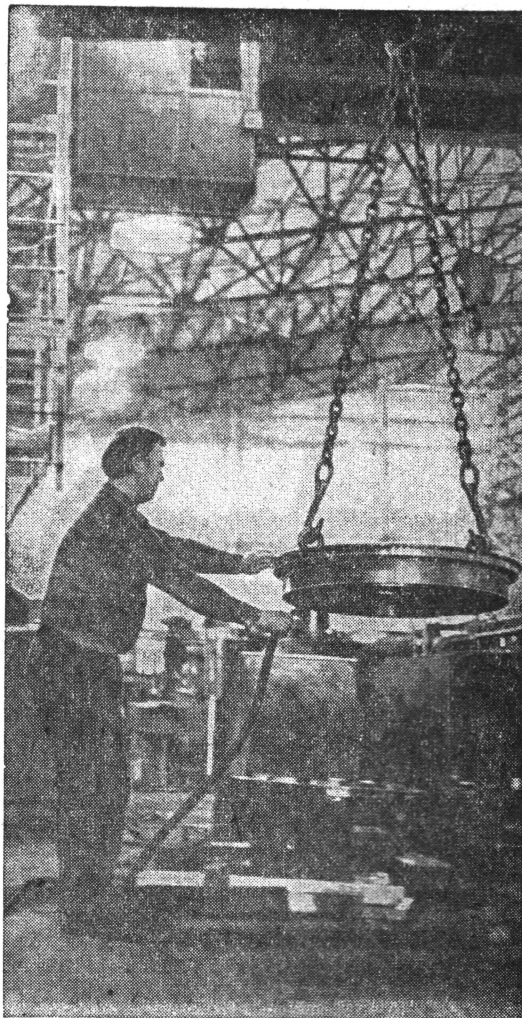
У мамы не было никакого образования — ни одного класса. Она шла подсобницей. Подносила кирпичи и раствор на строительство мартепов. Так,

подсобницей, и работала — пока не заболела.

Никифор стал плотником, собирал оконные рамы. Потом выучился на фрезеровщика. Образование у него было по тому времени приличное — пять классов. Во фрезеровщики охотно брали с таким образованием. Сейчас он на пенсии, живет здесь же, на улице Победы. А дети его — в наших цехах.

Из Ташкента переехала к нам сестра Прасковья. Ее муж умер, и она потянулась к родне. Поступила на Уралмаш подсобницей. На пенсию ушла из металлургического цеха. Умерла год назад, семидесяти пяти лет. Дочь ее тоже работала на Уралмаше и сейчас на пенсии. А младший сын — Николай Чепелев — и нынче на заводе.

Я хорошо помню лес на том месте, где сейчас живу. Это улица Сорокалетия Октября. Мы в этом лесу пацанами собирали грибы. Но главным нашим развлечением были не грибы. На Уралмаше в те годы действовал цирк, и мы убирали манеж, клет-

Анатолий Корниенко

ки, выбивали ковры — лишь бы только посмотреть представление!

Сейчас мои внуки, похоже, ничему не удивляются. Даже тому, что человек — на Луне. А для нас в детстве все было великим открытием — и цирк, и автобус, и трехэтажные бараки в поселке...

7.

Сыновей Ивана Федоровича узнать легко. Они еще крупней отца — высокие, крепкие, широколицые. Хоть сейчас — в тяжелоатлеты.

Средний, Анатолий, кстати и занимался тяжелой атлетикой и в армии и после. В чемпионы, правда, не лез, а так, для себя. Но, наверно, если бы очень захотел, — мог бы пробиться и в чемпионы. Все природные данные для этого имеются.

Совсем маленькими бегали они к проходной — встречать отца. Или мать. А когда идет через проходную уралмашевская смена, когда растекается она двумя потоками вокруг скверика с памятником Серго Орджоникидзе, когда и за проходной, через чугунные ворота, виден заполненный людьми широкий «коридор» между цехами, — это зрелище величественное. Не только у мальчишки, но и у взрослого человека вызывает оно невольное желание влиться в этот могучий поток, встать рядом с уралмашевцами, получить почетное право свободно входить и выходить через заводскую проходную.

Встречать или провожать уралмашевскую смену — это, наверно, самая сильная агитация за работу на заводе. Но сыновей Корниенко никто специально не агитировал. Сама жизнь неумолимым своим ходом вела их на завод.

Надо сказать, что, кроме трех сыновей, у Ивана Федоровича еще и две дочки. Младшая из них родилась незадолго до того, как старший Виктор окончил восьмой класс. Мать, Агрипина Петровна, сидела с малышкой дома. Отец тянул семью один. А у Виктора с малолетства самым страстным желанием было во всем помогать отцу.

Именно поэтому он и пошел на завод. В тот же сто первый цех. Учеником в группу механика.

Два года, до шестьдесят первого, Виктор ремонтировал мостовые краны и другое цеховое оборудование. То есть, начинал почти так же, как отец. Осенью ушел служить в Военно-Морской Флот.

Прослужил Виктор четыре года, демобилизовался старшиной первой статьи и вернулся в свой цех. Правда, уже не в группу механика, а в бригаду Василия Константиновича Дородских, которая собирает гидравлический тормоз лебедки для буровой.

Вскоре после демобилизации Виктор женился. Его жена Людмила тоже работает на Уралмаше, и у них уже три дочки.

Анатолий искал себя дольше, чем Виктор. После седьмого класса полтора года проучился в дорожно-строительном техникуме и бросил — не понравилась специальность. Шестнадцати лет пришел на Уралмаш, в тридцать второй цех, собирать экскаваторы. И три года, до армии, работал на сборке поворотной платформы.

Служить ему пришлось в Красноярском крае, связистом, помотался он по сибирской тайге много, видел уралмашевские буровые в действии, видел, как меняют они облик края. И на душе становилось тепло уже только от того, что знал — в каждую буровую вложен труд отца. Будто привет из дома.

Поэтому после армии он пошел на буровые, на участок отца — собирать роторы. Буровые стали для него передним краем современной цивилизации.

Виктор Корниенко со своей младшей

Удивительного в этом ничего нет — для каждого из нас передний край выглядит по-своему. Для одного — буровые, для другого — домны, для третьего — полеводство, для четвертого — филосфия. И все по-своему правы.

Младший брат, Борис, когда пишутся эти строки, сдает экзамены на аттестат зрелости в школе рабочей молодежи и собирается учиться дальше. Но где?

— Вот сдам — видно будет.

За плечами у Бориса два года занятий в техническом училище и шесть лет работы в бригаде отца — три года до армии, три после. Да и в армии служил он слесарем-сборщиком на авторемонтном заводе и по существу не отрывался от любимого дела. Вряд ли он оторвется от него и дальше. Разве что заниматься этим делом станет с годами на другом, более высоком уровне.

8.

Строго говоря, Агрипина Петровна, жена Ивана Федоровича, буровых не делала. Она делала оружие — в годы войны, на том же Урамаше. Но и в буровых есть ее доля. И невозможно обойти в этом очерке невысокую, худенькую, быструю, ловкую, темноглазую и черноволосую женщину, которая подарила Уралмашу трех богатырей и обеспечила Ивану Федоровичу надежный, спокойный тыл, без которого даже самый талантливый и энергичный мужчина, будь он семи пядей во лбу, не сможет отдаваться работе полностью. Давно замечено, что в полную силу, с максимальной отдачей работают именно те люди, у которых дома, в семье — мир, спокойствие и порядок.

И если четверо мужчин богатырского сложения, с могучими, умелыми руками, немалыми знаниями, крепкой волей и цепкой рабочей смекалкой спокойно и серьезно занимаются любимым делом, то женщина, обеспечившая им возможность такой спокойной работы, имеет к их любимому делу и к результатам его самое непосредственное отношение.

РАССКАЗ АГРИППИНЫ ПЕТРОВНЫ КОРНИЕНКО

— В Свердловск-то я в лаптях приехала. Из вятской деревни. По оргнабору. Спасалась от голода. Было мне шестнадцать лет, а читала по складам. Два класса кончила. Еще два дожимала тут, в ликбезе, взрослой девушкой.

В Свердловске, в трамвайном парке, работала моя тетка бригадиром на строительстве путей. Жила в бараке — там, где сейчас Центральный стадион. На этом месте было когда-то много трампарковских барачков. Вот я и пошла в ее бригаду. Строили второй путь до Уралмаша. Раньше-то трамваи ходили по одному пути, с разъездами на остановках. Как на железной дороге-однопутке. Таскали мы рельсы, шпалы, щебенку — все вручную. И даже койки свободной для меня в бараке поначалу не нашлось. Спали с теткой на одной койке.

Кончила я ликбез, выучилась на стрелочницу. Потом — на кондуктора. При моем образовании это было нелегко. А потом и на водителя выучилась. И все — за два года.

Не помню уже теперь из-за чего — то ли из-за расписания, то ли из-за спецодежды, — но крепко поспорил я с одним начальником. А он оказался человек мелкий — решил отомстить. Перевел меня, водителя, бригадиром над уборщицами. Только отомстил-то он самому себе. Я ведь унижений не терплю! И Ваня у меня такой, и дети так воспитаны. Я уволилась. Думаю — «Не пропаду!» И сразу на Уралмаш. Вначале взяли маркировщицей. Потом выучилась на слесаря. Делала на зенитках самую точную работу. И с удовольствием!

Приехали ко мне сестра и мать. Завод нам дал комнату. И с Ваней нас завод познакомил. Все мое счастье — от Уралмаша. Только свадеб тогда комсомольских не играли. Не завелась еще эта мода. Мы вообще без свадьбы поженились. Не было на нее денег. Но счастье-то не от того зависит, сколько на свадьбе выпито. Жизнь прожили — дай бог каждому!

С завода я ушла из-за детей, уже в сорок девятом. Когда дома пятеро по лавкам — матери приходится не вылезать с кухни. А потом подросли младшие — Люда, Маша. А в трампарке меня все еще помнили и звали. Начальника-то того давно и след простыл. И пошла я опять в трампарк. Сначала — кондуктором. Права-то мои водительские утратили силу. Снова пришлось сдавать экзамен. И снова повела маршруты. Все-таки люблю я это дело! Вот уж теперь на пенсии, а и сегодня бы за мотор села! Просто для души. Хотя и не такая уж простецкая наша работа, как спервоначалу кажется. И шоферы пьяные таранили мой вагон самосвалами. И дуреха одна с каких-то грошовых обид бросалась под колеса. И на смену меня Ваня к четырем утра сколько лет провозжал! А все равно и сейчас бы за мотор села!

Вот у парней моих все определилось. У них уже полная ясность. Я этих буровых и не видала никогда, а благодарна им за то, что выстроили они правильную жизнь и у Вани и у всех сыновей.

Еще бы дочкам такую же ясность! Люда после школы работала продавцом. Не понравилось. Говорит — узко. Теперь занимается экономикой транспорта в Уральском научном центре. Вроде, нравится. Хочет учиться всерьез на экономиста. Получилась бы у нее эта ясность жизненной линии — мне от нее ничего больше не надо!

А с Маши еще какой спрос — восьмой класс кончает. У нее все и забот-то — чтоб ее не Машей, а Мариной звали!

Агриппина Петровна Корниенко

Да, вы в «Огоньке» фото нашей семьи видели? Нет? Вот поглядите! Ваня-то ведь не расскажет. А журналисты нас не обходят... Из Чехословакии к нам журналистка приезжала. Из Западно-Чешской области. Там у них тоже есть газета «Правда». Вот статья этой женщины про Уралмаш и нашу семью. Сама-то я по-чешски, конечно, не понимаю. Но в «Уральском рабочем» мне сделали перевод.

9.

В бригаде Ивана Федоровича Корниенко вместе с ним самим двенадцать электриков. Взаимозаменяемость в этом коллективе — полная. Каждому доступна любая операция, входящая в круг обязанностей бригады. Поэтому ни болезнь, ни отпуск любого из ее членов, в том числе и бригадира, не отражаются на работе коллектива. А давно подмечено, что лучший руководитель — это тот, в отсутствие которого коллектив работает ничуть не хуже, чем при нем.

Частые «командировки» членов бригады на другие участки привели к тому, что у электриков появились знания и опыт слесарей-сборщиков самого широкого профиля. Незаметно, между делом, без натуги, без экзаменов и дипломов электрики бригады Корниенко по существу стали сборщиками-универсалами. Так щедрая помощь другим оборачивается богатством для самого коллектива.

Рассказать обо всех членах бригады в этом очерке просто невозможно. Но о двух старейших членах коллектива — И. Трефилове и В. Заводском — необходимо рассказать хотя бы самое главное.

Иван Алексеевич Трефилов пришел на Уралмаш после демобилизации в том же 1938 году, что и Корниенко, и стал электриком. Однако уже через год снова был в армии — воевал на финской, наступал от Петрозаводска на запад и дошел до Выборгского шоссе. Тут его остановило перемирие. А за отчаянную рискованную лыжную разведку был награжден Иван Трефилов редкой еще в то время медалью «За отвагу».

С этой медалью и вернулся он на Уралмаш на прежнюю работу. И дальше почти весь трудовой путь его прошел рядом с Иваном Корниенко. Одно дело делали.

Самому Ивану Трефилову, как и Ивану Корниенко, помешали учиться дальше ранние дети. При всей огромной, безграничной радости, которую приносят они молодым родителям, забот появляется столько, что очень трудно совмещать работу с учебой. Даже когда есть бабушки и дедушки. А уж когда ребенок не один — и бабушки не спасают.

У Ивана Алексеевича Трефилова три сына и пять дочек. Старший сын, Георгий, давно работает на Уралмаше монтером-установщиком телефонной станции. Второй сын, Сергей, слесарь-сборщик, нынешней осенью уходит в армию. Жена Ивана Алексеевича — Мария Константиновна — инструментальщица в гигантском цехе сварных металлоконструкций. В этом же цехе работает комплектовщицей дочь Людмила и станочником ее муж — Николай Штанко. И наверняка кто-нибудь из девяти его внуков свяжет свою судьбу с этим громадным заводом. По существу с Ивана Алексеевича Трефилова начинается на Уралмаше новая рабочая династия.

Владимир Семенович Заводский — чуть повыше и чуть суховатее Трефилова. Если Иван Алексеевич ходит, говорит и делает все так же неторопливо, спокойно и солидно, как бригадир, и так же нечасто и сдержанно улыбается, то Владимир Семенович в движениях быстр, резок, даже стремителен. И улыбки. И разговорчив. В общем, на первый взгляд — прямая противоположность Трефилову. А по сути — такой же точный, безотказный, неутомимый работник, преданный до конца и своему делу и своим товарищам.

Заводский — из потомственных пахарей Великолукского района. И сам удивляется своей чисто рабочей фамилии.

Война сделала его телеграфистом морской авиации. Рвался в морскую пехоту, а попал на аэродром торпедоносцев-амфибий, командный пункт которого был спрятан глубоко в скалах, на берегу северного озера. Это озеро, собственно, и было аэродромом.

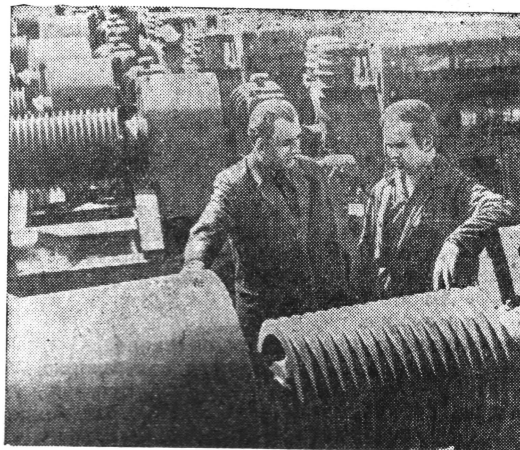
В сырых, сочащихся водой скалах, принимая и передавая бесчисленные команды и сводки, порой неделями не видя дневного света, Владимир Заводский и провел значительную часть войны. Потом, после победы, читая и слушая про партизан одесских катакомб, он, может быть, лучше многих других понимал, чего стоило этим людям жить без дневного света.

А от всех мечтаний о лихих десантах и морских сражениях осталась тельняшка, которую потом изнасил сын.

В 1950 году, отслужив после войны еще полных пять лет, демобилизованный сержант Владимир Заводский прямо в морском бушлате явился на Уралмаш.

Попал к Корниенко. И работа бригады, и ритм ее, и порядки пришли ему по душе. Будто именно этого и искал всю жизнь.

Когда сын Виктор окончил десятый класс, Владимир Семенович и его привел в свой цех, в группу

Николай Игнатьевич Осорьев и Борис Корниенко

электриков. Сейчас Виктор учится на механико-технологическом факультете в институте народного хозяйства и станет специалистом по электрооборудованию торговых и пищевых предприятий.

Выбор сына Владимир Семенович принял как должное. Ему и в голову не приходило, что можно насиловать волю детей в самом главном — выборе профессии. Советовать, знакомить, информировать — другое дело.

Но если бы его самого кто-нибудь попробовал сейчас сманить с буровых на холодильники и электропечи — даже самые громадные и роскошные, — он бы не пошел. И не только потому, что на буровых ему интересней. Просто само сознание, что собираешь ты механизмы, которые в значительной степени определяют судьбу целой страны, а потому и нужда в них великая и ценность их особая, — это сознание позволяет шагать по земле тверже, держаться в жизни уверенней и свободней. По-хозяйски...

10.

Куда же идут сегодня буровые с маркой «УЗТМ»?

Вот один, обычный, взятый на удачу день — 22 мая 1973 года, вторник.

В этот день на грузовом дворе сборочного цеха стояли ящики с такими

адресами:

Караул-Базар, Среднеазиатской железной дороги. Объединение «Бухаранефтегаз».

Переволоцкая, Южноуральской железной дороги. Нефтеразведочная экспедиция глубокого бурения.

Печора, Северной железной дороги. Ухтинское геолуправление.

Знаменск, Прибалтийской железной дороги. Управление «Калининграднефть».

Злобино, Восточносибирской железной дороги, с подачей в Красноярскречпорт. Эвенкийская нефтеразведочная экспедиция.

Сузгун, Свердловской железной дороги. Тобольская контора Главтюменьнефтегаза.

Вышка, Среднеазиатской железной дороги. Туркментехснабнефть.

Лабитнанги, Северной железной дороги. Главтюменьгеология.

Польша. Краков. Нефтеразведка.

Таш-Кепри. Средняя Азия. Нефтеразведка.

Пристань Нижневартовск, Иртышского пароходства. Главтюменьнефтегаз.

Трусово, Приволжской железной дороги. Изюмская экспедиция глубокого бурения.

Рабкор, Белорусской железной дороги. Речицкая нефтеразведэкспедиция.

Нефтебад. Средняя Азия. Управление буровых работ.

...Пока я бродил между ящиками и списывал адреса, ко мне приглядывался плотный черноволосый мужчина в новенькой зеленой спецовке. Потом он остановил меня и строго спросил:

— Зачем это вам?

— Для очерка.

Я объяснил и показал удостоверение.

— У вас, пожалуй, будет неполная картина. Мы ведь отправляем буровые в ГДР, Югославию, Румынию, на Кубу, Шри Ланка, в Иран, Ирак, Сирию, Алжир, Афганистан, Индию, Вьетнам. География, как видите, широкая.

Неожиданно, почти нос к носу, столкнулся я с парторгом сборочного цеха Серафимом Васильевичем Ильиным. За этими мыслями и не заметил, что он бежит навстречу. Именно бежит.

Давно уже просил я Серафима Васильевича припомнить какой-нибудь интересный случай из истории бригады Корниенко. Работают они рядом уже тридцать один год. Еще когда Корниенко монтировал электросистему танков, Ильин испытывал танковые моторы. Тут же, по соседству.

Поэтому я остановил Ильина и спросил:

— Ну, что-нибудь вспомнили?

— Нет.— За толстыми стеклами очков большие, темные глаза парторга глядели на меня строго, даже, может, осуждающе.— Совершенно некогда вспоминать! Ни минутки свободной! Сейчас вот вернули из парткома в цех. Срочно надо готовить бумаги к юбилею завода. Вам говорили, что в нынешнем июле Уралмашу сорок лет?

— Говорили.

— Вот собираются особо отмечать рабочие династии. В том числе и Корниенко. Как раз о нем буду сейчас писать.

— Выходит, мы с вами почти коллеги. Что же вы будете писать? Что-нибудь интересное?

— Это как понимать! Наверно, то, что вам уже известно,— как он работает. Точнее — как они все работают. Знаете, что я вам посоветую? Не ищите вы этих всяких «чепэ»! Не в них суть! Иной человек весь состоит из сплошных «чепэ». А работник плевой. Все главное ведь очень просто — надо работать! Честно, добросовестно, в полную силу. И знаете, что я заметил? Кто не спешит, не гонит, не перенапрягается — в итоге делает больше. Хотя и без треску, тихо, спокойно, неброско. Труд должен быть радостью, удовольствием, наслаждением. И уж никак не мукой! Другого-то пути к коммунизму нет! Иной человек понимает эту истину к старости. А Корниенко, похоже, понял ее в молодости. Может, в этом и весь его секрет? Удовлетворяет вас такой интересный случай?..

Филиал Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры организован в школе № 143 Верх-Исетского района. Юные краеведы, выполняя задания Всесоюзного общества, взяли на учет все исторические и архитектурные памятники Свердловска. Они описали эти памятники, сообщили, какие из них нуждаются в реставрации и благоустройстве, установили постоянное шефство.

Ребята были участниками Всесоюзного конкурса по охране памятников истории и культуры. Их работа удостоена диплома 1 степени и памятной медали.

Следопыты Свердловска встречают 250-летие своего города интересными поисками и находками.

Комсомольцы школы № 134 изучали историю «музея под открытым небом на реке Исеть» — Исторического сквера. Подшивки старых газет и журналов, беседы со старожилами помогли им установить, какие события происходили здесь до революции и в первые годы Советской власти.

Ребята изготовили макеты построек, находившихся раньше на территории сквера. Их работой руководили преподаватели и студенты Свердловского архитектурного института.

Пионеры этой же школы составили своеобразную летопись улиц Кировского района. Она рассказывает о том, как назывались улицы раньше, с какими событиями связано их переименование.

Музей истории Свердловска открыли следопыты школы № 116. Большая часть экспонатов музея рассказывает о Верх-Исетском металлургическом заводе, о его прославленных мастерах.

В разделе «Екатеринбург-Свердловск» — фотографии старого города, явочных и нелегальных квартир Я. М. Свердлова, а также материалы о В. Н. Татищеве.

Особый интерес вызывают редкие книги. Среди них «200 лет Екатеринбург», изданная в 1923 году, и «Свердловск», выпущенная в 1931 году.

Собирали ребята и сведения о людях, чьими именами названы улицы района и города. Так, в Верх-Исетском районе есть улица имени рабочего ВИЗа, участника гражданской войны С. А. Синяева. Следопыты разыскали для музея его редкий портрет, участвовали в установлении мемориальной доски на доме № 2, где он жил.

Летчик для Особых Поручений

Повесть-сказка

Рисунки Е. Стерлиговой

1.

Весной Алешкины родители получили новую квартиру. Хорошую, на пятом этаже. Из окна виден был весь новый квартал с большими домами, а дальше — старые домики в конце улицы. Улица называлась Планерная.

Раньше на этом месте был спортивный аэродром. Летом он зарастал полевой кашкой, подорожником и всякой травой, которой никто не знает названия. На краю летного поля густо росла полынь. В полыни стоял грузовичок с мотолебедкой. Лебедка мотала на барабан тонкий трос и затягивала в небо разноцветные планеры. Так же, как мальчишки запускают на нитках воздушные змеи.

Про это Алешке рассказывали ребята, которые жили здесь раньше, в старых домах. А Валерка Яковлев рассказал совсем удивительную историю: будто однажды на аэродром приземлился настоящий самолет. Это был двухместный самолетик с оранжевыми крыльями, серебристым фюзеляжем и красными цифрами на борту. Видимо, что-то случилось в моторе и надо было срочно опуститься, а летчик не знал, где удобнее сесть. Он кружил, кружил над аэродромом. Тогда Валерка выбежал

на поле, упал на траву и раскинул руки буквой Т. Буква Т — это посадочный знак. Валерка показал, как самолету лучше зайти против ветра. Летчик посадил машину, покопался в моторе, а потом спросил Валерку:

— Хочешь, прокачу?

Валерка сказал, конечно, что хочет, и летчик посадил его в заднее кресло и сделал над полем три круга.

Никто из ребят Валерке не верил, даже старожилы. Но Алешка верил.

Он потом часто вспоминал Валеркин рассказ и потихоньку завидовал. А один раз Алешке даже приснилось что-то похожее. Не совсем похожее, но тоже самолет и поле. Над полем висела теплая ночь с большими звездами, и только у самого горизонта светилась закатная полоса. На ней черным рисунком выделялись головки и стебли высокой травы. В траве стоял маленький самолет. И Алешка бежал к нему по пояс в траве, спешил и очень боялся, что самолет улетит без него.

Потом у Алешки сложились такие стихи:

Мне снилось, что ждет меня

самолет —

Ночной самолет без огней.

В кабине нервничает пилот,
Погасший окурок сердито жует
И хмурится все сильнее.
И я тороплюсь, я бегу к самолету.
Скорее — в тревогу ночного полета.
Пилот говорит: «Я чертовски спешу.
Садитесь скорей, полетим.
Наденьте, пожалуйста, ваш парашют:
Опасности будут в пути».
Какие?
Узнать я уже не успел,
Проснулся...
За окнами утренний город шумел,
И сон не вернулся...

Это были серьезные стихи, и Алешка записал их в толстую тетрадку. Он записывал туда все свои стихи, которые получались серьезными. Например, про собаку — как она потерялась и не могла найти хозяина; про мальчика, которого насильно учат играть на скрипке, а он хочет быть не музыкантом, а путешественником. Ну, и разные другие.

Тетрадку Алешка никому не показывал. Стеснялся. И вообще это была его тайна. К тому же, на одной из последних страниц написал он такие строчки:

Машка,
Ты — как ромашка в траве,
Добрая, веселая, славная.
Как хорошо, что на свете ты есть.
Это самое главное.

Понятно, что такое стихотворение не очень-то будешь показывать.

Но Алешка не скрывал, что умеет сочинять стихи. Какие-нибудь смешные строчки для стенгазеты или считалку для игры в прятки — это пожалуйста.

А один раз он сочинил стихи про принца. Про того Принца, который из сказки «Золушка». Из-за этих стихов он поссорился с Олимпиадой Викторовой.

Вот с этого случая и начинается история про путешествие с Зеленым Билетом, про Алешку и Летчика и про многие удивительные дела.

Олимпиада Викторовна руководила детским драмкружком. Драмкружок занимался в красном уголке домоуправления. Это называлось «работа с детьми по месту жительства». Олимпиада Викторовна была пенсионерка. А раньше она долго работала в театре. Костюмером. Она могла бы работать артисткой, но ей помешала одна беда: за всю жизнь Олимпиада Викторовна не научилась выговаривать букву «р». Вместо «р» у нее получалось что-то среднее между «в» и «у». Например, со слесарем дядей Юрой она разговаривала так:

— Безабуазие! Когда отвомонтивают батауеи? В квасном уголке невозможно уаботаты!

Дядя Юра — человек не робкий и даже нахальный — при таких словах съеживался и бормотал:

— Будет сделано. Сегодня же доложу управлющему. Сию секундочку.

А Олимпиада Викторовна — прямая, высокая и сурзвая — продолжала:

— Я не могу воспитывать в детях чувство пвекуасного, когда в помещении сывость! Мы совдем пвемеву, и виноваты будете вы!

При последнем слове она устремляла вслед

дяде Юре худой, отточенный, как карандаш, палец, словно хотела пронзить несчастного слесаря насквозь.

Драмкружок готовил к постановке пьесу «Золушка». Золушку играла Маша Березкина. Ну, та самая, про которую стихи.

Они с Алешкой учились в одной школе: Алешка в пятом «в», а Маша — в пятом «а». Классы-то разные, и Алешка с ней познакомиться как следует в школе не мог. А во дворе Маша появлялась редко, потому что занималась еще музыкой и фигурным катаньем.

И вот, когда начались летние каникулы, Алешка узнал, что Маша записалась в драмкружок, и сразу тоже записался.

Он очень надеялся, что Олимпиада Викторовна даст ему роль Принца. Дело в том, что Принц в пьесе должен был сражаться на шпагах с разбойниками, которые хотели похитить Золушку. А как сражаться, Алешка знал. В той школе, где он учился раньше, была секция фехтования, и он там немного занимался.

Но Олимпиада Викторовна сказала, что Алешка будет играть стражника у ворот королевского дворца. А Принцем назначила совсем другого мальчишку. Он выше Алешки и старше, перешел уже в восьмой класс.

Этот Принц всем почему-то нравился. Говорили, что у него «прекрасные актерские данные». Никаких таких данных Алешка не замечал. Зато, когда Принца одели в подходящий для него принцевский костюм, Алешка увидел, что он чересчур худ, и ноги у него слегка кривые. И шпагу носить он не умеет. Алешка ушел за кулисы и вполголоса сказал: — Пуинц квивоногий... Шпага висит, как зонтик на тоушеве.

И тут он услышал смех. Это Маша смеялась. Оказывается, она рядом была. Она смеялась негромко, но весело. А потом взяла Алешку за локоть и хорошо так сказала:

— Ой, Алешка, да брось ты расстраиваться. Больно надо. Из-за какого-то принца... Мне с ним полпьесы играть придется, а я и то ничего, терплю.

И Алешка чуть не завопил от радости. Ну, он не завопил, конечно, а только заулыбался: все, мол, в порядке, я и не думаю огорчаться. И такой он был счастливый, что согласился идти с Олимпиадой Викторовой за старыми шляпами. И тут оказалось, что Маша тоже пойдет.

Шляпы нужны были для королевских гвардейцев, для придворных, для толстого кучера, которого волшебница сделала из крысы. Где наберешь столько шляп? Но Олимпиада Викторовна знала где. Она сообщила, что у нее есть хорошая знакомая («давняя подвуга»), которую зовут Софья Александровна. Раньше она тоже работала костюмером, а теперь уже не работает. Но и раньше, и сейчас — всю жизнь — занята она важным делом: собирает шляпную коллекцию. Всяких шляп у нее больше тысячи. Коллекция такая знаменитая, что про нее писали даже в журнале «Театральный сезон». Иногда к Софье Александровне приезжают представители разных театров и студий, советуются с ней, просят для своих постановок шляпы. Советы Софьи Александровна дает охотно, а шляпы не очень, потому что три года назад местный ТЮЗ потерял у нее испанскую треуголку.

— Но нас она безусловно вывучит, — сказала Олимпиада Викторовна (разумеется, она хотела сказать «выручит»). — Она нас вывучит, потому что мы ставые двузья.

И они отправились.

По дороге Олимпиада Викторевна рассказала Маше и Алешке, что живет Софья Александровна в Лопуховском переулке, в старом домике на краю сврага. Много раз ей предлагали переехать в новую квартиру, но она не хочет. Боится, что при перевозке могут потеряться и попортиться шляпы. А кроме того, у Софьи Александровны живут четыре кота: Кузя, Батончик, Васька и Матадор. Софья Александровна в них души не чаёт. Она очень боится, что новая квартира не понравится котам.

— Конечно, это может показаться смешным,— заметила Олимпиада Викторевна,— но мы должны быть снисходительны к людским слабостям.

При этих словах она почему-то строго взглянула на Алешку. Но он не обратил внимания. Он шагал, глядя на Машу, и в голове у него прыгали мысли: «Машка-ромашка, какая же ты замечательная...»

Был жаркий июньский день, золотистые волосы Маши горели под солнцем, и она тоже была веселая. Шла вприпрыжку и гнала по асфальту блестящую пробку от лимонадной бутылки.

2.

Домик стоял у самого откоса. Когда-то в давние времена он был неплох, но сейчас очень составил и так глубоко ушел в почву, что стекла блестя у самой земли, узорчатые носы водосточных труб уткнулись в траву, а у двери вместо крыльца была выемка.

На стук вышла сухонькая остроносовая старушка. — Сонечка! — воскликнула Олимпиада Викторевна и устремилась к хозяйке дома.— Как я уада! Но Софья Александровна, кажется, не была рада. Она смотрела так горестно, что Олимпиада Викторевна споткнулась на полпути.

— Сонечка, дуг мой! Что случилось?

— Ох, Липочка,— сказала Софья Александровна и всхлинула.— Кузю украли...

— Не может быть!

Старушка развела руками.

— Не может быть,— решительно произнесла Олимпиада Викторевна.— Он где-нибудь гуляет, только и всего. Можно ли, Соня, так убиваться!

— Ах, нет, он не гуляет! Он никогда этого не делал. Он всегда приходил вечером домой, а сейчас его нет уже третий день. Я звонила в милицию, но они не хотят искать и, кажется, даже смеются.

— Какое бессеудечие,— сказала Олимпиада Викторевна.— Но, Соня... Надо ли так мучить себя? Ведь у тебя еще твои кота. Пвекуасные экземплярю.

Софья Александровна слабо отмахнулась:

— Ах, эти экземплярю... Они все время дерутся... Конечно, я их очень люблю, но Кузя был лучше всех. Такой ласковый, такой милый... Впрочем, входите, пожалуйста,— спохватилась она.— Что же это я...

В большой низкой комнате пахло нафталином, сыростью и кошками. В маленькие окна косо падало солнце и отражалось от желтого пола. Тускло поблескивали запылившаяся хрустальная люстра под потолком и серебряные ложечки в буфете.

— Садитесь, пожалуйста,— вздохнула Софья Александровна.

Но садиться было некуда. На стульях и в креслах лежали шляпы. И вообще шляпы были везде. Выглядывали с полок, висели на гвоздях, громоздились на шкафах, пирамидой вздымались на ста-

ром пузатом комод. Высоченные шелковые цилиндры, треуголки суворовских времен, соломенные канотье, мексиканские сомбреро, тирольские шляпочки с фазаными перьями, мушкетерские шляпы с плюмажами...

— С ума сойти,— шепотом сказала Маша.

— У нее здесь, наверно, даже шапка-невидимка есть,— тихонько откликнулся Алешка.

Олимпиада Викторевна подтолкнула Машу и Алешку вперед.

— Вот, Сонечка, два моих юных таланта. Мы к тебе по делу...

«Таланты! — сердито подумал Алешка.— Принц у тебя талант, а я нужен, только чтобы шляпы таскать». Но вслух, конечно, ничего не сказал. Стоял и оглядывался.

Кроме шляп в комнате были и другие интересные вещи: бронзовый подсвечник с синими стеклянными подвесками, старинный граммофон с огромной трубой-репродуктором, треснувшая фарфоровая статуэтка: разноцветный гном, который наполовину вылупился из яйца, похожего на гусиное.

Статуэтка стояла на комод, рядом с грудой шляп, среди каких-то лоскутков и пожелтевших кружев. Алешка шагнул поближе, чтобы как следует разглядеть гнома.

И неожиданно он увидел за шляпами угол стеклянного ящика. Вроде как аквариум.

«Неужели здесь рыбы живут, в такой темноте и плесени?» — подумал Алешка. Он осторожно отодвинул серую ковбойскую шляпу, чтобы разглядеть аквариум. И тут вся шляпная пирамида развалилась и посыпалась на пол!

Но Алешка не виноват был! Из-под шляп выскочил востроухий рыжий кот. Он скачками перелетел комнату и катапультировал в окно.

— Батончик! — заохала Софья Александровна.— Что с тобой? Ох, батюшки, нет мне с вами покоя.

Алешка и Маша бросились подбирать шляпы.

— Ничего, ничего,— приговаривала Софья Александровна.— Батончик, безобразник. Какие славные дети... Вот сюда эту шляпку, мальчик...

А на комод, освобожденный из плена цилиндров, котелков и треуголок, блестел стеклянный ящик. Это был не аквариум.

Это был прозрачный футляр, и в нем на бронзовых подставках стоял парусный корабль. Маленький, размером с ковбойскую шляпу, но совершенно как настоящий.

Алешка грудью лег на комод и позабыл про все на свете.

Не думайте, что Алешка мечтал стать капитаном или путешественником. Нет, у него была другая мечта. Но море Алешка любил. В прошлом году он побывал в Крыму и не мог позабыть с той поры синие горизонты, набег зеленоватых волн и громадные форштевни пароходов над пирсами. Ну, а еще он любил, конечно, книжки про пиратов, про приключения и парусные корабли. И, глянув на модель, Алешка сразу понял, что это клипер: у корабля был длинный бушприт над острым носом, три высокие мачты с прямыми парусами, узкий стремительный корпус. Он блестел ореховым лаком бортов и тонкою медной обшивкой днища.

От бортов к площадкам на мачтах бежали тугие плетеные лесенки (Алешка знал, что они называются «ванты»). Крошечные якоря свисали с кран-балок, и каждая балка была толщиной со спичку. Точеный штурвал размером с гривенник прикреплен был на рулевой колонке перед штурманской рубкой.

— Ой, какой замечательный,— горячим шепотом, у самой Алешкиной щеки, сказала Маша. Алешка и не заметил, как она подошла.

— Это клипер-фрегат,— тоже шепотом сказал Алешка. Он был рад, что Маше понравился кораблик.

Маша наклонилась так близко, что волосы ее зашевелили Алешкино ухо. И сказала тихонько:

— Я, когда была маленькая, хотела стать моряком.

— А сейчас?

— Ну, сейчас... Я понимаю, что девочек не берут.

— Иногда берут. Я кино смотрел про это... И в журнале читал про женщину-капитана.

— Я знаю...— Маша вздохнула.— Но это трудно. Я, может быть, постараюсь... А тогда ведь я не знала, что это трудно, маленькая была.

Алешка улыбнулся:

— А сейчас?

— Что сейчас? — удивилась Маша.

— Сейчас ты, что ли, совсем большая?

— Ну, все-таки... Не в детском же садике. А тогда я ничего не понимала. Думала, что для моряка самое главное — матросский воротник. Прямо каждый день редела, у мамы платье с таким воротником просила. Добилась все-таки...

Алешка сказал чуть задумчиво:

— А у меня и сейчас есть матросский костюм. Мама купила, когда мы на юг ездили. Воротник большой такой, будто синий флаг. Как захлопает на ветру, кажется, будто крылья. Даже летать хочется... Он легонький, этот костюм, и белый, как парус.

Они целую минуту молча смотрели на тонкие батистовые паруса клипера. Марсели, брамсели, кливера висели плоско и неподвижно.

— Ветер им нужен,— сказал Алешка.

— Конечно,— шепотом согласилась Маша.— И вообще я не понимаю. Он же корабль, а не шляпа. Как он здесь оказался?

Софья Александровна и Олимпиада Викторвна говорили о своих делах, перебивали друг друга:

— Ах, Сонечка, ты должна понять: тебе необходима новая кваутива...

— Нет-нет, Липа, я не могу, я привыкла...

Алешка собрал всю свою вежливость, дождался передышки в разговоре и громко сказал:

— Софья Александровна, извините, пожалуйста. Не могли бы вы рассказать, откуда у вас эта модель?

Софья Александровна всплеснула ручками («Ах, какой славный мальчик!») и торопливо заговорила:

— Да-да, это интересная вещь. Правда, у меня она случайно. Много лет назад здесь жил квартирант, старичок, он ее и сделал. Потом он умер, а кораблик остался у меня. Очень милая вещица, хотя я в этом, конечно, не разбираюсь. Телестудия хотела купить ее для каких-то съемок, но зачем мне деньги? Я предлагала поменять на два кивера наполеоновских гусар. Они согласились, но кивера оказались ненастоящие, сплошная подделка...

Скоро гости попрощались с хозяйкой. Алешке дали высокую стопку шляп. Шляпы были рыжие от старости и едко пахли нафталином. Хотелось чихать.

— Ну, Сонечка, нам поуда. Не печалься из-за Кузи, будь умницей...

— Ах, Липа...

Алешка вышел последним.

— Мальчик,— негромко позвала Софья Александровна.

Алешка медленно развернулся на месте и выглянул из-за шляп.

— Мальчик... По-моему, ты очень славный и добрый. Я тебя хочу попросить. Если ты увидишь серого кота с белой шейкой и розовой царпиной на ухе, постарайся, пожалуйста, его поймать и принеси сюда... Конечно, это, может быть, кажется смешным, но я к нему так привыкла.

Алешка не считал себя славным и добрым. У него даже в пятках покалывало от досады и неловкости, когда про него говорили такие слова. Но ему стало жаль Софью Александровну. Что поделаешь, если для нее глупый кот Кузя — самый дорогой и любимый. И Алешка сказал:

— Ну, что вы, это нисколько не смешно. У меня в прошлом году щенок Джульбарс потерялся, дак я целый день ревел. Я постараюсь. Если увижу вашего Кузю, обязательно притащу.

Про щенка он придумал. Кроме того, глупо было бы всерьез сравнивать щенка с каким-то мяукающим Кузей. Но Алешке хотелось утешить человека.

В тот день была репетиция. Каждому гвардейцу и придворному досталась шляпа. И Алешке. Большая, с широкими полями и густыми перьями. Как у мушкетера. Но из этой шляпы выпал таракан и угодил Алешке за шиворот. Алешка чуть не заорал, потому что, по правде говоря, до чертиков боялся всякой мелкой нечисти.

Этот случай испортил Алешке настроение. А еще больше настроение испортилось, когда Олимпиада Викторвна решила репетировать последнюю сцену. В этой сцене Принц находит Золушку. Ну, и начинает за ней, конечно, ухаживать. Чуть ли не целоваться лезет.

Прежде чем начать сцену, Олимпиада Викторвна предложила Принцу снять берет и надеть шляпу с белыми перьями.

— По-моему, это будет очень изящно: чевный костюм и севаля шляпа из мягкого фетва с себевбом.

— Из чего шляпа? — шепотом спросил Алешка у Маши.

— Из фетра. Почти все шляпы делаются из фетра.

— Ага...

Началась репетиция. Принц падал перед Машей на колени, примерял ей туфельку и объяснялся в любви. Олимпиада Викторвна была недовольна:

— Нет-нет! Это все не то. Мало чувства. Надо говоуить туогательно, очень туогательно, а у тебя выходит как-то легкомысленно. Получается, что у Пуинца в голове ветев.

И тут Алешка довольно громко сказал:

В голове

Под шляпою из фетра

Очень много пустоты и ветра.

Свищут там

Норд-осты и зюйд-весты.

Для ума там не осталось места.

Наступила неприятная тишина. Олимпиада Викторвна медленно обернулась и сурово глянула на дерзкого нарушителя творческой дисциплины.

— У тебя оч-чень злой язык. Оч-чень. Ты мешаешь уаботать. Выйди, пожалуйста, ты не занят в этой сцене.

Алешка ушел за кулисы, сел на фанерный королевский трон, взял забытую кем-то из артистов ра-

пиру и стал чертить на пыльном полу слово «Маша».

Репетиция кончилась. Принц и Золушка появились за кулисами. Оба сердитые.

— Ничего не получается,— сказала Маша.

— Конечно! Из-за таких вот «поэтов»,— огрызнулся Принц и мотнул белыми перьями в сторону Алешки.— Стихоплет недорезанный.

— Ты полегче.— сказал Алешка.

— А ты не указывай,— гордо возразил Принц.— Раньше за такое стихоплетство человека прикалывали к стенке, как жука в коллекции.

— Ты меня на дуэль, что ли, хочешь вызвать? — спросил Алешка и обрадовался в душе.

— Был бы ты не трус, вызвал бы.

— Я трус?! — Алешка вскочил.

— Мальчики, вы с ума сошли,— как и полагается в таких случаях, сказала Маша.

Принц изящным движением отстегнул и бросил на пол плащ. Вынул шпагу.

Алешка уперся рапирой в пол и слегка согнул клинок.

Принц бросился в атаку. Алешка закрылся от выпада и ответным ударом сбил перо со шляпы Принца. Маша на всякий случай ойкнула. Принц отскочил на два шага. Потом красиво изготовился для нападения и опять ринулся в бой. Алешка сделал шаг влево, пропустил Принца под клинком, развернулся и вытянул противника по худому бархатному заду. Принц взвыл. Отшвырнул шпагу и ринулся к Алешке с кулаками.

В этот момент возникла Олимпиада Викторвна.

— Что здесь происходит?— грозно произнесла она.

— А чего он лезет!— хнычущим голосом заявил бессовестный Принц.— Размахался тут своей шпагой.

Олимпиада Викторвна с шипеньем вобрала в себя воздух и сказала:

— Вон!

Она устремилась на дверь отточенный палец.

— Ну и пожалуйста,— сказал Алешка.

Маша догнала Алешку во дворе, и они тихонько пошли рядом.

— Я так растерялась,— сказала Маша.— Даже не успела объяснить ей, что ты не виноват.

— Да вот еще! Больно надо объяснять! — весело откликнулся Алешка. Он был рад, что Маша идет рядом и жалеет его. Но он не хотел, чтобы очень жалела.

— Что я, не проживу без этого кружка?

— Мне там тоже не нравится,— сказала Маша.— Да и времени не хватает. У меня ведь еще музыка, гимнастика, английский язык. Но что делать? Если я уйду, не состоится премьера. Нельзя же срывать мероприятие.

— Конечно, нельзя!

Маша помолчала, вздохнула и спросила тихонько:

— А ты, значит, нисколько не жалеешь, что ушел из кружка?

И Алешка, покраснев и задохнувшись от собственной смелости, вдруг выговорил:

— Жалею. Немножко... Потому что теперь буду редко тебя видеть...

После этого он не посмел взглянуть на Машу и стал разглядывать свои сандалии. Он так и не понял, улыбнулась Маша или нахмурилась. Наверно, улыбнулась. Она сказала:

— У меня через три дня день рождения. Придешь? В три часа.

— Приду, конечно! — обрадованно брякнул Алешка. И тут же испугался: — Только... Кто еще придет?

— Ой, да совсем немного народу будет! Две девочки из нашего класса, мой двоюродный братишка-первоклассник да Андрейка Лапников. Ты его не знаешь, мы вместе в музыкальной школе учимся. Он смешной такой, толстый немножко, но зато на скрипке лучше всех играет. А то у нас магнитофон сломался. Он играть будет, а мы танцевать.

— Я не умею.

— А никто не умеет. Каждый будет, как получится.

Алешка спросил хмуро и нерешительно:

— А этот... Принц? Он, что ли, тоже придет?

— Да ну его,— сказала Маша.

3.

Алешкин отец был археолог. Он второй месяц жил в пустыне и раскапывал старинный город. Иногда он присылал письма, в которых рассказывал про удивительные находки, Алешка и мама очень радовались этим письмам.

Когда Алешка пришел домой и увидел, что мама чем-то обрадована, он сразу спросил:

— Письмо от папы?

Но мама сказала:

— Нет, у меня другая новость. Завод посылает меня в Ленинград, в командировку на десять дней. Я решила взять тебя с собой!..

Мама удивилась, что Алешка не заорал «ура» и не запрыгал от радости.

— Ты не рад?..

Разные бывают мальчишки. Кое-кто на Алешкином месте стал бы изворачиваться и придумывать отговорки. А другие, возможно, решили бы, что никакая девочка не стоит того, чтобы отказываться от поездки в Ленинград.

Но Алешка сказал:

— Понимаешь, мама, есть одна девочка. Через три дня у нее день рождения. Она меня позвала...

Мама тоже бывают разные. Алешкина мама не обиделась и не рассердилась.

— Ну что ж... Придется опять просить тетю Дашу, чтобы присмотрела за тобой.

Тетя Даша жила в соседней квартире. Она была на пенсии. Когда Алешку приходилось оставлять одного на несколько дней, родители просили тетю Дашу «присмотреть». Она охотно соглашалась. Алешка тоже соглашался, хотя про себя считал, что все это зря — он сам не маленький.

К вечеру мама собралась на вокзал. Конечно, она дала Алешке множество советов и указаний, как жить самостоятельно. Последний совет был такой:

— Когда пойдешь на день рождения, постарайся выглядеть прилично.

— Это как?

— Сходи в парикмахерскую, постриги свои космы. Вымой как следует шею. Оденься, как полагаются.

— А как полагается? — озабоченно спросил Алешка. До сих пор он об этом не думал. А в самом деле, что надеть? Школьная форма — слишком скучный костюм для праздника, да и досталось ей за год — пузыри на коленях, дырка на локте. В любимых потрепанных джинсах и спортивной рубашке тоже не пойдешь — это не футбол во дворе гонять.

— Надень матросский костюм.
— М-м... — с сомнением сказал Алешка.
— А что?
— Ну... я в нем выгляжу моложе своих лет.
Мама засмеялась, поцеловала Алешку и уехала.
А он задумался.

Вот ведь как осложняется жизнь, когда тебя зовут на день рождения. Надо думать о «парадной» одежде. Надо (Алешка вспомнил!) заботиться о подарке. Ну, подарок — это ладно. Можно подарить, например, четырехцветную авторучку. Можно, в конце концов, отдать свой самодельный пистолет с резишкой, который стреляет проволочными пулками — он с виду почти как маузер. А как быть с костюмом?

Когда первый раз идешь в гости к девочке, в которую ты... ну, в общем, которая тебе нравится, хочется выглядеть солидно и мужественно. А матросский костюмчик — пожалуй, слишком детский... Однако он все-таки самый красивый у Алешки. Вот и решай тут.

Чтобы не решать вслепую, Алешка отыскал в шкафу среди одежды плечики, на которых с прошлого года висела матроска и короткие штаны с голубым узким ремешком. Переоделся и встал перед зеркалом...

Вот от каких пустяков зависит Сказка. Если бы мама не сказала Алешке самые обычные слова — «постарайся выглядеть приличнее», — он бы и не встревожился в этот вечер. И, как все нормальные мальчишки, носился бы сейчас во дворе, а не вертелся бы перед зеркалом. Не разглядывал бы матроску. И не заметил бы, что медный якорек на рукаве слегка оторвался. И не стал бы его рассматривать внимательно.

И не вспомнил бы вдруг, что почти такие же якоря были у модели клипера. Не вспомнил бы про кораблик!

Но он вспомнил.

Если бы это было ярким днем, среди шума, игры или спешных дел, ничего бы и не случилось. Но был вечер, по радио передавали печальную музыку (да, к тому же, мама уехала на целых десять дней) и, наверно, поэтому воспоминание о клипере тоже было печальным. «Костюмные» заботы перестали беспокоить Алешку. Он выключил свет, забрался на диван и стал думать о кораблике. Как он стоит в сумерках, в углу на комод, среди пыльных шляпок. Софья Александровна, конечно, сидит у окна и вздыхает о пропавшем Кузе, а под обоями шелестят тараканы. И никому дела нет до того, что маленький, но почти настоящий клипер тоскует о море.

Это было неправильно.

Несправедливо!

Разве для этого строил старый мастер свой клипер-фрегат? Для пыльного комода?

В комнате стоял полумрак, а окошко было светлым, и в нем виднелись черные телевизионные антенны соседних домов. Антенны были немного похожи на мачты клиперов. За одну из них зацепился маленький месяц.

Алешка думал о кораблях, о мастере, и постепенно у него складывались стихи:

«Жил-был где-то мастер-корабельщик... Строил удивительные вещи...»

Это сначала. А потом получилось вот что:

Жил-был старый корабельный мастер,
Молчаливый, трубною дымящий.
И однажды сделал он кораблик —
Крошечный, но будто настоящий.
Был фрегат отделан, словно чудо —
От бизани до бушпритной сетки...
Но усталый старый мастер умер,
И корабль остался у соседки.

Так Алешка начал свою «Песню о клипере». Он удивился, как легко нашлись нужные слова:

Среди шляпок, старых и затасканных,
Пыльных перьев и гнилого фетра
Как он жил там — парусная сказка,
Чайный клипер, сын морей и ветра?..

В самом деле, «как он жил там?» Разве место кораблю среди побитой молью рухляди? Ему стоять бы в капитанской каюте, у иллюминатора, за которым — все моря и страны. Или в квартире у старого моряка, где на стенах карты, штурвалы и пестрые индейские маски. Или на столе у писателя, который пишет о путешествиях. Или в комнате у мальчишки, который очень хочет стать капитаном. Даже не обязательно у мальчишки. Многие девочки тоже любят приключения. Вот и Маша мечтала стать моряком. Да и сейчас мечтает, наверно.

Конечно, мечтает!

Вот бы ей такой кораблик...

Вот бы ей этот кораблик!

Алешка даже задрожал от волнения, такая это была мысль.

Конечно, клипер — самый лучший подарок для Маши! В самом деле, зачем ей четырехцветная авторучка или самодельный пистолет? А парусник — это как сказка...

Только сказка-то — чужая.

«Зачем клипер старушке? — с досадой думал Алешка. — Она на него внимания не обращает. Говорит: случайная вещь. Подумать только: для нее этот клипер — случайная вещь!»

Теперь Алешка ни о чем другом не мог уже думать. Потому что получалась ужасная несправедливость: чудесный кораблик стоял среди плесени и серой скуки, никому там не нужный, а самая лучшая на свете девочка не могла получить его в подарок.

А как бы она была счастлива!

Алешка представил сияющие Машины глаза и будто услышал ее слова:

— Ой, Алешка! Ой, какое чудо!

Он даже завертелся на диване от всех этих мыслей.

А что делать?

Может быть, пойти к Софье Александровне и попросить, чтобы продала кораблик? Но старинная модель — не авторучка, а у Алешки всего пять рублей.

Может быть, лучше все по-честному объяснить ей? Вдруг она поймет и подарит клипер?

Алешка вздохнул. Нет, не решится он на такой разговор. И не сумеет ничего рассказать. Он и себе-то не может как следует объяснить, почему Маша — самая хорошая. И почему ей обязательно нужен кораблик. Он просто это чувствует.

Да и станет ли слушать Алешу Софья Александровна? Ведь у нее на уме одни коты да шляпы.

Шляпы...

Шляпы!

Алешка подскочил так, что пружины дивана взвизгнули и долго потом звенели. Он вспомнил!

В том доме, где Алешка жил раньше, живет и сейчас знакомый мальчишка — Владик Васильков. Он два года назад приехал из старинного города Таллина. В этом городе множество домов с высокими печными трубами. А там, где трубы, не обойтись без трубочистов. Трубочисты в Таллине — знаменитые люди. И шляпы у них тоже знаменитые — высокие черные цилиндры. Владька рассказывал, что у него есть такой цилиндр. Будто бы ему, Владьке, отдал эту шляпу знакомый трубочист. Владька Васильков — человек сговорчивый. Он, пожалуй, согласится променять шляпу на четыре марки с африканскими рыбами и хороший ножик с пятью лезвиями и отверткой.

У Софьи Александровны полно всяких шляп, но такого цилиндра Алешка не заметил. Наверно, его в коллекции нет. Завтра же, рано утром, Алешка помчится добывать эту драгоценную шляпу. А потом придет к Софье Александровне и очень вежливо скажет:

«Извините, пожалуйста. У вас есть кораблик, он вам совсем не нужен. А у меня есть редкая шляпа, она мне тоже не нужна. Вас интересуют шляпы, а меня — модели. Давайте поменяемся. От этого только польза будет...»

Конечно, тут надо набраться смелости, потому что это не с мальчишками меняться. Но Алешка наберется. Ради Маши. И ради того, чтобы вызволить клипер из плена. Он должен спасти корабль!

С такой мыслью Алешка заснул.

А ночью ударила гроза. Алешка проснулся, но не от грома и вспышек, а от холодных брызг. Их занес в окошко ветер.

Парусом вздувалась штора.

Алешка подскочил к окну, чтобы захлопнуть его, но тут вдруг так сверкнуло и трахнуло, что он замер. Не от испуга, а от красоты.

При голубой вспышке он увидел, как хлещет ливень и мчатся по асфальту потоки, белые от пены. Казалось, что началось наводнение. Еще раз блеснула молния, и тополя словно зажглись изнутри зеленым светом. Ветер и потоки ревели и трубили. Была в грозе такая удаль и такая сила, что Алешке не захотелось закрывать окно. Пусть надуется штора, пусть качается лампа у потолка, пусть в шкафу звенят с перепугу тонкие стаканы. Он только взял с вешалки старый мамин плащ и укрылся им на диване, чтобы колючие брызги не сыпались на руки и ноги.

Молнии загорались часто, и потолок от них делался голубым. Хлестала и бурлила за окном вода.

«Загудели влажные зюйд-весты,— подумал Алешка.—

Водяной стеною ливень рухнул...»

И он уснул под шум грозы.

4.

Утро было солнечное и влажное. На асфальте блестели лужи и валялись ветки кленов, обломанные грозой. Налегал ветерок. И когда Алешка вышел из подъезда, синий воротник у него за спиной встрепенулся и захлопал, как праздничный флаг. Алешке стало весело и показалось, что сегодня обязательно случится необыкновенное.

Алешка зашагал к Владьку Василькову за шляпой трубочиста.

Но бывают события, из-за которых летят вверх ногами все планы.

Алешка прошел два квартала и услышал мяуканье. Сиплое и протяжное. На большом тополе, почти у верхушки, сидел серый кот. Он был мокрый и поэтому казался очень тощим и несчастным. Наверно, злые собаки загнали кота на дерево еще вчера, и бедняга сидел там всю ночь под грозой и ливнем. Забрался с перепугу, а слезть боится.

Алешка прищурился и разглядел на кошащем ухе розовую царапину. Он чуть не взвизнул от радости: «Кузя!» Теперь, пожалуй, не нужен был цилиндр трубочиста. Получив ненаглядного Кузю, Софья Александровна обязательно захочет наградить спасителя. А она ведь видела, как Алешка вчера не мог оторваться от клипера.

Не надо думать про Алешку плохо. Если бы не было никакого кораблика, он бы, конечно, все равно не прошел мимо несчастного кота. Но сейчас Алешка особенно старался и спешил. Он скинул сандали и с разбега атаковал мокрый ствол тополя.

Подъем начался хорошо. Ствол был наклонный, шероховатый, и Алешка легко добрался до половины тополя. Правда, колени ободрали, а матроска на животе промокла и помялась, но это была чепуха.

Потом ствол разветвился, и до Кузи пришлось ползти по скользким сучьям. Алешка дополз. Хотел аккуратно взять Кузю. Глупый кот зажмурился и протяжно завопил. Котьями он мертво вцепился в сук. Делать нечего, Алешка ухватил Кузю за шиворот и начал отдиравать от коры. Кузя отодрался, уробно взвыл и тут же вцепился в Алешкино плечо. С тополя Алешка скатился почти кубарем.

Внизу ждали болельщики.

— Геройский парнишка,— сказал высокий дядька с усами.

— Намучился котик-то,— вздохнула тетушка в цветастой кофте.— Где же у него хозяева, у бедняжки?

— Знаю я хозяйку,— буркнул Алешка, нащупывая ногами сандали. Исцарапанное плечо и колени болели. «Ладно,— подумал он.— Зато есть доказательства, что я эту скотину с большим трудом достал, даже с риском».

И шлепая незастегнутыми сандалиями, Алешка потащил Кузю к домику Софьи Александровны.

Домик был пуст. Стекла выбиты, дверь перекошена, труба над крышей рассыпалась. Углы совсем скособочились.

Ничего не понимая, Алешка заглянул внутрь. В опустевших комнатах стояла темная вода. В ней плавали обрывки бумаги и трехногий стул.

Алешка прижал к груди обмякшего от переживаний Кузю и стал обходить домик со всех сторон.

Видно было, что ночной ливень бушевал здесь всюю. Потоки подмыли землю и сдвинули домик к оврагу.

У самого обрыва на перевернутом ведре сидела девочка лет восьми с прямыми длинными волосами пшеничного цвета. Она держала на коленях лупоглазую куклу и тихонько пела странную песенку:

Вырастет за городом

Лес-трава.

Ты в лесу не бойся

Ни волка, ни льва.
Только серой мышью
Бойся иногда,
С серой мышью в сказку
Приходит беда...

— Послушай,— окликнул Алешка.— Что тут случилось? Где Софья Александровна?

Девочка подняла на Алешку прозрачные глаза.

— Что случилось? — повторила она певучим голосом.— Дом водой подмыло, дождем затопило. Беды понаделало, ой-эй-эй... А Софью Александровну на новую квартиру племянник увез. Он ее давно звал, да все сговорить не мог. А теперь-то уж и сговаривать не пришлось. Рано утречком приехал на машине, погрузил все добро да и поехали. Дом-то скоро в овраг сползет...

От нехорошего предчувствия у Алешки засосало под сердцем.

— А имущество? — спросил он.— Ничего не пострадало?

Девочка вздохнула:

— Ну, как не пострадало... Тумбочку с водой унесло, две испанских шляпы. Да еще кораблик маленький. Хороший такой. Ящик стеклянный от него остался, а самого нет...

«Так я и знал!» — с отчаянием подумал Алешка.

А девочка продолжала:

— Софья Александровна так переживала из-за шляп. И кораблик жалела. Тумбочку нисколько не жалела, а кораблик — очень. Говорит, лучше бы я его тому мальчику подарила.

От удивления Алешка опустил руки, и Кузя шмякнулся на землю. Алешка машинально подхватил его опять.

— Ой, да это Кузенька! — обрадовалась девочка.— Я и не узнала. Нашелся, мой хорошенький. Давай, мальчик, я его Софье Александровне отнесу. Вот обрадуется.

Она встала, положила куклу на ведро, выпрямилась. Маленькая такая, тонкая, в синем выгоревшем платьице с белыми кружочками. И Алешке вдруг показалось, будто он видел ее где-то уже, только вспомнить не может. Он протянул девочке kota, и Кузя замурлыкал у нее на руках.

— А какому мальчику она хотела подарить кораблик? — спросил Алешка, чуть не плача от огорчения.

— Тому, который у нее вчера был. Какому же еще? Других она не знает.

— Вот что,— сказал Алешка,— спущусь-ка я в овраг. Может, кораблик в кустах застрял. Не мог он далеко уплыть.

Он ступил на край обрыва и взялся за куст.

Девочка торопливо остановила:

— И не думай. Только в глине перемажешься да обдерешься. И ничего там нет. Софья Александровна племянник туда в резиновых сапогах лазил, шляпы искал да все остальное. И ничегошеньки. Ручьем унесло...

— А вдруг найду...

— Что уплыло, не догонишь,— возразила девочка тихо, но так уверенно, что Алешка остановился.

— Почему?

— А вот потому...

«Ну ее,— подумал Алешка.— Спущусь, поищу».

— Постой, Алеша,— сказала девочка.

Он удивился:

— Ты разве меня знаешь?

— Неможко,— хитровато ответила она.

Непонятно все это было. И почувствовал Алешка беспокойство и надежду. Он подошел к девочке.

— Послушай... А может, ты знаешь, где кораблик искать?

— Не-а,— откликнулась она. Поглядела на Алешку серьезно, подумала и вдруг сказала:

— Не знаю. А узнать помогу.

Алешка усмехнулся:

— Ты что, колдунья?

— Маленько,— ответила девочка без улыбки.

Алешка сказал слегка насмешливо:

— Ну, давай.

— Ты иди на угол Первомайской и Садовой. Там есть справочное бюро...

— Там есть сапожная будка. И больше ничего,— перебил Алешка.— Не дури мне мозги.

Девочка не рассердилась и не обиделась.

— Ты послушай. Это смотря для кого. Для одних сапожная будка, для других справочное бюро. Работает в нем старичок. Он знает все-все на свете.

— А ты откуда знаешь про старичка?

— Это же мой дедушка.

— Он, конечно, тоже колдун? — спросил Алешка без ехидства.

— Конечно,— строго сказала девочка.— Только он не любит, когда к нему сразу лезут с вопросами. Надо знаешь как спрашивать? Придешь в будку, постойшь просто так, а потом говори, будто сам с собой. Ну, например: «Интересно, где бы мне раздобыть ковер-самолет?» Если у дедушки хорошее настроение, он ответит.

— А если плохое?

— Ты не бойся. У него сегодня хорошее.

— Интересно...— сказал Алешка.— А с чего это вдруг ты взялась мне помогать?

У девочки порозовели кончики ушей, но смотрела она все так же прямо и серьезно.

— Потому что ты красивый и смелый,— тихо сказала она.

— Я?! — обалдело переспросил Алешка.

— Конечно. Даже не побоялся на такую высоту за Кузей лезть. Вон, исцарапался весь, а все равно...

— Да ну тебя,— пробормотал Алешка.— Я с тобой по-хорошему, а ты дразнишься.

— Не-а,— сказала девочка. Прижала Кузю к ситцевому платьицу и убежала.

«Смелый — это еще куда-сюда,— думал Алешка.— Но красивый... Надо же выдумать такое!» Потом он вспомнил правдивые глаза девочки и поверил. Не тому, конечно, что он красивый, а рассказу про справочное бюро и дедушку. И решил: «Попробую».

Будка была низенькая, сколоченная из облезлой фанеры. Легонькая. Даже удивительно, что ее не смахнула с места ночная гроза.

Дверца оказалась открыта, и Алешка вошел.

В углу, отгородившись широкой доской, как прилавком, сидел сухощавый старичок в черном берете с хвостиком. На круглом носу — очки, на щеках — седая щетина. Перед старичком на тонкой железной «лапе» висел ботинок. Старичок тюкал по ботинку молотком и тихо бормотал.

— Здравсте...— робко сказал Алешка.

Старичок не откликнулся.

«Ну и ладно»,— подумал Алешка обиженно.

И стал оглядываться. Внутри будки все было обыкновенно: полки с деревянными колодками и башмаками, вырезанные из «Огонька» картинки, старый табель-календарь. В углу тикали кособокие ходики, у которых вместо гири висел ржавый большой замок.

Глядя на этот замок, Алешка проговорил, буд-то между прочим:

— Интересно бы узнать, можно ли найти маленький кораблик, если его унесло потоком и никто не знает куда?

Алешка услышал, что старичок перестал колотить по ботинку и хмыкнул.

— Твой, что ли, кораблик-то?

Алешка растерялся. Конечно, клипер не его. Но ведь Софья Александровна вроде бы хотела подарить модель ему.

— Мой... почти, — сказал Алешка. И украдкой взглянул на старичка.

Тот смотрел не сердито, даже улыбался.

— Почти? — спросил он.

«Все знает», — подумал Алешка, и стало ему очень неловко.

— Ну... не совсем, — начал объяснять он. — Но ведь этот кораблик сейчас все равно ничей, раз его бросили... По морским законам даже настоящий корабль, если его бросают, может стать призом того, кто его найдет.

Старичок дребезжаще засмеялся.

— Ишь ты, морской волк. Прямо адмирал Нахимов... А с чего это ты решил меня про такое дело расспрашивать? Или надоумил кто?

— Внушка ваша, — неохотно сказал Алешка.

— А-а... Ты, Алеша, видать, приглянулся ей?

— Еще чего! — воскликнул Алешка и почувствовал, что краснеет.

— Ну-ну, не петушись, — усмехнулся старичок. И сказал:

— Кораблик найти можно, да путь далекий... Ручьем унесло, говоришь? Все ручьи в реки бегут, все реки в море текут. А на берегу Самого Синего моря стоит город Ветрогорск. А в городе есть Музей Удивительных Морских Открытий и Кораблей. Иначе — просто Корабельный музей. И всеми делами там ведаёт Хранитель музея. Много у него дел, а самое любимое — собирать модели кораблей. И такой он мастер, такой любитель маленьких кораблей, что есть у него просто удивительная способность: ни одну модель не упускает, притягивает просто как магнит. Где бы какой кораблик ни потерялся, куда бы ни унесло его волнами, обязательно доплывет до Ветрогорска. Будто есть какое-то чувство особое у этих маленьких кораблей. Вроде как у перелетных птиц. Скажем, упустили вчера мальчишки свою игрушечную бригантину, а сегодня она, глядишь, уже в музее у Хранителя... Ищи, если хочешь, только дорога не близкая.

— Прямо сказка получается, — недоверчиво сказал Алешка.

— А как же! — охотно откликнулся старичок. — Сказка и есть.

— Настоящая?

— А вот это не знаю... — Старичок поглядел внимательно и даже строго. — Не знаю, Алеша. Это как у тебя получится. Смотри сам.

— Но... что же смотреть? Что должно получиться?

— А ты вспомни-ка, Алеша. Все настоящие сказки про одно: как человек ищет человека. Братец Иванушка — сестрицу Аленушку, Руслан — Людмилу, Иван-царевич — Василису Премудрую. А маленький звездный мальчик свою матушку ищет, которую злой колдун унес.

— Это верно. А еще в «Снежной королеве» Герда ищет Кая.

— Да. А Принц — Золушку.

Напоминание о Принце не понравилось Алешке. И от досады он решил возразить старику:

— Не во всех сказках так. Некоторые Иваны-царевичи, например, какое-нибудь перо жар-птицы ищут или еще что-нибудь. А принцы тоже всякие бывают...

— Это верно. Только ведь перо-то жар-птицы зачем? Не для себя они его добывают, а все для того же: чтобы в конце сказки любимую от беды спасти. Или хорошего друга отыскать.

— Но ведь и я кораблик не для себя ищу, — сказал Алешка немного обиженно. — Я подарить его хочу... хорошему другу... То есть, она не знает еще, наверно, что я настоящий друг...

— А разве нельзя без кораблика?

— Конечно, можно! Вы думаете, что я за кораблик хочу дружбу добыть? Просто у нее день рождения, а клипер — самый лучший для нее подарок! Знаете, как она обрадуется!

— Это хорошо, если обрадуется, — задумчиво сказал старичок. И добавил торжественно: — Радость для человека — очень важная вещь... Что ж, попробуй, Алеша, раз так решил. Я дам тебе совет.

— Спасибо!

— Спасибо, Алеша, говорят в конце сказки. А пока слушай. Тебе нужен билет до Ветрогорска...

— Да!

— Ты ступай в Транспортное Агентство, туда, где кассы для поездов, самолетов, автобусов, ковров-са... Кха... В общем, для всего на свете.

— Это на Первомайской улице?

— Нет, это другие кассы. На улице Полярных Капитанов.

Алешка и не слышал про такую улицу.

— Где это, дедушка?

— А, не знаешь? — хитро сказал старичок. — Ну, слушай. Пойдешь до Садовой до конца, там будет старый стадион...

— Ага! Мы зимой там военную игру устраивали.

— Ну, вот. Ты его не обходи, а найди в заборе щель. И шагай напрямик. А как стадион-то перейдешь, да в другую щель вылезешь, там и будет улица Полярных Капитанов. А кассы — в доме номер двадцать два, по левую руку... Ну, ступай.

— Спасибо!

— Ты подожди со «спасибо-то». Ты послушай еще. Если где в пути что-нибудь опасное встретишь, случай непонятный какой-нибудь или, скажем, загадку, ты от этого дела не беги. Сказка без того не обходится. Ну, и о главном не забывай, шагай себе смело.

— Ладно. Я пойду.

— Иди, Алеша.

5.

Алешка сразу поверил, что будет сказка. Ведь он был поэт, хотя и маленький. А все поэты — и маленькие, и большие — в глубине души верят в сказки.

Но улица, по которой он шел, была очень обыкновенная. Проезжали мимо обыкновенные автобусы, шли навстречу обыкновенные люди, прокатила вдоль асфальта обыкновенная поливальная машина и обдала всех брызгами. Прохожие обыкновенно заругались ей вслед.

И забор у стадиона был обычный, старый, из неструганых серых досок.

Одна доска оказалась оторвана, и Алешка пролез в щель (тоже обыкновенное дело). Он отыскал проход под разошедшимися деревянными трибунами и вышел на поле.

Стадион был старый, давно уже на нем не проводились игры. Поле заросло высокой травой.

В траве паслись лошади. Белые, гнедые и вороные. Они бродили далеко, но едва Алешка ступил в траву, как все они подняли головы. Будто по сигналу. И стали смотреть в Алешкину сторону. Ему даже не по себе стало. Он задержал шаги. Тогда золотисто-коричневая лошадь, осторожно ступая, направилась к Алешке и остановилась в трех шагах. У нее была красивая гордая голова и добрые глаза. Лошадь посмотрела на Алешку вопросительно и немного печально. И он понял ее. Не услышал, а именно понял. Она спрашивала:

— Простите, пожалуйста, вы не тот мальчик, который ищет коня, чтобы скакать в тридевятое царство?

«Вот это да! Начинается», — с легким замиранием подумал Алешка. А вслух сказал:

— Нет. Понимаете, у меня другая дорога.

— Извините, — вздохнула лошадь. И медленно отошла. Другие лошади сначала выжидательно смотрели на нее, а потом принялись щипать траву.

Над стадионом повисла тишина — стеклянная, звонкая. В ней прятались тайны и стрекотали кузнечики. Кузнечиков было множество. Они прыскали во все стороны, когда Алешка раздвигал ногами шелковистую траву.

Алешка перешел поле, отыскал в заборе дыру и оказался на улице Полярных Капитанов.

Улица была тихая, незаметная, с одноэтажными и двухэтажными домами.

Дом номер двадцать два тоже был старый. Его построил, наверно, в прошлом веке какой-нибудь купец. Вверху у купца было жилье, внизу — магазин.

Над парадной дверью, на чугунной решетке балкона Алешка увидел длинную голубую вывеску:

ТРАНСПОРТНОЕ АГЕНТСТВО

В окнах первого этажа пестрели плакаты Аэрофлота и висела на капроновой леске модель самолета «ИЛ-62».

Алешка надавил плечом тяжелую дверь.

Внутри все было обыкновенно. И пусто. Под потолком лениво вертелся большой вентилятор.

На стенах — расписания самолетов и поездов. Табличка «У нас не курят». Написанное красным карандашом объявление: про какие-то экскурсии. Алешка пригляделся. И у него холодок прошел по спине.

ЗАЯВКИ НА ЭКСКУРСИИ
НА КОВРАХ-САМОЛЕТАХ
НЕ ПРИНИМАЮТСЯ
до 15 августа
АДМИНИСТРАЦИЯ

У дальней стены стоял высокий барьер с окошечками. Окошечки были закрыты. Лишь в одном, с номером два, была заметна щель.

Алешка подошел, вздохнул, набираясь храбрости, и постучал.

Окошко распахнулось, и показалась голова кассирши.

Алешка оробел еще больше: кассирша очень похожа была на учительницу географии Клавдию Михайловну. Такая же гладкая седая прическа, строгие очки и внимательные глаза. Когда на Алешку смотрели такими глазами, он чувствовал себя прозрачным.

— Я тебя слушаю,— сказала кассирша.

— Извините... Мне сказали, что здесь можно купить билет до Ветрогорска.

У кассирши слегка поднялись брови.

— Можно... Но любопытно узнать, кто тебе это сказал?

— В справочном бюро. То есть это не совсем справочное бюро, а такая будочка. Там дедушка работает....

Глаза у кассирши подобрели.

— Понимаю. Дедушка. Значит, у тебя важное дело в Ветрогорске?

— Да!

— Хорошо. На твое счастье остался еще один билет. На сегодняшний поезд. Поторопись, отправление через тридцать пять минут.

— А сколько стоит билет? — спохватился Алешка. Он только сейчас сообразил, что мама оставила ему на личные расходы всего пять рублей. Вдруг не хватит?

— Четыре рубля девяносто копеек. Общее место. Придется ехать без плацкарты.

Алешка обрадованно кивнул и полез в карман за деньгами.

Денег не было.

Мало того — на привычном месте не было и кармана. И Алешка понял: он же переоделся вчера вечером, а деньги остались в кармане старых брюк.

— Мальчик, что с тобой? У тебя такое лицо...

— Деньги забыл,— шепотом сказал Алешка.— Теперь уж ни за что не успеть.

Кассирша тоже расстроилась:

— Ну какие же вы все рассеянные, мальчишки. Несобранные. Недисциплинированные. И когда это кончится?..

Алешка молча стоял у окошечка, хотя стоять было уже бесполезно.

— Ну что с тобой теперь делать? — сказала кассирша.

У Алешки появилась надежда.

— Расскажи, какое у тебя дело в Ветрогорске,— велела кассирша.

Алешка почувствовал, что уши у него стали теплыми. И, наверно, розовыми.

— Ну... есть одна девочка. У нее день рождения скоро... А в Ветрогорске есть музей...

Кассирша чуть заметно улыбнулась.

— Ясно. Это — Особый Случай. Тебе необходим Зеленый Билет на все виды транспорта туда и обратно. Ведь тебе послезавтра нужно вернуться.

Алешка огорченно пожал плечами. Не все ли равно? Денег-то нет. Ведь особый билет наверняка стоит еще дороже простого.

— У Зеленого Билета нет постоянной цены,— объяснила кассирша.— Но стоит он очень дорого: ровно столько, сколько у пассажира есть с собой денег. До последней копейки... Есть у тебя хоть сколько-нибудь?

Алешка торопливо запустил пальцы в боковой карманчик у пояса. И нашупал трехкопеечную монетку. Она лежала там с прошлого года. Тогда, в Крыму, Алешка все серебряные монетки бросил на прощанье в море, а эта — медная — осталась.

— Вот... — нерешительно сказал Алешка.— Но это ведь...

— Давай,— перебила кассирша. Потом громыхнула тяжелым компостером и подала Алешке кусочек зеленого картона.

— Билет действителен до четырех часов послезавтрашнего дня.

— Спасибо! До свиданья! — крикнул Алешка и кинулся от кассы.

— Мальчик! Подожди!

— Но ведь поезд...

— Не спеши. Поезд теперь тебе не нужен...

Отсюда, переулками, мимо старой церкви и кинотеатра «Космос» ты выйдешь на улицу Дальнюю...

Алешка кивнул. Про улицу Дальнюю он не слышал, но кинотеатр «Космос» знал.

— Ты пойдешь по этой улице до конца. Когда она кончится, все равно ступай вперед по тропинке. И выйдешь на берег реки. Сиди и жди. В четыре часа подойдет пароход...

— Пароход? — изумился Алешка.— Но ведь река у нас маленькая совсем. Там даже лодки на мель садятся!

— Не спорь, Алеша,— утомленно сказала кассирша.— Ступай. Не спеши, но и не мешкай. Пароход придет ровно в четыре.

Алешка вспомнил про лошадей на стадионе, про объявление о коврах-самолетах и понял, что спорить глупо.

«Я еще успею собраться в дорогу,— подумал он.— А тете Даше скажу, что поехал на дачу к Валерке Яковлеву».

6.

Улица Дальняя была совсем старая. Домики и заборы стояли по колено в лопухах. На заросшей дороге ярко желтели одуванчики, в канавах росли ромашки. Высокие травинки торчали в щелях деревянного тротуара. Тротуар был узкий и расшатанный, доски мягко прогибались под ногами. И никто не попадался навстречу.

Алешка был одет по-походному: он натянул зеленую рубашку, старые спортивные брюки и взял с собой на всякий случай курточку, в которой ездил в лагерь. В задний карман он затолкал два бутерброда с маслом. А Зеленый Билет Алешка держал в

руке, потому что положить вместе с бутербродами не решился: вдруг перемажется маслом.

Билет был зеленый, как свежий тополиный лист. Ло углам Алешка разглядел бледно отпечатанные рисунки: самолет, тепловоз, пароход и автобус. Вверху стоял черный номер: ОС 100743. Под номером красными маленькими буквами было оттиснуто: «Для Особых Случаев». В середине билета темнела крупная надпись: «На все виды транспорта. ТУДА И ОБРАТНО». А пониже: «Ветрогорск». В нижнем углу голубел квадратный штамп: «Транс-агентство, Касса № 2». В общем, билет был самый настоящий. Даже не верилось, что заплатил Алешка всего три копейки...

Улица кончилась. Вернее, кончились дома, а деревянный тротуар и канавы еще тянулись. За канавами раскинулось покрытое травами поле. До горизонта. Потом оборвался и тротуар. Вместо него побежала заросшая тропинка. Зашелестела у ног трава.

Алешке казалось, что он плывет по зеленому морю. Только шума волн не было слышно. Шорох травы да неумолчный стрекот кузнечиков. Небо с маленькими белыми облаками будто слегка покачивалось над Алешкой и пыло навстречу.

И вдруг Алешка увидел реку. Но что это была за река! Маленькая, не шире обычного переулка. Сквозь темную воду просвечивало дно с золотистыми песчинками. Летали стрекозы. Росли по берегам кусты ольхи. Ну откуда здесь возьмется пароход? Лодка, и та еле проберется в этом ручье.

«Посмеялись! — подумал Алешка. — Обманули, сунули негодный билет за три копейки! А я, дурак, поверил!» Он сел у воды и горько задумался.

Но долго печалиться не пришлось. Алешка услышал вдали странное пыхтенье, будто в траве застрял паровоз. За поворотом, над высокими кустами двигалась большая голубая труба с серебряными звездами. Из трубы валил дым.

Алешка вскочил.

Пароход выполз из-за поворота. Он был белый, двухэтажный и, видимо, очень старинный. Его плоское зеленое днище скребло по песчаному дну. Громкие гребные колеса не помещались в реке. Они нависали над берегом, упирались красными лопастями в землю, ломали кусты. Пароход не плыл, а ехал по реке как трактор. Он был похож на морское чудовище, которое выбралось на сушу и прет напролом.

Алешка глядел во все глаза и не верил такому чуду. Но верь — не верь, а пароход, отдуваясь, придвинулся вплотную, и пришлось отскочить, чтобы не прихлопнуло гребной лопастью.

Пароход вздохнул, как усталый кит, и остановился. Тут же с борта к Алешкиным сандалиям шлепнулся трап — две доски с поперечными брусками. У входа на борт появился очень большой и очень толстый человек в белом парадном кителе. У человека была светлая раздвоенная борода, седые космы и красно-коричневое лицо с носом, похожим на помидор. Морская фуражка на большущей голове казалась крошечной и торчала где-то на затылке.

Алешка сразу понял, что видит Капитана.

— Молодой человек, — загудел Капитан таким голосом, что пригнулась трава. — Надеюсь, это вы — пассажир с Зеленым Билетом? Если так, прошу пожаловать на борт моего судна!

Алешка поднялся на пароход, все еще удивленно моргая.

— Приветствую вас! — провозгласил Капитан и протянул руку. — Оч-чень, оч-чень рад! Наконец-то у меня настоящий пассажир. Такой, для каких пред-

назначен мой пароход.— Он понизил голос и продолжал: — Вы не поверите, как мне надоело возить всяких случайных личностей, командировочных нытиков и лодырей-туристов. Вот, полюбуйте.

Он скосил глаза в сторону носовой палубы.

Там в плетеных креслах расположились несколько мужчин в соломенных шляпах. Они сидели как в автобусе: держали на коленях большие портфели и смотрели прямо перед собой.

Капитан язвительно хмыкнул:

— Просочились на судно всякими неправдами.

По знакомству. А теперь недовольны, что я изменил рейс из-за пассажира с Зеленым Билетом. Ничего, голубчики, подождете...

— Неужели вы из-за меня влезли в эту речку? — удивленно сказал Алешка.

— А как же! Мы еще два часа назад получили радиogramму, что вы будете ждать в этой точке.

— Но ведь... Пароход такой громадный, а речка совсем маленькая. Просто не верится.

Капитан довольно ухмыльнулся:

— Пустяки. Если будет необходимость, моя посудина прошлепает даже через Сахару... Хотя, по правде говоря, Сахара — это совсем не море.

— Конечно, — поддакнул Алешка. — В море пароходу гораздо привычнее.

Капитан посмотрел на него с одобрением.

— Черт возьми! Вы мне оч-чень симпатичны, молодой человек. Разрешите пригласить вас обедать со мной, а потом я провожу вас в каюту.

Алешка не спорил. Есть хотелось здорово! Капитан ему понравился, и вообще все складывалось отлично.

Пароход, пыхтя и качаясь, двинулся в обратный путь. Кормой вперед. А Капитан и Алешка двинулись обедать.

В кают-компани сидел за накрытым столом худой моряк с длинным лицом и унылым носом. Он ковырял вилкой котлету.

— Знакомьтесь, — сказал Капитан Алешке. — Мой Старший помощник.

— Здравсте, — пробормотал Алешка.

Старший помощник приподнялся и молча наклонил голову. Потом он опрокинул в себя стакан кефира и кислым голосом произнес:

— С вашего позволения, я уже пообедал. Если вы не возражаете, я пойду и проверю вахты.

— Буду вам весьма признателен, — сказал Капитан.

Старший помощник согнулся и скрылся за дверью. Глядя ему вслед, Капитан убежденно сказал:

— Зануда. Никудышный работник. Я понимаю, что нехорошо выносить сор из избы, но нет сил молчать. Кстати, это он берет на борт пассажиров по знакомству. А когда я возражаю, пишет на меня жалобы в Контору пароходства.

Капитан вздохнул, снял фуражку, пригласил Алешку за стол и втиснулся сам.

Обедали молча. Капитан был занят грустными мыслями. Иногда он вздыхал так, что на окне отходила занавеска, и Алешка видел проплывающие мимо кусты. Ветки уже не скребли по стеклам, и колеса звонко хлопали по воде.

Перед концом обеда Капитан повеселел.

— Я могу предложить вам разные каюты, — сказал он Алешке. — Есть первый класс, есть люкс; где ванна, телевизор и так далее. Но мне хотелось бы посоветовать вам занять каюту класса супер-люкс. Уверю вас, это место — самое подходящее для тех, кто еще не состарился. Многие просятся туда, но я не разрешаю.

Он повел Алешку на верхнюю палубу, где стояли вдоль бортов спасательные шлюпки. У одной из них Капитан расшнуровал и откинул брезентовый чехол.

— Вот! — сказал он торжественно. — Здесь вы можете жить под самыми звездами, здесь можете любоваться водой и берегами. Тишина, покой, теплый ветер. И... — он понизил голос, — ...никаких надоедливых личностей.

— Ой, как здорово! — воскликнул Алешка. — Значит, я могу здесь спать?

— Разумеется. Вам принесут надувной матрац. ...Вечер наступил быстро. Над водой запылал и быстро сгорел закат. Появились звезды. Они дрожащими струнками отражались в воде. Река теперь была широкая — такая, что едва виднелись берега.

Алешка улегся в шлюпке. Над ним тихо качалось созвездие Малой Медведицы. Алешка задремал под шум воды и ровное пыхтение парохода.

Он очнулся от шагов. Шаги были осторожные, но тяжелые, будто крался гиппопотам. Алешка तो-ропливо сел.

У борта шлюпки стоял Капитан.

— Прошу прощения, — сказал он шепотом, от которого кольхнулся шлюпочный брезент. — Надеюсь, я вас не потревожил? Дело в том, что... у меня к вам есть важный разговор. То есть предложение... В общем, не согласитесь ли вы поступить ко мне Старшим помощником?

Алешка чуть не подскочил от изумленья.

— Как?

— Очень просто. Старшим помощником. Это очень неплохая должность.

— Но... Это же такое дело. Надо же уметь.

— Научитесь, уверяю вас! Было бы желание!

— Да... Но у вас же есть Старший помощник.

— Уволью! — заявил Капитан. — Или высажу на необитаемый остров. Пусть пишет там жалобы. Сключник он, а не Старший помощник.

Алешка молчал. Согласиться он, конечно, не мог, а отказом боялся обидеть Капитана.

— Соглашайтесь, — сказал Капитан. — Вы никогда в жизни не пожалеете. Вы увидите столько дальних морей и удивительных островов, сколько не найдете во всех морских романах. Я обещаю вам почти каждый день необыкновенные приключения. Между прочим, в устье реки Эль-Балдео до сих пор водятся настоящие пираты...

— Понимаете, — осторожно начал Алешка. — Это все очень здорово. Но как мне быть? У меня такое важное дело, оно для меня самое главное. Нельзя же главное дело бросать ради другого.

— Да, — грустно сказал Капитан. — У каждого своя дорога. Я понимаю вас и ничуть не обижен. Хотя мне очень жаль. Спокойной ночи.

Проснулся Алешка поздно. Вернее, он не сам проснулся, а его разбудил Капитан. Он пригласил Алешку завтракать.

После завтрака они поднялись на мостик. Утро было безоблачное, и большая река сверкала солнечной чешуей. Пароход повернул к берегу. Капитан сказал:

— Я мог бы доставить вас прямо в Ветрогорск, но рейс продлится много дней. Самолетом вы доберетесь быстрее. В лучшем случае от берега есть небольшой аэродром. Отметьте в кассе билет, и вас моментально посадят на самолет.

Алешке стало немного грустно. Он уже успел привыкнуть к пароходу и Капитану. Но его ждала

своя дорога, и, когда пароход уткнулся носом в песок, Алешка сказал:

- Прощайте. Счастливых плаваний.
- Счастливого пути,— сказал Капитан.

7.

Пароход отвалил от берега и зашлепал вниз по реке. Алешка помахал ему вслед. Потом забросил на плечо куртку и зашагал по тропинке.

Тропинка прыгала по пригоркам, виляла среди громадных валунов. На валунах блестели крапинки слюды. Среди камней густо цвел шиповник. Иногда его кусты закрывали тропинку, и приходилось продирается.

Алешка прошагал с километр и выбрался на лужайку, желтую от одуванчиков. На лужайке стоял каменный столб. Он был четырехгранный, могучий, похожий на основание старого памятника. В разных местах на столбе нарисованы были белые стрелы, а рядом с ними виднелись надписи:

Тридешатое государство
Совхоз «Отрадное»
Заповедный лес
Русалкина заводь
Автобаза № 4

И так далее. В общем, весь столб изрисован был белыми стрелами.

— Ну и ну,— сказал Алешка. Но не очень удивился.

Внизу, у самых одуванчиков, он отыскал стрелу со словами «Чистое поле». Слово «Чистое» было зачеркнуто, а сверху белела свежая надпись: «Летное». Алешка прикинул направление и опять зашагал среди камней и шиповника.

Шел он недолго. С пригорка увидел заросшее ромашками поле, а на дальнем его краю светлокоричневый домик с высокой антенной и еще один домик — разрисованный в крупную шахматную клетку, красную и белую. Над клетчатым домиком висела на длинном шесте «колбаса» для указания ветра: длинный белый сачок с поперечными черными полосками. Ветер был слабый, колбаса повисла и еле качалась.

Через траву и ромашки пошел Алешка к домикам. То ли в этой траве, то ли в небе чвиркали птицы. И воздух был теплый и ласковый, и солнце припекало. Все было хорошо. Но странная тревога появилась у Алешки. Он сперва не понял, отчего. А потом догадался: на поле не было самолетов.

Ни одного самолета, совсем пусто.

На чем же он полетит?

Лишь недалеко от домиков Алешка увидел один самолет. Но это был не пассажирский. Спортивный, наверно, или учебный. Маленький, легкий, весь какой-то даже полупрозрачный. Высокая трава наполовину закрывала самолет, и Алешка не разглядел его как следует. Он торопился найти людей и узнать, как добраться до Ветрогорска.

Рядом с коричневым домиком росли две березы. Между ними висели качели, и на качелях сидел мальчик.

Светловолосый такой, слегка лохматый мальчишка. Небольшой, поменьше Алешки. В белой футболке с голубой полоской у воротника. И сильно загорелый. На коленях он держал штурманскую сумку-планшетку, и эта коричневая планшетка была лишь чуть-чуть темнее худых и поцарапанных мальчишких ног.

«Ух, какой обжаренный! — подумал Алешка.—

И волосы все выцвели. Наверно, он сын летчика и прилетел с Юга. В наших краях только к концу лета можно так загореть, да и то, если очень постараться. А в июне — ни за что».

Мальчик Алешку не видел. Он сидел с опущенной головой и лениво качался: дотянется носком сандалии до земли, толкнется — покачается немного.

«Может быть, спросить у него, как тут с самолетами до Ветрогорска?» — подумал Алешка. Но тут он заметил на двери домика две синих таблички. На одной было написано «Касса», на другой — «Диспетчерская».

Алешка взбежал на крыльцо и толкнул дверь.

В коридоре он увидел окошечко кассы. Оно было закрыто. Алешка нерешительно постучал. Касса не открылась. Алешка повернулся к внутренней двери. На черной клеенке белела фанерка с надписью «Посторонним вход воспрещен».

Ну, что тут делать? Идти спрашивать у мальчишки? Но он ведь не кассир и не диспетчер. Алешка набрался смелости и потянул дверь.

В комнате, уставленной непонятными аппаратами, радиопередатчиками и телефонами, сидел за столом Диспетчер. Он был в белой рубашке. Его синий пиджак с нашивками висел на спинке стула, а форменная фуражка лежала на груди бумаж. Диспетчер сердито жевал яблоко и черкал красным карандашом в большой тетради.

— Здравствуйте,— сказал Алешка с порога, обращаясь к лысине Диспетчера.

Диспетчер перестал жевать, но черкать не перестал. И спросил:

— Что надо?

По всем правилам от такой нелюбезности Алешка должен был растеряться. Но он не растерялся, а слегка рассердился.

— В город Ветрогорск мне надо! — громко сказал он.

— Вот как? А что еще?

— Ну... и все,— ответил Алешка уже не так громко.

— Тогда при чем здесь я?

— Ну... я хотел отметить билет, а касса закрыта. Я хотел спросить у вас...

— Самолетов сегодня нет,— сказал Диспетчер. Поднял голову и надел фуражку. У него были густые брови и могучий квадратный подбородок. «Суровый человек,— подумал Алешка.— Наверно, бывший летчик полярной авиации». В общем, лицо Диспетчера ему понравилось. Но слова не понравились.

— Нет самолетов. Ясно? Вот так.

— Как же быть? — жалобно спросил Алешка.

— Вот уж не знаю.

— Но мне очень надо в Ветрогорск.

— Те, кому очень надо, приходят вовремя. И летят в соответствии с расписанием. У нас все рейсы — утренние.

— Я не знал. Мне сказали, что можно в любое время.

— Кто сказал такую чушь?

Алешка хотел объяснить, что говорил это Капитан, но подумал: Диспетчера не убедишь. Что ему какой-то незнакомый Капитан!

— Нет самолетов сегодня,— повторил Диспетчер.— Ни одного.

Алешке стало обидно.

— Ну уж, ни одного! Один-то я видел. Тут стоит, недалеко.

— Ишь ты! Видел. Этот самолет специальный, для особых случаев.

— А у меня как раз особый случай!

— Надо же,— усмехнулся Диспетчер.— А какие у тебя есть доказательства?

— У меня есть билет,— смело сказал Алешка.— Вот такой.

Он шагнул к столу и положил Зеленый Билет перед Диспетчером.

— М-да,— сказал Диспетчер. И почесал карандашом левую бровь. Потом он округлил глаза и оглушительно крикнул:

— Ма-ша!

Из-за аппаратов появилась девушка в голубой пилотке.

— Слушаю вас, товарищ Диспетчер.

— Маша,— сказал Диспетчер строгим голосом,— пожалуйста, выйдите на поле и попросите кого-нибудь или постарайтесь сами найти и пригласить ко мне Летчика для Особых Поручений.

«Ух ты!» — подумал Алешка.

— Да? Хорошо,— растерянно сказала девушка. Застучала каблучками к двери, а у порога обернулась и вопросительно взглянула на Диспетчера. Тот возвел брови под козырек и слегка пожал плечами, будто хотел сказать: «А что я могу сделать?»

Девушка вышла.

«Вот это да! — думал Алешка.— Значит, я полечу с Летчиком для Особых Поручений!» Он представил, как сейчас войдет в диспетчерскую высокий пилот в синей форме с золотыми нашивками, с большими перчатками в одной руке, с очкастым шлемом в другой. Войдет и скажет: «Я готов. Где пассажир?» А вдруг не скажет? Вдруг не согласится везти Алешку?

Вошел мальчик. Тот, которого Алешка видел на качелях. В опущенной руке он держал планшетку на длинном ремешке, и она цеплялась за половицы.

Мальчик встал посреди комнаты, посмотрел на Диспетчера.

«Сейчас Диспетчер пошлет его искать летчика», — подумал Алешка.

Диспетчер сказал:

— Ветрогорск — это где?

Мальчик чуть улыбнулся, стал глядеть в сторону и вытянул в трубочку губы: то ли свистнуть хотел, то ли сказать «у...»

— Ясно,— сказал Диспетчер.— На карте есть?

— На моей есть,— звонко ответил мальчик.

— Я спрашиваю про нормальные карты,— раздраженно сказал Диспетчер.

— Не-а...

— Сколько времени надо лететь?

Мальчик толкнул ногой планшетку, и она закачалась, будто маятник.

— Кто же знает, сколько времени,— неторопливо ответил мальчик.— Это по-разному получается. Вы же понимаете...

— Ничего я не понимаю в этих ваших штуках... И вообще не хотел я тебя пускать. За все твои фокусы.

— А что я сделал? — невинно сказал мальчик и опять поддел ногой планшетку.

— А кто пикировал на грузовик? Может, я?

— А зачем они украли собаку у ребят?!

— Ты загнал грузовик в кювет.

— Туда ему и дорога.

— Дело могло кончиться несчастным случаем.

Ты это понимаешь?

— Вот если бы ребята без щенка остались, это был бы несчастный случай. Это вы понимаете? — дерзко сказал мальчишка.

У Диспетчера стали краснеть уши и нос. А мальчик снова толкнул планшетку носком сандалии и внимательно смотрел, как она крутится на ремешке.

Он Алешке понравился. Смелый такой мальчишка, хотя и небольшой. Славный. Но разговор его с Диспетчером был Алешке непонятен. Ясно только, что мальчик что-то натворил, чуть-чуть не вляпался в аварию с каким-то грузовиком, и за это его не хотят куда-то пускать. Может, в кино? В конце концов, это не Алешкино дело. «Где же Летчик?» — думал Алешка.

Диспетчер сказал мальчику с легким рычанием:

— Пер-рестань лягать казенную сумку. И встань как следует, когда разговариваешь с дежурным Диспетчером.

— Есть,— быстро откликнулся мальчик. Ловко бросил на плечо ремень планшетки, сдвинул пятки, подпернул свои синие штанишки с клепками на карманах и опустил руки.

— Вот так,— проворчал Диспетчер.— А то совсем разболтался.

Тихо, но отчетливо мальчик сказал:

— Я стою как следует. Пожалуйста, обращайтесь на «Вы», когда говорите с Летчиком для Особых Поручений.

«Мамочка!» — ахнул про себя Алешка.

А у Диспетчера нос и уши стали фиолетовыми. Со скрипом поднялся он из-за стола. Алешке показалось, что он сейчас зарычит медведем. Но Диспетчер обиженным басом произнес:

— Слушай-те задание.

— Есть,— сказал Летчик для Особых Поручений.

— Вам... следует доставить в город Ветрогорск пассажира с Зеленым Билетом. И вернуться... Когда... вы... сможете вернуться?

— Трудно сказать. Как получится.

— И вернуться при первой возможности. Понятно?

— Понятно, товарищ Диспетчер. Могу идти?

— Може-те...

Маленький пилот повернулся к Алешке. Посмотрел серьезно и сказал:

— Идем. Билет не забудь.

Они пошли к самолету. Летчик шагал впереди. Сбивал планшеткой головки ромашек.

Летчик обернулся, остановился и тихо спросил:

— Боишься?

— Да нет... Только я не ожидал. Не думал, что ты — Летчик.

— Не бойся. У меня хороший самолет. С ним никогда ничего не случится.

Лишь сейчас Алешка разглядел как следует его лицо. Ну, обыкновенное лицо, чуточку даже знакомое. Большеглазый такой парнишка, смотрит ясно, без насмешки. Мог бы ведь ухмыльнуться или поглядеть снисходительно: «Что, струсил?» Мог бы погордиться перед испуганным пассажиром: ведь он — Летчик.. Но он ни капельки не задается.

— Не бойся. Вот увидишь, долетим нормально.

— Я не боюсь,— успокоенно сказал Алешка.— Просто я удивился.

— А ты давно в дороге?

— Второй день.

Летчик засмеялся:

— И все еще удивляешься?

— Ага,— сказал Алешка и тихо засмеялся.

Самолет был обтянут чем-то серебристым. Хвост и крылья блестели на солнце. А на корпусе темные рейки просвечивали сквозь обшивку.

«Игрушка,— подумал Алешка.— Наверно, одной рукой поднять можно». Однако, он уже не боялся. Почти.

На хвостовом стабилизаторе были нарисованы три голубые буквы:

— Это значит: Особая Служба Авиации,— объяснил Летчик.— И все самолет называют «Оса». Из-за этих букв. По-моему, глупо. Он и не похож вовсе.

— Конечно, не похож,— сказал Алешка.— Оса вся полосатая и кусачая. А твой самолет — красивый.

— Он у меня называется «Стрекозка»,— смущенно сказал Летчик.

Он откинул прозрачный колпак над кабиной, открыл дверцу.

— Садись в заднее кресло. Я мотор запущу.

Алешка полез в кабину. Самолет присел и пружинисто закачался под ним. Кресло оказалось жестковатым, пластмассовым, но ничего, сидеть можно.

Летчик подошел к носу самолета. Подпрыгнул, ухватился за лопасть винта и повис, болтая ногами. Лопасть медленно опустилась к траве. Летчик поднапрягся и качнул ее в сторону. Пропеллер вдруг рванулся и сразу почти исчез — превратился в прозрачный круг, пересыпанный кое-где солнечными искрами. Летчик отскочил и засмеялся. Трава под крыльями полегла и прижалась к земле. Кабина задрожала, наполнилась негромким шумом и стрекотом.

Летчик подошел к дверце. Воздух от винта рванул у него волосы. Летчик повернулся к домику, поднял руку. Потом прыгнул в кабину, хлопнул дверцей и опустил колпак.

— Поехали,— весело сказал он.

8.

Самолет взлетел почти без разбега, будто подпрыгнул. Аэродром косо ушел вниз, и домики сделались крошечными.

Минут десять Алешка привыкал к полету. Он и раньше летал — с мамой на юг, на «ИЛ-18». Но там было не так интересно и почти ничего не видно. Даже незаметно, что летишь. Только над морем и при посадке слегка покачало. А здесь — вверху небо с пушистыми облаками, внизу — зеленая земля с темным лесом и светлыми лугами. А по сторонам — горизонт: синий, туманный и такой громадный, что на земле и представить нельзя.

Самолет иногда клонился то на одно, то на другое крыло. Порой начинал проваливаться, будто с крутой горки скользил. Но это было совсем не страшно. Даже весело. Мотор стрекотал, как швейная машинка, за стеклами шумел встречный воздух.

Алешка посмотрел на летчика. Пилотское кресло стояло ниже пассажирского и было сильно от-

кинуто назад. Летчик управлял самолетом почти лежа. Алешка видел над пластмассовой спинкой его затылок, плечи и высоко поднятые колени. Они двигались, когда Летчик нажимал на педали. Самолет летел на юг, солнце светило почти навстречу. Волосы у Летчика горели от лучей, а колени блестели, как твердые коричневые каштаны.

— Летчик! — окликнул Алешка.— Ты где так загорел?

— Здесь,— отозвался Летчик, не обернувшись. Поднял руку и щелкнул по стеклу колпака.— Это органическое стекло, оно пропускает все лучи, не то что оконное. А ведь я летаю под самым солнцем.

— Ты часто летаешь?

— Приходится! — громко сказал Летчик.

— Это ничего, что я с тобой разговариваю? — спросил Алешка.— Может быть, во время полета нельзя?

Летчик повернул голову. Он улыбался.

— Можно! Только мне плохо слышно, мотор мешаает. Если хочешь, иди сюда.

Между пилотским креслом и стенкой кабины был узкий промежуток. Алешка протиснулся туда и сел на корточки.

Впереди покачивался горизонт. Прямо в лоб бли солнечные лучи. Алешка жмурился.

— Тебе не мешает солнце? — спросил он у Летчика.

— Я привык.

И правда, его светлые серые глаза смотрели вперед без прищура. В них блестели два крошечных солнышка.

— Далеко до Ветрогорска?

— В сумерках прилетим.

— Ой... А нельзя постараться, чтобы пораньше? Мне надо успеть в музей. Вечером его, наверно, закроют.

Летчик покачал головой.

— Бесполезно стараться.

— Почему?

— Ну разве ты не понимаешь? Ты же в сказку попал. А в сказках много всяких правил. В Ветрогорске всегда прилетают после заката.

— А если на сверхзвуковом самолете?

— Хоть на сверхзвуковом, хоть на козре-самолете, хоть на воздушном шаре, хоть на ракете... Надо, чтобы солнце село, иначе летчик не увидит город.

Алешка помолчал, набрался смелости и задал самый главный вопрос:

— Послушай... А ты по правде летчик? Самый настоящий? Ты только не обижайся.

Летчик серьезно сказал:

— Я несколько не обижаясь. Если бы ты перед полетом спросил, было бы обидно. А ты ведь не испугался лететь со мной.

— Я и сейчас не боюсь. Мне просто интересно. Ты так же работаешь, как взрослые пилоты?

— Почти так же... Ну нет, не совсем. У меня другие рейсы. Я — Летчик для Особых Поручений.

— Но ведь это еще главное, чем простой летчик, да? Ведь Особые Поручения — самые трудные?

— Не обязательно. Просто они — особые.

— А почему тебя на эту работу назначили? Ну... ты же еще не взрослый. Ведь на важные дела всегда больших посылают.

Летчик вздохнул:

— Больших нельзя. Часто приходится летать в сказки, а взрослые в них плохо разбираются. Они обязательно что-нибудь напутают.

— А разве нет взрослых, которые хорошо понимают сказки?

— Есть, конечно. Только они не умеют водить самолеты.

— А таких, кто умеет летать и в сказках разбирается, значит, нет?

— Не знаю... Я слышал про одного. Но он жил давно. Он был истребитель и погиб, когда дрался с фашистами. Упал в море...

Летчик замолчал. И Алешка тоже молчал. Он подумал, что Летчику, наверно, грустно, и не решился его расспрашивать.

Внизу потянулся шетинистый синеватый лес.

— Смотри,— сказал Летчик.— Это заповедный лес номер одиннадцать. Чего в нем только нет! Одних Красных Шапочек — больше десятка. До того вредные девчонки! Думают, что если про них сказка написана, значит, можно воображать, как знаменитым артистам! И между собой спорят, визжат, чуть не дерутся: чья очередь с волком встречаться. Хорошо, что у волка брюхо синтетическое, на молнию застегивается. А то бы они так не лезли ему навстречу.

— Вот это да...— шепотом сказал Алешка.— А еще кто там есть?

— Видишь дорогу? По ней каждый день в двенадцать часов Колобок катится. Хоть часы проверь! Ну и Заяц ему встречается, и Волк, и Медведь...

— И каждый день его Лиса лопает? — с жалостью спросил Алешка.

— Ну, где там! Сейчас колобки умные стали, сами в пасть не прыгают... А еще в лесу есть два леших, пещера с гномами и восемь говорящих филинов. Двое даже грамотные...

Внизу по дороге что-то заблестело под солнцем. — Серебряный Витязь едет! — обрадовался Летчик.— Посмотри!

Алешка пригляделся. Действительно, по дороге трусил на косматом жеребце воин в остром шлеме и серебристой броне. Он казался маленьким, как игрушечный всадник из коробки с солдатиками. На копые-соломинке трепыхался пестрый флажок. Белый щит, как зеркальце, отбрасывал солнечные лучи.

— Однажды у него конь охромел,— сказал Летчик.— Пришлось мне его на самолете в Синее королевство везти. Витязя, конечно, а не коня. Такой он громадный, столько на нем железа! Хорошо, что самолет неразбивающийся, а то бы мы обязательно загремели.

— А он, правда, неразбивающийся? — осторожно спросил Алешка.

— Конечно! На нем хоть что можно делать! Хочешь, попробуем?

— Хочу,— очень неуверенно сказал Алешка.

И в этот же миг самолет провалился со страшной скоростью, земля и небо завертелись, а сердце у Алешки прыгнуло в желудок. «Вот и сказке конец»,— подумал он. Зажмурился и сцепил зубы, чтобы не заорать во весь голос.

И тут полет выровнялся. Алешка открыл глаза. Они летели совсем-совсем низко, под самолетом проносились желтая дорога. Потом промелькнул Витязь. Алешка успел заметить, что он машет рукой в кольчужной рукавице.

Самолет стал набирать высоту. Алешкино сердце бухало, как большой оркестровый барабан.

— Ф-фу,— сказал Алешка.

Летчик весело посмотрел на него.

— А ты молодец. Я думал, ты испугаешься, а ты даже не крикнул... А Витязь два раза орал «мамочка!» Он такой тяжелый, снижаться быстро при-

шлось, вот он и заголосил... Я ему говорю: «Как же вы со змеем драться будете, если даже в самолете боитесь?» А он: «Змей — это другое дело, привычное. А сюда меня больше никакими калачами не заманишь».

— Значит, он со змеем дрался? — спросил Алешка все еще дрожащим голосом.

— Они каждую неделю дерутся, с давних пор. Змей уж старый совсем, из девяти голов только пять осталось. На одной вместо глаза фара от машины. Он все на пенсию просится, а ему не дают. Говорят: «В зоопарк, пожалуйста, на все готовое, клетка с удобствами. А пенсию нельзя, вы все-таки не человек»... Вот баба-Яга добила пенсию. За инвалидность. У нее нога костяная.

— Ты ее тоже видел? — с уважением спросил Алешка.

— Я ее в город возил, она там насчет ремонта избы хлопотала... Вредная такая бабка. Все время ворчала, что я не так самолетом управляю. Я ей тогда сказал: «Бабушка, это все-таки самолет, а не ступа». А она знаешь что? «Попался бы ты мне, когда у меня все зубы целы были...» Ничего себе, да? А потом еще жалобу Диспетчеру написала, что с ней невежливо разговаривали.

— А за что он на тебя злится, этот Диспетчер? Тоже за какое-то сказочное дело?

— Нет. Если бы сказочное, он бы не вмешивался... У ребят щенок жил во дворе. В поселке, недалеко от аэродрома. Какие-то люди проезжали на грузовике, увидели щенка на улице, подхватили — и в кузов. Себе забрать хотели. Ну, ребята закричали, догонять бросились, да разве машину догонишь? А я как раз увидел...

— Догнал?

— Ну да. Сзади зашел на бредущем, над кузовом повис, на крыло выбрался, щенка — за шиворот и в кабину. А шофер перепугался, в канаву съехал... Диспетчер не хотел потом к полетам допускать.— Летчик вдруг улыбнулся, но без насмешки, а как-то грустно.— Все равно допустил. Раз больше некого...

— Послушай...— нерешительно сказал Алешка.— А как ты стал Летчиком для Особых Поручений? Или это секрет?

— Не секрет. Я могу рассказать, если тебе интересно.

— Еще бы!

— Только... Время еще есть. Давай залетим сначала в Антарктиду.

Алешка решил больше ничему не удивляться. Он лишь сказал:

— Там ведь, наверно, очень холодно.

— Нисколечко.

Они пролетели еще немного, и самолет стал вдруг снижаться над громадным зеленым пустырем. На краю городка. Приземлился и почти застрял в сорняках.

Летчик откинул дверцу и прыгнул в заросли. Алешка — следом. У него слегка затекли ноги, и он потоптался, чтобы разогнать кровь.

Потом деловито спросил:

— Вынужденная посадка?

— Прилетели,— тихо сказал Летчик.

Алешка сперва не понял. Потом оглянулся, поморгал и нерешительно произнес:

— Какая же это Антарктида?

Кругом были репейники, конопля, полынь. От полыни горько пахло летним зноем. На горизонте в сизой дымке виднелся городок.

И была тишина.

Такая была тишина, что даже старательная трескотня трудолюбивого кузнечика не могла ее поколебать. Наваливалась эта тишина отовсюду и словно в плен брала.

Недалеко от самолета в зарослях торчали остатки дощатого забора и два столба с полуотгорванной калиткой.

Летчик подошел к столбу, прислонился и шепотом спросил:

— Слышишь, как тихо?

Алешке даже страшновато сделалось.

— Как на другой планете, — сказал он.

— Или как в Антарктиде... когда ее еще не открыли.

— Но это... все-таки ведь не Антарктида, — осторожно сказал Алешка.

Летчик не ответил. Он посмотрел вдаль и спросил:

— Видишь там город?

— Вижу.

— Это город Колокольников. Мы там жили...

— Кто «мы»?

— Иди сюда.

Алешка подошел, а Летчик отодвинулся от столба, и на старом дереве стали видны четыре имени. Их когда-то вырезали ножиком:

Антон
Аркашка
Тима
Данилка

— Антон — это я, — сказал Летчик. — А остальные — это были мои друзья.

— Были? — спросил Летчик. — А теперь?

Летчик поднял на Алешку серьезные глаза.

— Хочешь, расскажу?

Алешке стало тревожно. И он торопливо кивнул.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

НОВИНКИ

Александр АБРАМОВ, Сергей АБРАМОВ

ВСЕ ДОЗВОЛЕНО.

М., Изд-во «Детская литература», 1973, 271 стр.

Над черной безжизненной планетой неподвижно висит в зените солнце — ровный оранжевый блин на подсиненной простыне неба.

Одно солнце. Пока — одно... Но через час, через полтора из-за горизонта вынырнет второе, синее или зеленое, и пойдут по черной пустыне плясать миражи, и в каждом — дверь в другой мир или, если быть точным, в другую фазу пространства-времени... Удастся ли разобрататься в странностях этой планеты героям романа — маленькому, всего из четырех человек, коллективу земной научно-исследовательской станции?

Александр КАЗАНЦЕВ
СИЛЬНЕЕ ВРЕМЕНИ.

М., Изд-во «Московский рабочий», 1973, 367 стр.

Множество необычайных событий происходит в новом романе А. Казанцева. Герои его улетают к звездам, открывают планеты, населенные разумными существами, — биологическую цивилизацию «эмов», «протезную» цивилизацию протостарцев; находят удивительный мир, представляющий собою уменьшенную копию Земли. Возвратившись на родную планету, они застают на ней уже единое коммунистическое общество. Перед их глазами проходят разнообразные картины жизни обновленной планеты...

НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ

НОВИНКИ НОВИНКИ НОВИНКИ

Петр ВОРОНИН
ПРЫЖОК В ПОСЛЕЗАВТРА.

Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1973, 184 стр.

Инженер Валентин Селянин, наш современник, замерзает в эвенкийской тундре. Но он не погибает: в глыбе льда его находят и оживляют наши далекие потомки. Люди коммунистического завтра. Не сразу, не просто входит Валентин в жизнь обновленной планеты. Ведь он все утратил, всех потерял. Того мира, в котором он жил когда-то, больше не существовало, а новый мир пугал неизведанностью...

Ариадна ГРОМОВА, Рафаил НУДЕЛЬМАН

В ИНСТИТУТЕ ВРЕМЕНИ ИДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ.

М., Изд-во «Детская литература», 1973, 367 стр.

В Институте Времени при загадочных обстоятельствах погибает молодой ученый. Врагов у него не было, несчастный случай — исключается. А если учесть, что по характеру погибший был отнюдь не из числа людей, способных искать выход в самоубийстве, что и видимых причин-то для самоубийства не было, — печальное происшествие в Институте Времени становится совсем уж непонятным...

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

М., Изд-во «Детская литература», 1973, 765 стр.

...Когда-то, еще в сороковых годах, в Америке взорвали

очередную атомную бомбу. Подземные воды, насыщенные радиоактивными веществами, просочились на поверхность и образовали в глухом лесу маленькое озерко. Около него прижился муравейник.

Спустя много лет в окрестностях небольшого университетского городка Нью-Карфгена начинают происходить странные события. Все они так или иначе связаны с появлением серых муравьев...

Помимо повести К. Домбровского «Серые муравьи» (начало ее напечатано в сборнике 1969 года) в очередном выпуске ежегодника опубликованы повесть С. Абрамова «Волчок для Гулливера», рассказы Д. Биленкина, А. Валентинова, В. Шитика.

Владимир ПЕЧЕНКИН
ДВА ДНЯ «ВЕРИТЫ».

Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1973, 192 стр.

Герой романа конструирует «Вериту» — генератор, излучающий «импульсы правды». Под воздействием этих импульсов люди оказываются не в состоянии лгать: самый закоренелый преступник, самый прожженный политикан начинают говорить правду и только правду, какими бы гибельными для них последствиями она ни была чревата.

Далекий от понимания законов общественного развития, ученый надеется, что с помощью «Вериты» удастся покончить с социальным неравенством в капиталистическом мире, удастся установить истинно демократический, по-настоящему справедливый строй. Этим его надеждам, конечно, не суждено сбыться...

Исай ДАВЫДОВ
Я ВЕРНУСЬ ЧЕРЕЗ 1000 ЛЕТ.

Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1973, 256 стр.

Посланцы Земли более чем холодно встречены племенами далекой Риты. На каждом шагу пришельцев подстерегают отравленные стрелы, расчетливая ненависть и недоверие. Чем объяснить эту враждебность? И как преодолеть ее? Ведь земляне принесли полудиким обитателям далекой планеты дружбу и знание...

ТАЛИСМАН.

Л., Изд-во «Детская литература», 1973, 639 стр.

Повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Малыш», центральное произведение сборника, посвящена излюбленной для этих фантастов теме — контакту с инопланетным разумом. Тема эта решена в повести далеко не обычно. Единственным посредником между людьми и неведомой цивилизацией мог бы стать мальчик, сын погибших космонавтов, искусственно приспособленный аборигенами к суровым условиям их планеты. Но вправе ли земляне рисковать жизнью Малыша, этого космического Маугли?..

КАЗНЕН

«В международный комитет Маутхаузена.

Генеральный секретариат.
Вена XIX. Химмельштрассе 23.

В ответ на разыскиваемые документы о генерал-лейтенанте Карбышеве и его товарищах.

...имеется представляющий особый интерес документ о смерти полковника Сухаревича Петра, родившегося 10.01. 1900 года, из которого следует, что по приказу райхсфюрера СС он был повешен 25 сентября 1944 года в 17 часов 45 минут в концентрационном лагере Маутхаузен...»

Копия этого письма, заверенная 19 мая 1971 года государственным нотариусом Московской нотариальной конторы, хранится у жены полковника Сухаревича Екатерины Прохоровны, проживающей сейчас в Челябинске.

Что мы знаем об этом человеке? Какой подвиг совершил он?

Почему был казнен по приказу Гиммлера?

— О судьбе мужа я долго ничего не знала,— рассказывает Екатерина Прохоровна.— Перед войной мы жили в Белостоке, на самой границе. Петр Филиппович был начальником инженерного отдела 10-й армии. Время было тревожное. Дни и ночи проводил он на укрепрайоне: возводил фортификационные сооружения.

Помню, 20 июня 1941 года убежал он домой вечером очень взволнованный.

— Катенька, сейчас звонили из Гродно. Завтра приезжает к нам в армию Карбышев.

Я знала, что генерал-лейтенант Карбышев крупный ученый, профессор, доктор военных наук, что муж учился у него в Академии Генерального штаба.

На следующий день муж пришел домой вместе с Карбышевым.

Оба запыленные, только вернулись из объезда оборонительных сооружений.

Дмитрий Михайлович Карбышев оказался невысокого роста, был по-военному подтянут и очень любезен. Он улыбнулся, тепло поздоровался, извинился, что прямо с дороги пыльные зашли в дом. Прошли они с мужем в кабинет, потом мы чай пили. Карбышев посадил к себе на колени нашего двухлетнего сына Игоря, погладил по головке десятилетнюю Светлану. В глазах у него на секунду мелькнула грусть.

— А моя Аленка сейчас в Ленинграде. Учится на инженера. Большая уже, а все равно грустит в разлуке отцовское сердце.

Потом Карбышев повернулся к мужу:

— Вам, Петр Филиппович, в такое тревожное время отправить бы Екатерину Прохоровну с детьми подальше от границы.

Муж ответил:

— Не имею права, Дмитрий Михайлович. Что же тогда обо мне подумают? Скажут: паническим слухам поверил!

Вечером генерал Карбышев уехал из Белостока в Гродно. Муж в ту ночь вернулся поздно, задержался в штабе армии. А в три часа утра, только-только светать начало, слышу я гул какой-то, грохот. Подумала еще, что это наши танки на ученье идут. Но вдруг от взрыва все ставни распахнулись. Петр Филиппович вскочил, на ходу оделся и побежал в штаб.

Больше мы его никогда не видели.

Екатерина Прохоровна прикладывает к затуманенным глазам платок. Я смотрю на эту маленькую, худенькую 68-летнюю женщину и болью наполняется сердце. Сколько горя, слез, скорби перенесла она.

В МАУТХАУЗЕНЕ

Передо мной письмо, которое Екатерина Прохоровна получила в 1967 году:

«Я много лет разыскивал Вас или членов Вашей семьи. Мне хотелось еще в 1960 году сообщить Вам об обстоятельствах безвременной гибели от рук фашистских палачей верного сына нашей Родины, несгибаемого коммуниста Петра Филипповича Сухаревича.

Работая над книгой «Генерал Карбышев», я с большим трудом разыскал в зарубежных архивах фотокопию книги «Казни Маутхаузена», в которую вложен приказ Гимmlера о казни 25 сентября 1944 г. советского полковника Петра Филипповича Сухаревича, уроженца деревни Прудня, за большевистскую агитацию и противодействие германскому рейху.

Я считаю, что такой документ крайне важен для семьи П. Ф. Сухаревича. Я лично не знал П. Ф. Сухаревича, но по имеющимся у меня материалам, письмам и документам, а также рассказам лиц, близко знавших его, у меня сложилось о нем мнение как о человеке большой души, несгибаемом коммунисте, пламенном патриоте, отдавшем жизнь за счастье Родины и своего народа, из глубин которого он вышел.

Член КПСС с февраля 1917 г. Е. Решин. 10 апреля 1967 г.»

— Конечно, писала я везде, хотела узнать хоть что-нибудь о судьбе мужа. Сама, уже после войны, в Москву ездила. Но никто ничего не знал. А я все эти годы на Урале жила. Сначала в Свердловске. Теперь вот в Челябинске. К детям приехала: Светлана в Свердловске Политехнический институт окончила, сейчас на Челябинском металлургическом заводе работает, там же, на ЧМЗ, и Игорь. Из Белостока в тот жут-

кий день 22 июня мы уехали последним эшелонем. Днем получила я записку от мужа: «Катенька, за тобой заедут. Уезжай в Смоленск, к сестре. Я уехал на передовую».

В Смоленск я не попала. Приехала с детьми на Урал.

Что же случилось с Сухаревичем?

Екатерина Прохоровна показывает мне письма. Их переслали ей люди, знавшие Петра Филипповича, встречавшиеся с ним, работавшие вместе в концлагерных подпольях.

...В конце июня 1941 года штаб 10-й армии, переместившийся из Белостока в Замковский лес, оказался в окружении.

Вместе со штабом армии находился и генерал Д. М. Карбышев. В первый же день войны Дмитрия Михайловича хотели отправить в Москву, ведь в Западный Особый военный округ накануне войны он прибыл в командировку для оказания помощи в строительстве оборонительных сооружений. Но уезжать Карбышев отказался.

— Я солдат. Началась война. Я должен быть на фронте.

Оказавшаяся в окружении штабная группа с боями пробивалась на восток, к линии фронта, на соединение с нашими частями. Рядом с Карбышевым неотлучно находился полковник Сухаревич, начальник инженерного отдела армии.

Путь на Минск пролегал через реку Шара. Немцы уже захватили все переправы. Но Сухаревич вывел группу к заброшенному мосту, который не был обозначен ни на одной карте, но о существовании которого он знал.

Переправились благополучно. Но когда пересекали шоссе, столкнулись с немцами. Бой длился

несколько часов. Кончились патроны. Карбышев, как старший, принимает решение:

— Отходить в лес мелкими группами. Маршрут — на восток, к Днепру, к линии фронта.

По-прежнему рядом с Карбышевым — Сухаревич.

К Днепру вышли в районе Могилева. Солдаты, примкнувшие в лесу к Карбышеву и Сухаревичу, стали вязать плоты, готовиться к переправе. Но немцы засекли скопление людей. Открыли минометный огонь. Рядом с Карбышевым и Сухаревичем разорвалась мина...

Вот выдержки из письма Героя Советского Союза, участника героической обороны Брестской крепости П. М. Гаврилова. Это письмо переслал Екатерине Прохоровне брат ее мужа Василий Филиппович Сухаревич:

«Дмитрий Михайлович Карбышев отходил вместе с полковником П. Ф. Сухаревичем, который был начальником инженерных войск 10-й армии. Оба они были ранены и в контуженном состоянии взяты в плен. Я встретился с ними в концлагере Хамельбурге в июне 1942 года. Затем меня и десятирех товарищей, в том числе и Сухаревича, отправили в лагерь Регенсбург, в рабочую команду № 10113... Однажды нас отправили на погрузку боеприпасов. Когда привели на место погрузки, из строя вышел полковник Васильев и сказал, что грузить боеприпасы мы не будем. Его поддержал Сухаревич».

В своем письме Гаврилов рассказывает о стойкости коммуниста Сухаревича, его верности воинскому долгу.

Однажды в ответ на угрозы власовских вербовщиков, раздраженных тем, что пленные молчат и не поддаются на агитацию, полковник Сухаревич высказал общее мнение.

— Зачем вы приехали сюда?— обратился он к предателям.— Мы же русские, советские командиры и во вражескую власовскую армию не пойдем. Это наше последнее слово. Больше ничего от нас не услышите.

«...в тот же день Цумарева и Сухаревича, как организаторов бойкота, увезли из лагеря. Куда — мы долгое время не знали. После войны, в марте 1958 года, я получил письмо от А. И. Панфилова, который тоже был с нами. Он сообщил, что полковник Сухаревич казнен в лагере смерти Маутхаузен».

Проходят годы, десятилетия. Скоро мы будем праздновать

30-летие Победы над фашизмом. И время знакомит нас с именами новых героев, с новыми подробностями подвигов.

Нельзя без волнения читать строки из письма Ивана Алексеевича Панфилова, проживающего сейчас в Тульской области:

«...я должен написать, чтобы родные, особенно дети, сын и дочь, знали, что их отец не сдался врагу, а до самой смерти сопротивлялся. И никакие пытки, издевательства не сломили его, не поставили на колени. Он умер, как патриот Родины, как защитник ее, как могут умирать коммунисты...»

И далее Иван Алексеевич рассказывает:

«Мы работали грузчиками. Была создана подпольная партийная организация. В в 1943 году был создан Регенсбургский городской партийный комитет. Возглавил его Петр Филиппович Сухаревич. Организовывали вредительство и диверсии на предприятиях порта, разоблачали перед немецкими рабочими геббельсовскую пропаганду. А летом 1944 года немцы

взяли из лагеря П. Ф. Сухаревича, М. А. Шамшеева, меня и еще нескольких. Увезли в г. Вюрцбург. Посадили в тюрьму. Предъявили обвинение в том, что мы занимались коммунистической пропагандой. Приговорили к пожизненному заключению в концлагере Маутхаузен. А в сентябре 1944 г. Петр Филиппович был казнен. В феврале 1945 г. сюда же был привезен Карбышев. Обливая его водой на морозе, из него сделали ледяную статую».

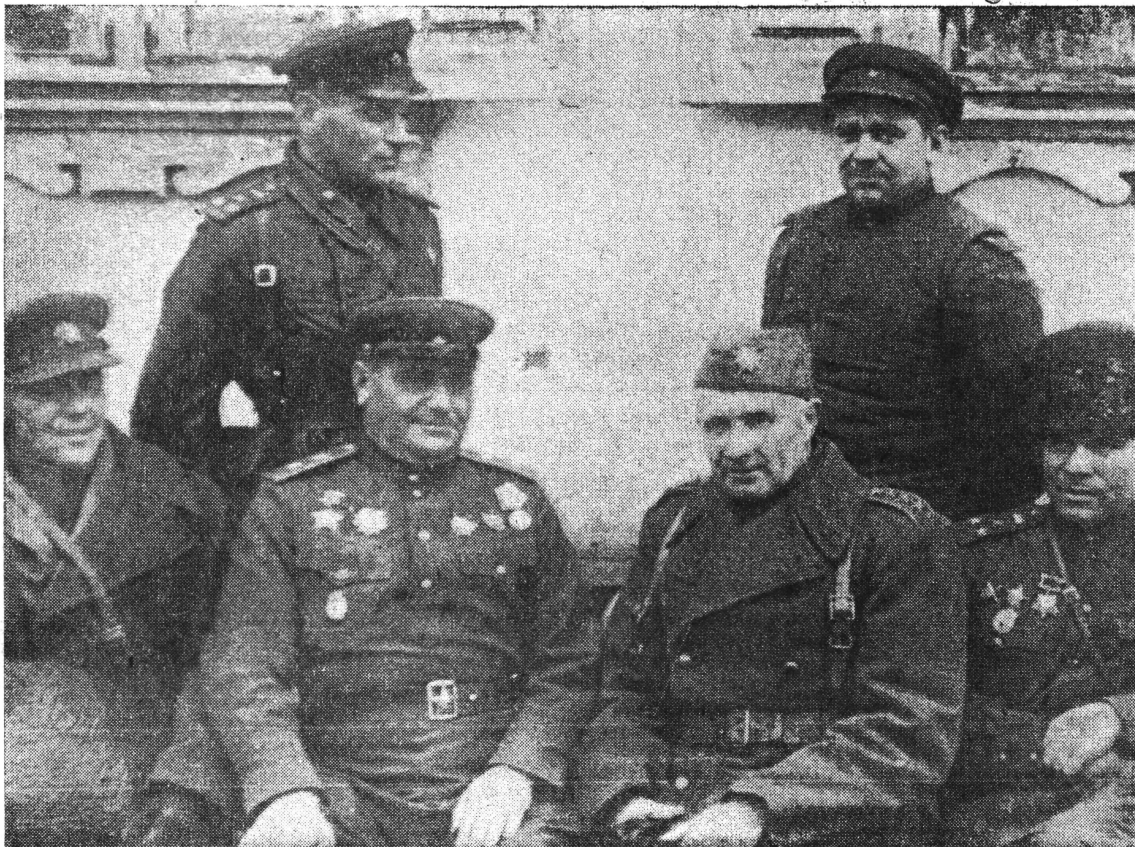
Петр Филиппович Сухаревич. Коммунист с 1918 года, участник гражданской войны, полковник Советской Армии, ученик Карбышева. С высоко поднятой головой прошел он сквозь тюрьмы и концлагеря. Хамельбург, Регенсбург, Вюрцбург, Маутхаузен...

Не могли сломить его волю ни пытки, ни допросы. Гитлеровцы казнили его, повесили. Казнили потому, что даже в лагере смерти, в лагере, откуда не было выхода, они боялись его.

Я. КИМЕЛЬФЕЛЬД, майор

РЕДКАЯ ФОТОГРАФИЯ

Эта фотография хранится в музее боевой славы областной санаторной школы-интерната города Серова. На ней в первом ряду (справа налево): заместитель командира 5-го гвардейского танкового корпуса полковник Г. Л. Баишев, командир 1-й отдельной Чехословацкой бригады полковник Людвиг Свобода, командир 5-го гвардейского танкового корпуса, генерал-лейтенант танковых войск А. Г. Кравченко, чешский офицер — адъютант Людвиг Свободы. Снимок сделан 8 ноября 1943 года в Василькове, под Киевом.

Фотографию подарил следопытам ветеран 5-го танкового корпуса К. И. Зубарев. Ребята написали президенту Чехословацкой республики Людвигу Свободе письмо, рассказали о музее, о его экспонатах. В ответ получили в подарок книгу «От Бузулука до Праги» с дарственной надписью.

В «Уральском следопыте» уже рассказывалось, что следопыты этой серовской школы провели поиск места гибели Героев Советского Союза А. К. Серова и П. Д. Осипенко и стали инициаторами сооружения обелиска. В мае 1972 года на рязанской земле состоялась торжественное открытие обелиска. На нем присутствовали и уральские ребята.

М. ЛАНСКОЙ

ОТ УЛИЦЫ ПЕРСПЕКТИВНОЙ ДО ПРОСПЕКТА ЛЕНИНА

В современном Свердловске около 1200 улиц, переулков и площадей. И все они, конечно, имеют свое имя. Если к этому прибавить еще их старые названия, сменившиеся за долгую историю города не один раз, а также имена рек, речек и ручьев, озер и прудов, районов и поселков, то количество микропонимов Екатеринбурга-Свердловска, пожалуй, превысит 2000 названий.

А знаете ли вы, что стоит за ними?

Сначала о гидронимах (названиях водных объектов) — ведь чаще всего именно от них идут «вторичные» имена: поселка или завода на берегу, улицы, расположенной вдоль ручья, и т. п. Основной водоем нашего города — река **Исеть**. История ее названия уходит в далекую древность и до сих пор точно не выяснена. (Хотя предполагают, что она названа так по племени исседонов, жившему некогда на ее берегах). Исеть дала имя трем прудам — **Верхисетскому**, **Исетскому** городскому и **Нижнеисетскому** — и трем заводам при них (Екатеринбургский завод вначале назывался **Исетским** казенным горным заводом).

Но в Исеть в черте города впадает еще много речек и ручьев. Правда, не все их сейчас знают — одни ушли под землю,

другие упрятаны в трубы. Так, почти незаметны **Акулинка** — она видна лишь при впадении в Исеть, взятая в трубу **Мельковка**. А есть еще **Камышенка**, **Черемшанка**, **Большая** и **Малая Ольховка**, **Уктус**.

Возле речки Мельковки в свое время была **Мельковская** слобода. Речка ли дала имя слободе или слобода речке, установить трудно, но название это идет от фамилии крестьянина, поселившегося здесь в 1723 году и поставившего на строительство **Исетского** завода бревна и драницы (кровельную щепу).

Река **Уктус** (переименованная в конце 1920-х годов в **Патрушиху**, по своему притоку) дала название целому ряду объектов города. Пожалуй, первым на ней появилось селение **Верхний Уктус**, существовавшее до лета 1709 года. Затем возникли горные заводы — **Уктусский** (Нижний, в 1704 г.) и **Верхне-Уктусский** (построен в 1722—1726 гг.) Дорога от Уктуса до Екатеринбурга получила название **Уктусской**, а ее продолжение в городе постепенно превратилось в улицу **Уктусскую** (в советское время переименована в улицу 8 Марта). Наконец, прилегающие горы во второй четверти XIX века ученый Э. К. Гофман описал под именем **Уктусских**.

Кстати, речке Уктус стоило бы вернуть ее историческое название, которое, как полагают, означает устье.

Со времени возникновения города река Исеть делила его на две части: западную — в первые годы она называлась **Торговой**, или **Канцелярской**, и восточную — **Церковную**, по главным объектам, которые находились на них.

К началу XIX века в городе насчитывалось уже более 30 улиц, а сто лет спустя их стало более 100. С запада на восток город пересекала улица, менявшая свое название — **Перспективная**, **Главная**, **Большая**, **Главный проспект** (ныне проспект **Ленина**). Чаще всего улицы назывались по фамилиям «заметных» домовладельцев. По фамилии горных чиновников **Ломаяевых** называлась улица **Ломаяевская**. Фамилия домовладельца, горного чиновника **В. Васнецова**, дала имя улице **Васнецовской**, которая во второй половине XIX века превратилась почему-то в **Васнецовскую**.

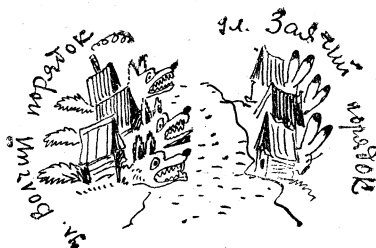
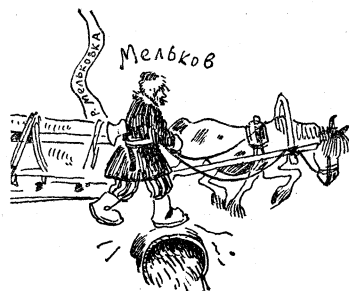
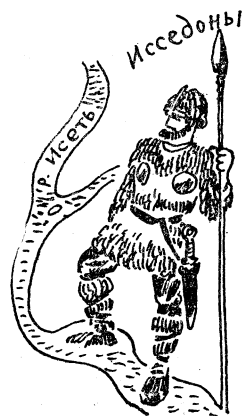
Город рос сравнительно быстро, поэтому в разных частях его появлялись улицы, в названиях которых отражался этот процесс: **Новая**, **Одинарная**. По этой же причине в XIX веке имена некоторых улиц «переселялись». Так, в конце XVIII века появилась улица **Новая Московская**, в XIX веке она стала **Полковской**, а затем **Усолецевской**. Наконец, через улицу от нее, к западу, образовалась ныне существующая улица **Московская**.

Неблагоустроенность и дикость ряда улиц Екатеринбурга XIX века отразилась в их своеобразных названиях: **Болотная**, **Лягушка**, **Заячий порядок**, **Волчий порядок**.

Официальное закрепление названий улиц началось с 1845 года, когда был «высочайше» утвержден план г. Екатеринбурга. Многие улицы города получили имена по прилегающим к ним церквям: **Никольская**, **Успенская**, **Вознесенская** и другие.

В конце XIX века появились первые улицы в честь выдающихся наших писателей — **Пушкинская** (бывшая **Соборная** и **Масаловская**) и **Гоголевская** (бывшая **Разгуляевская**).

В годы империалистической вой-

ны в поселке **Верх-Исетского** завода появилось несколько необычное название — **Китайская горка**. Оказывается, тут, на левом берегу Исети, размещались бараки, в которых жили наемные рабочие из Китая.

Первые революционные названия появились в 1919—1920 годах, в их числе — улица имени **В. И. Ленина**. А в честь героев революции и гражданской войны на Урале — **М. О. Авейде**, **В. М. Азина**, **В. К. Блюхера**, **С. С. Большакова**, **И. М. Малышева**, **Л. И. Вайнера**, **А. Я. Валека**, **Н. Г. Толмачева**, **П. Д. Хохрякова** и других. В память рабочих профессий получили имена улицы — **Металлургов**, **Литейщиков**, **Плавильщиков**, **Ткачей**, **Химиков** и многие другие. Особенно много их появилось на **ВИЗе**, основном рабочем районе города. С гордостью шли теперь листопрокатчики, токари по улицам, имя которым дала их профессии.

В названиях отразились все этапы развития и роста города за годы Советской власти. Так, в городке **Уралмашзавода** появилась площадь имени **Первой пятилетки** (1933 г.) В 1926 году дома, построенные кооперативом железнодорожников «**Пионер**», образовали **Пионерский поселок**, который ныне стал новым жилым районом — **Пионерским**.

Образовавшиеся в последние годы жилые районы получили «природные» названия — **Водный**, **Заречный**, **Семь Ключей**, **Синие Камни**.

Есть в новом Свердловске и улицы, отразившие богатство Урала — **Алмазная**, **Хрустальная**, **Кварцевая**, **Кедровая**, переулки **Малахитовый** и **Изумрудный**.

А. КОЗЛОВ

Рисунки
В. Бубенщикова

ОРЕХИ НА ЧЕРЕМУХЕ

Ночью дождь гулко барабанил по крыше. Порывистый ветер рвал листья, гнул сучья. Трещали и скрипели стволы старых лип.

С рассветом дождь перестал. Солнце лениво пробиралось сквозь серые тучи. Под окнами запели скворцы. В их прощальных песнях слышится радость и грусть.

Егорка выскочил из дому. Запрыгал по дорожке, оставляя на песке следы. Остановился возле калитки. Забор погнула черемуха. Старая, дуплистая, она упала, будто прилегла отдохнуть.

Егорка потряс мокрый шершавый ствол, словно попросил дерево: «Хватит лежать — поднимайся!» И тут откуда-то на него орехи посыпались: один, другой, третий...

— Дедушка! — позвал Егорка. — На черемухе орехи выросли!

— В огороде бузина, а в Киеве дядька! — отозвался с паеки дед. — Давеча зачем-то будильник стал разбирать и сломал... Теперь — орехи на черемухе!

Не спеша, дед подошел к забору, как доктор ощупал и осмотрел черемуху. Сунул руку в дупло — и на его широкой морщинистой ладони появились орехи...

— Чудеса творятся! — в недоумении пожал плечами дед.

Вдруг прямо по траве к черемухе рыжий бельчонок скачет... Заметил непрошенных гостей, встал на задние лапки, да как рассердится, как зацокает: «По какому такому праву мои орехи берете?»

Дед приложил палец к губам, поманил внука и спрятался вместе с ним за кустами смородины.

Бельчонок успокоился, мелкими скачками стал приближаться к черемухе. Прыгнет, остановится, головку вытянет — воздух понюхает.

Схватит зубами орех и стрелой назад мчится.

— Бельчонка ныне день год кормит, — сказал дед. — Зима на носу. Надо до снега поспеть в новую кладовую запасы перетаскать...

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

В воскресенье отец разбудил меня на зорьке:

— Всю красоту проспичь, соня. Вставай-ка, живо! В Чугреиху поехали!

Я с трудом очнулся от вязкой дремы, наскоро умылся ледяной водой под краном, проглотил стакан чаю и хлеб с котлетой, и мы двинулись в путь. А когда сели в поезд, я вспомнил:

— Ружье-то забыли...

— Не беда, — успокоил меня отец. — Не за тем едем!

Я надулся и притих: что же делать в лесу без ружья?

Поезд долго трясло и мотало на стрелках. Мелькали за окном дачи с почерневшими заборами, веселые перелески,

кучи щебня и досок... Но вот, наконец, и Чугреиха. Приехали! Мы сбежали с деревянной платформы и напрямик через поле по узкой тропке заспешили к еще сонному, голубеющему вдали лесу.

Воздух тревожно и хмельно пахнет талой землей, а вдоль дороги гусиным серебряным пухом светятся вербы.

Внезапно отец остановился, затаил дыхание и снял шапку.

Вдали, в молодом березняке, кто-то робко, неуверенно бормотал.

— Кто это проснулся? — спросил я.

— Тетерев-косач, — ответил отец.

Я долго приглядывался и заметил на деревьях довольно много больших птиц. Мы спустились в ложину и подошли ближе. Их черные перья поблескивали на солнце, а хвост был загнут в разные стороны. Тетерева не спеша поклевывали березовые почки и важно прохаживались по веткам.

А один косач сидел на вершине елки, вздувал шею, поднимал краснобровую голову, распускал веером хвост и все громче и сильнее бормотал: чувых-х, бу-бу-бу...

— Знаешь, — продолжал отец. — Для охотника это лучшая песня. Послушаешь ее, и весь месяц на душе праздник.

— Какой праздник? — удивился я.

— Весенний... — улыбнулся отец. — Скоро у косачей пляски на болотах пойдут. Музыка — лесная капель... А слова такие...

Тут он подбоченился и начал скороговоркой:

— Куплю балахон, продам шубу!

Хороши слова у тетеревиной песни. Они запомнились мне на всю жизнь!

СОЙКИНА УДОЧКА

На птичьем рынке я видел, как знакомый профессор купил у ребят нарядную сойку с голубым зеркальцем на крыльях. Они уверяли, что птица живет у них с осени, умеет говорить несколько слов и в хорошем настроении повторяет их одно за другим... Но мне, к сожалению, не удалось послушать насмешницу. При пересадке из садка в клетку птица рассердилась, дико закричала и отчаянно забила крыльями. Чтобы утихомирить строптивую сойку, профессор завернул садок в газету и поспешил удалиться...

В тот год отпуск мне выпал зимой, и я поехал в деревню к деду. Дом у него небольшой, рубленый, словно присядыш, а вблизи за рекой березовая роща. Дни стояли отменные: сухие, морозные, без ветра. С утра до сумерек бродил я на лыжах, стараясь отрешиться от городской суеты, от шума машин, отдохнуть от нервной работы в издательстве. «Какая же здесь благодать!» — невольно подумал я однажды, окинув взглядом заснеженную поляну, и присел на пенек поправить крепления. Сижу и разглядываю свежие следы: тут заячья тропа, а вот рыжая плутовка за косым пожаловала...

Вдруг над моей головой кто-то мяукнул. Откуда кот взялся?! Неужели плут Тишка за мной увязался? Быть того не может! Когда из дому выходил, он на печке дремал,

А вверху снова — «мяу!» Затем скворец засвистал. «Ну и чудеса! — думаю. — Ведь скворцы давно на юг улетели, а этот, видно, шальной...» А спустя минуту — «фиу-лиу» — желтокрылая иволга прокричала. Доводилось ли вам когда-нибудь зимой услышать иволгу? Ее пронзительный, немного печальный флейтовый голос? Нет? А мне пришлось. Признаться, сперва я растерялся — уж больно диковинно звучал в конце декабря ее приглушенный, словно из-под снега, летний разлив. Вскочил, с опаской оглядел ближние деревья... И тут на березе заметил сойку. Востроглазая, стройная, рыжий хохол подняла и надо мной посмеивается: ловко тебя провела. Я покачал головой: вроде не первый день по лесу брожу, по голосам и повадкам сторожких птиц узнаю — и на тебе! На сойкину «удочку» попался!

ПЛУТОВКИ

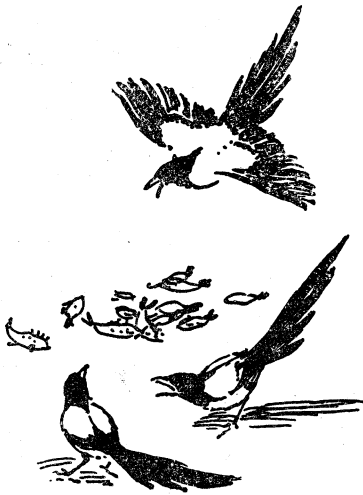
Трудно представить себе русскую зиму без стройных и величавых красавиц сорок. Когда едешь на электричке из Москвы в Загорск, в окне вагона то и дело мелькают на заборах, на одиноких березах, на кучах щебня и досок стайки чернобелых птиц. Неспроста в сказках сороку величают «белобока»: по бокам на крыльях у нее белые пятна. Но особенно красив сорочий хвост — длинный, стройный, с зеленоватым, лиловым и синим отливом. Когда птица летит, то быстро машет крыльями, а хвостом как рулем правит.

Еще сороку зовут «лесная болтушка». Где бы она ни появилась, всегда трещит и стрекочет: извещает лесных жителей о грядущей опасности. А какая плутовка!

Как-то раз поехали мы с другом в конце января на рыбалку к Черному озеру. Прорубили пешнями лед, оснастили удочки мотылем, кинули лакомую приманку в прорубь. Долго ждать не пришлось — один за другим стали брать ерши. Мелкие, полупрозрачные, колючие. Видно, сильно проголодались в темном подледном царстве.

За час-другой мы натаскали около сотни рыбешек, сгребли их в кучу, а сами решили другое место поискать. Может, где окунек или щучка объявятся. Только отошли от улова, как издали донеслась сорочья трескотня. Одна «белобока» заметила на льду горку мерзлых ершей и немедленно оповестила подруг о своем открытии. И со всех сторон к проруби потянулись шустрые длиннохвостые птицы.

Когда мы разгадали хитрость плутовок, было уже поздно. Знаменитая уха из ершей исчезла! Сороки отлетели в сторону, уселись на телеграфные провода и, словно торговки на базаре, стали переговариваться отрывистыми голосами.

У ЧИСТЫХ КЛЮЧЕЙ

Лет десять тому назад рыбачил я у Чистых Ключей. Речонка эта небольшая, вертлявая. Начало берет в горах и рождается из малых ключей.

Рыбачил я в конце ноября. Ивнячок вдоль берега оголился, снега было мало...

Я шел узкой тропой, что бежала у крутого берега, в поисках удобного места, где бы можно было поставить на ночь жерлицы. Река беспечно журчала, не чувствуя холода и не собираясь замерзнуть: слишком сильно было ее течение. Среди оголенности и пустоты предзимья я заметил на песчаном мыске черный камень. Решил было идти дальше, но тут будто кто-то тихим голосом шепнул мне на ухо: «погоди!» Словно что-то живое было заключено в том черном, холодном камне.

По инерции я сделал три шага вперед и остановился.глянул вниз и застыл пораженный. На камне замерла сказочно-красивая, отливающая зеленовато-голубым перламутром птица. По яркому оперению я признал в ней рыбака-зимородка.

Название «зимородок» пошло, видно, оттого, что у незамерзающих рек и родников птица появляется с наступлением зимы. Ловит рыбу в светлой ледяной воде. Гнездо устраивает в норе на крутых песчаных откосах и устилает его не пухом и перьями, а чешуей и костями рыб.

Зимородок сидел тихо, неподвижно, как истый рыбак. Потом вытянул шею, стрелой бросился вниз и — бултых в светлую протоку! Через несколько мгновений вынырнул, а в клюве серебристая уклейка трепещется. Часто махая крыльями, пронесся над поверхностью воды, похвастался уловом и сел на прежнее место. Тюкнул рыбку о камень и проглотил.

И тут же снова замер, опустил вниз длинный нос-удилище и уставился в прозрачные воды. Подождал, подождал, увидел табунок мальков и, совсем как диковинная изумрудная стрекоза, затрепетал крыльями над рекой. И снова — в протоку, и опять — с добычей. Пролетел над моей головой и скрылся из глаз.

Я поспешил уйти, стараясь не помешать охоте этой бесстрашной, удачливой птицы.

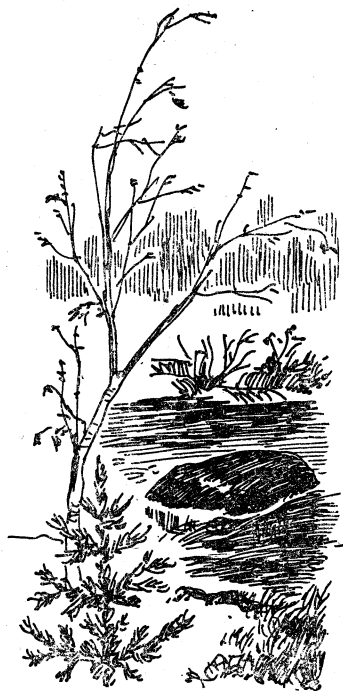
И странное дело — много интересного довелось мне увидеть в ту зиму у Чистых Ключей, но с годами все постепенно забылось, а рыбак-зимородок остался в памяти.

МОРСКОЙ ОКУНЬ

Берег небольшого островка на реке Светланке был пологим. Ослепительно белый песок лежал узкой полоской между кустарником и водой. По утрам песок был влажный, прохладный, а днем накалялся и больно жег пятки. Я причалил к островку на резиновой лодке. Ступив по колено в воду, втащил лодку на берег, стал разбирать удочки.

Ивнячок на взгорке зашевелился, заскрипел, ожил. Ко мне подошел сосед по дому Витя Козырев. На нем большие резиновые сапоги-вездеходы, серая брезентовая куртка с дедова плеча, полосатая тельняшка.

На прошлой неделе он рассказал мне о щуке со светящимися в темноте фосфорическими глазами и о голавле, из пасти которого торчал хвост гадюки.

— Здравствуй! — сказал рыбак, для солидности расправил плечи и ковырнул песок резиновым сапогом.

У Вити задумчивые голубые глаза, как два озера; белые, высоко поднятые брови вразлет; подбородок твердый, словно сжатый кулачок.

— Доброе утро! Как дела?

— Так себе... — тихо ответил Витя и посмотрел на искристую, цвета золотистого меда воду, где плыла красно-белая деревяшка, похожая на буюк. — Шесть пескарей и один ерш.

Я промолчал, зная наперед, что Козырев расскажет сейчас что-нибудь особенное.

— А вот позавчера, знаете... — Витя берет в рот травинку и присаживается возле меня. — Со мной такой случай вышел. Сижу, значит, я ночью у Лыковой гривы, ловлю на стрекозу и кузнечика. Клюет одна за другой: окунь, голавль, плотица, не успеваю вытаскивать. Заполнил ведерко до краев, решил вздремнуть, а сам на крайнюю удочку поглядываю. Больно на ней поплавок волнуется. Ладно, думаю, кусай, от меня все равно не уйдешь, не на такого нарвался. Легонько подсек, а он отпустил, бродяга. Минутку передохнул и снова стрекозу терзать принялся. Поплавок заплясал, как шальной, круги аж до середины Светланки дошли. Стой, думаю... Еще разок подсек, а поплавок — р-раз... и на дно пошел. Я дерганул... упирается, дьявол, но все ж идет. Вытаскиваю... во!.. — Козырев разводит руки. — Представляете: морской окунь! Откуда, думаю, он здесь взялся? — Витя в задумчивости поскреб пятерней растрепанный чуб. — А потом догадался. Это его из Черного моря к нам в Светланку течением занесло.

«А морской окунь, случайно, не догадался тебе объяснить, что реки впадают в моря — а не наоборот?» — подумал я про себя и решил перевести разговор на другую тему.

— А почему ты в субботу на озеро рыбачить не пришел?

— В субботу?... — Витя встряхивает чубом, и голубые глаза его загораются живым огоньком. — Я уж совсем было собрался и удочки с собой прихватил. Да у Горбатого моста ласточек приметил... Сидят прямо на поручнях одна к другой... Видно, только-только из гнезда вылетели.

— Ну и что?

— Да вот послушайте... Мать их летать учила. Сядет вплотную и носом прямо вниз спихивает, а сама уж тут как тут, впереди летит через реку. Дорожку показывает. На другом берегу они на провода садились. А последний слабак оказался. Уж больно робко он за матерью полетел, на середине речки у него крылья вдруг отказали. Упал он в воду, и понесло его течением. Что тут делать? Я рубаху и сапоги скинул, да и сиганул наперерез. А птенец прямо на меня рулит. Ну, поймал я его, на берег вытащил. А он мокрый-премокрый. Дрожит весь. Обсушил его на солнышке, а мать надо мной так и вьется. И все щебечет, щебечет... Ну, я и подбросил его кверху. Ласточка с земли-то лететь не может, ей разбег нужен.

— А как же! — поддержал я Витю.

— Взвился мой птенец. И туда же, на провода уселся. Повеселел, распушился, стал перья чистить. Вся семья собралась, один к одному — девять штук, точно бусы. Поглядел-поглядел я на них, да и хлопнул в ладоши. Снялись они разом и полетели на другой конец села. Больше я их не видел...

— А потом куда путь держал?

— Потом... Потом я на полянке присел отдохнуть... И зна-

ете, большая-пребольшая зеленая стрекоза все надо мной кружила. А на ту полянку желтая бабочка прилетела. Увидела бабочку стрекоза — и к ней. Бабочка то вниз опустится, то вверх взлетит. А стрекоза не отстает. Поймала бабочку и на березу села. Притомилась, видно... Я подкрался сзади, притаился. Р-раз! И готово... Теперь у меня дома в банке сидит. Стасик Бодуля мне за нее подшипник для самоката предлагал...

— Сменялся, конечно?

— Не... Сперва хотел, а потом раздумал. Открыл банку, глянул на крылья, а они перламутром отливают. Жаль мне стало: такую красоту за какой-то подшипник. Пусть сам попробует поймать...

— Да, парень ты, Виктор, смысленный... А вот скажи, почему с бабкой Фросей поссорился? Встретил я ее в прошлую субботу на станции, а она жалуется: неслухом внук растет... Огурца-то, говорит, нонче урожай, а на деле плохо выходит. Витька, говорит, шельмец, да Славка Бодуля, окаянные, бочку попортили. Обручи сорвали и дырок понаделали... Текет теперь бочка, говорит, и огурец даром пропадает...

Витя обиженно шмыгнув носом, наклонился ко мне и таинственно прошептал на ухо:

— Ба-ти-сфе-ра...

— Что такое? — переспросил я.

— Разве не знаете?.. Да мы со Славкой той бочкой глубину озера измерять решили. Там, говорят, фрицы в войну баржу потопили. Вот мы и хотели разведать. Дырок навертели, а стекла никак не вставим. У вас алмаза, случаем, нет?

— Нет, — улыбнулся я. — К тому же я твоей бабке бочара Игната обещал привезти.

— Бочара... — вздохнул Витя и печально развел руками. — Опоздал маленько. Теперь никакой бочар не поможет. Водолаза надо.

— Как так водолаза?! — удивился я.

— Ну да, водолаза, — спокойно пояснил Витя. — Мы со Славкой бочку нечаянно утопили, когда пробу делали...

Витя неторопливо встает, одергивает куртку.

— Ну, мне пора... Небось, опять наживу сорвала...

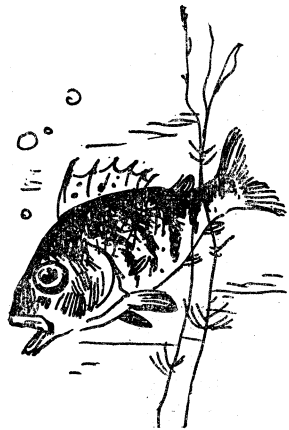
На середине реки громко ударила щука. Витя вздрогнул и замер, глядя на то место, где широкими волнами расходились круги.

— Здоровущая, всю ночь за плотвой стреляет... Килограмма на три будет. Я ее еще с вечера приметил.

Я поднял глаза от воды вверх и увидел в небе белые паруса. Летели лебеди... Рассекая воздух, плавно вздымались и опускались их широкие, сильные крылья.

— На лесное озеро тянут, — сказал мальчик, провожая птиц задумчивым взглядом. — Там гнезда у них... Ну, я пошел.

Я взглянул на уходящего Витю Козырева. Идет он неспеша, вразвалочку, как ходят бывалые рыбаки. Мне нравятся его неторопливые, уверенные движения, нравится и то, как ловко он выбрасывает на берег шустрого колючего ерша, и то, как споласкивает его в реке, нанизывает на тонкий ивовый прут; нравится его рыбацкий азарт, фантазия и упорство — просидеть всю ночь напролет за удочкой в ожидании чуда, а утром изобрести какую-нибудь батисферу...

ЛИСИЧКИ

Фото В. Чупаченко (г. Томск)

У ЛЕДЯНОЙ КРОМКИ

Фото Н. Яковлева (г. Свердловск)

В ПУТЬ-ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ...

Фото А. Пальшина (г. Новоалтайск)

НЕВИДИМЫЕ

ПИРАТЫ

Необозримый зеленовато-сиреневый океан, голубой воздух. Медленно скользит по пенистым волнам стройная белая каравелла. Но вот впереди показался силуэт черного брига. Он движется наперерез. Встреча неминуема. Уже виден свирепый оскал «Веселого Роджерса». Вот борта кораблей сблизилась, и на палубу каравеллы хлынули вооруженные до зубов пираты...

Если смотреть на эту воображаемую картину в подзорную трубу, то увидишь, как вспыхнут алым пламенем белые паруса, потом донесется взрыв, и судно, складываясь пополам, скроется в морской пучине.

Но вот у вас вместо подзорной трубы микроскоп. Взгляните в него повнимательней. Перед вами, увеличенная во много раз, живая клетка. Если за ней наблюдать довольно долго, то однажды вы можете стать свидетелем событий, напоминающих гибель каравеллы. Значит, и здесь бывают пираты. Кто они?

Вплоть до тридцатых годов нашего столетия ученые догадывались о биологических корсарах,

но не могли их увидеть. Лишь с изобретением электронного микроскопа, криминалисты науки нашли виновников — ими оказались вирусы.

Долго продолжались споры, к какому царству природы отнести эти странные кристаллические создания. Дело в том, что вирусы не имеют собственного обмена веществ, и в этом смысле они относятся к неживой природе. В 1892 году русский ботаник Д. И. Ивановский, открыв «невидимых пиратов», отнес их к органическим веществам и назвал вирусами, что по-латыни означает «яд».

С живой природой вирусов объединяет то, что они могут размножаться внутри клетки и передавать по наследству свои характерные свойства.

После длительных дискуссий было решено поставить вирусы на границе живого и мертвого царств.

Пираты презирали труд, а единственным источником их существования был грабеж. Точно такой же образ жизни ведут и вирусы.

Везде — на земле, под землей, в воздухе и в воде — идет отчаянная борьба за существование, за то, чтобы всеми правдами и неправдами добыть себе пропитание. В этой борьбе вирусы присоединились к бесчисленной армии паразитов и, в некотором роде, превзошли их, поскольку размножаются они даже в самых вредоносных бактериях — в таких,

как палочки дизентерии и брюшного тифа.

О происхождении вирусов мнения ученых тоже разошлись. Некоторые считают вирусы древнейшей формой жизни на Земле, так сказать, нашими прапращурами. Другие возражают им: чем тогда в ту неведомую эру могли питаться эти прирожденные паразиты? Стало быть, вирусы появились не до, а после возникновения клеточных организмов. Некоторые вирусологи идут еще дальше и высказывают гипотезу, что вирус не что иное, как одичавшая хромосома, то есть частичка наследственного вещества клетки, которая когда-то откололась от ядра и пожелала жить самостоятельно. Кто прав в этом споре, сказать пока трудно.

А теперь снова возвратимся к пиратам, бороздящим океаны под «Веселым Роджерсом». Если вы перечитаете многочисленные книги, посвященные морским разбойникам, то узнаете, что было три типа пиратских нападений. Первый случай описан в начале нашего повествования — пираты нападают на каравеллу, грабят ее, а экипаж и корабль отправляют на дно морское. Но предположим, что разбойникам понравилось захваченное судно, когда они могут перебраться на него и длительное время плавать на нем. В третьем случае — вспомним красочные описания Жюль Верна, Дефо и Стивенсона, — у одного или нескольких пиратов вообще

нет своего корабля. Тогда они поступают на торговое судно под видом обыкновенных матросов и, воспользовавшись благоприятным моментом, пытаются взбунтовать команду и захватить корабль.

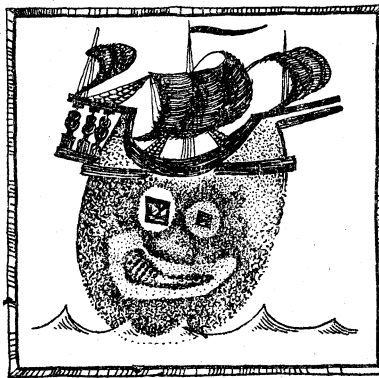
Подобно этому у вируса с клеткой могут установиться тоже три типа взаимоотношений. При острой инфекции вирус проникает внутрь клетки, размножается в ней, полностью разрушает ее и выходит во внешнюю среду. В другом случае разрушения клетки не происходит, а вирус длительное время паразитирует в ней, размножаясь в умеренных количествах. Такой процесс принято называть хронической инфекцией. И, наконец, вирус, проникнув в клетку, длительное время может маскироваться. Он обычно пристраивается в ядре к хромосомам и, как опытный лазутчик, долгое время ничем не выдает своего присутствия. Эти скрытые, латентные, вирусы, пожалуй, самые опасные. Рано или поздно под влиянием изменившихся условий (например, при облучении или воздействии определенных химических веществ) замаскированный вирус сбрасывает свою маску и начинает действовать. Нет, он не губит клетку, но так изменяет ее свойства, что она становится неуправляемой. Такая измененная клетка начинает неограниченно размножаться до тех пор, пока не возникнет злокачественная опухоль. Вот почему группа подобных вирусов названа онкогенной, или опухолеродной. Есть основания предполагать, что рак вызывают именно такие скрытые вирусы. Совсем недавно советскими академиками В. М. Ждановым и В. Д. Соловьевым из злокачественных человеческих клеток Л-96 был выделен особый вирус, вызывающий рак крови. Это крайне редкий случай, когда виновник, так сказать, попался с поличным. Обычно же онкогенные вирусы, сделав свое черное дело, исчезают из пораженных клеток.

Долгое время бытовало общепризнанное мнение, что раковые клетки характеризуются чрезвычайно высокой скоростью размножения. Однако оказалось, что они делаются даже несколько медленнее, чем здоровые, но процент делящихся клеток в них значительно больше, чем у нормальных.

Онкологи — специалисты по раковым заболеваниям — утверждают, что проблему злокачественных новообразований можно решить, овладев молекулярной генетикой. Эта новая наука изучает наследственные свойства организ-

мов на уровне отдельных молекул. И базируется она, в основном, на исследовании вирусов. Это не случайно. Если любая клетка любого организма содержит в себе тысячи самых разнообразных генов — наследственных частиц, в которых записана та или иная программа ее жизнедеятельности, то вирус содержит всего несколько генов, и прочитать их текст ученым гораздо проще.

Наверное, все уже догадались, почему вирус содержит значительно меньше генов, чем живая клетка? Да, дело не только в его крохотных размерах, но, главным образом, в том, что он живет на всем готовом и все, что ему нужно знать, — это как устроен его белок, который, словно шуба, за-

крывает снаружи «сердце» вируса — нуклеиновую кислоту.

Все вирусы, в зависимости от типа нуклеиновой кислоты, делятся на ДНК- и РНК-содержащие. И если раньше генетики считали, что единственным источником наследственных свойств является ДНК, а РНК лишь переносит их для синтеза белка, то вирусологи внесли в это свою существенную поправку. Оказалось, что у вирусов гены могут состоять из РНК. Более того, в последние два-три года доказан синтез ДНК по РНК-матрице. Таким образом, вирусологи подтвердили существование гипотетической нижней стрелки в формуле ДНК \leftrightarrow РНК.

С другой стороны, генетики озадачили вирусологов. По их подсчетам, в нуклеиновой кислоте

вирусов не хватает достаточного числа букв, чтобы записать весь план нападения вируса на клетку. Это лишний раз подтвердило мнение некоторых вирусологов, которые заподозрили, что в клетке существует своя «пятая колонна», способствующая невидимым пиратам. Действительно, хорошо известен факт, что не каждая клетка чувствительна к тому или иному вирусу. Как это ни парадоксально, но поражаются вирусами только те клетки, которые «хотят» этого.

Тайна этой избирательной чувствительности клеток, а стало быть, и отдельных видов животных к тем или иным вирусам теперь раскрыта. «Пятой колонной» в клетке оказались маленькие выросты на оболочке цитоплазмы, которые «узнают» и присоединяют к себе только своих пиратов. Если бы мы, как ученые времена Линнея и Ламарка, пытались объяснить существование коварных крючков для вирусов, которыми утыканы все без исключения клетки, то вряд ли бы узрели в этом разумный «божий умысел». Но все дело в том, что природа не обладает, помимо человека, свойствами разума и творит, не ведая что. Если клетка принимает разбойника с большой дороги как своего, то это лишь косвенно подтверждает мысль о том, что вирус некогда мог выйти из ее недр, например в виде той же «одичавшей хромосомы».

Подобная ситуация могла случиться, если бы некий моряк, ранее честно служивший на корабле, связался бы с пиратами. По-настоящему, что вахтенные, узнав своего бывшего товарища, беспрепятственно пропустили бы его на борт. А на другом незнакомом судне к нему отнеслись бы с подозрением и не спустили бы ему трап.

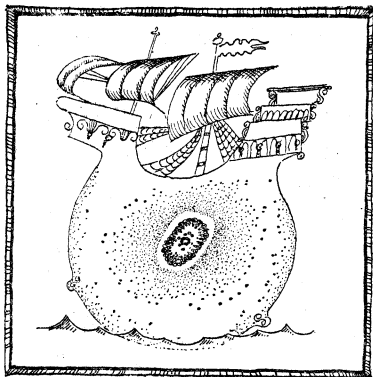
Но вот наш пират по трапу-рецептору благополучно пробрался на корабль-клетку. Вслед за этим происходит таинственный процесс исчезновения злодея. Исследователи так и назвали этот период эклипсом, что означает «затмение». Это поистине самый темный период в изучении взаимодействия вируса и клетки. Только в последние годы вирусологи смогли пролить некоторый свет на этот загадочный эклипс, когда вирус исчезает из поля зрения даже электронного микроскопа.

Оказывается, в этот момент происходит так называемый стриптиз вируса, или раздевание. По-настоящему, что в такой деликатный момент, когда вирус лишается своих белковых оболочек, он

¹ ДНК — деоксирибонуклеиновая кислота, РНК — рибонуклеиновая кислота.

стыдливо прячется в тени. Но и здесь, как в случае с рецепторами, тоже есть повод заподозрить клетку в помощи нападающему. В последнее время вирусологи считают, что чувствительные к данному вирусу клетки должны содержать специальный фермент, который раздевает непрошеного гостя. Одетый в белковые оболочки вирус для клетки безвреден, поскольку его нуклеиновая кислота не может развернуться и атаковать своего гостеприимного хозяина.

Вирус освободился от своих оболочек и стал практически не виден. Что происходит дальше? А дальше начинается ожесточенная борьба за власть. Естественно, что пираты, напавшие на корабль, прежде всего стараются ворваться в капитанскую рубку, завладеть штурвалом и повернуть судно в нужном им направлении.

В клетке роль капитанской рубки выполняет ядро, откуда хромосомы передают свои приказы во все концы клетки. И вирус первым делом стремится отменить приказы законных хозяев. Для этого он блокирует работу хромосом, используя специальный белок — ингибитор. Некоторые вирусологи утверждают, что этот белок образует сама клетка. Как и в случае с рецепторами, это загадка. Зачем клетке себя губить? Но факт остается фактом: все приказы хромосом вирусом отменяются, и полномочным хозяином клетки становится крохотный агрессор.

Здесь уместен вопрос: если вирус в период eclipse не виден, то откуда известны такие подробности? Они получены косвенным путем, когда биохимики, используя меченые атомы, исследовали

обмен веществ в зараженной клетке и сравнивали его с тем, что происходит в нормальной. Оказалось, что вскоре после проникновения вируса в клетку она катастрофически худеет оттого, что в ней прекращается образование питательных веществ. Затем это похудение прекращается, и клетка начинает полнеть. Но это уже нездоровая полнота — в клетке происходит бурное строительство новых вирусных частиц.

Если бы мы могли проникнуть в тайную дипломатию вируса, то услышали бы демагогические заверения молекулярного паразита о том, что только он один может решить все проблемы клетки, что информация ее собственного ядра давно устарела, что именно он волеет в цитоплазму новую свежую струю и т. д. и т. п. Свою речь вирус закончил бы так: «Ядро клетки устраняется от руководства, и все ее компоненты отныне подчиняются только мне, вирусу».

Действительно, вскоре в одурманенной общаниями клетке начинается бурная деятельность. Все составные части клетки — и аппарат Гольджи, «штампующий» внутренние оболочки, и митохондрии, которые обеспечивают клетку энергией, и рибосомы, собирающие белки, — включаются в строительство новых, до сих пор неизвестных молекул. Когда клетка, что называется, схватится за голову, то уже поздно — по ней гуляют сотни и тысячи точных копий «благотельца»-вируса, оболочки ее трещат и рушатся. Победители выходят из нее, проникают в новые клетки, и процесс повторяется. Такова стратегия молекулярных паразитов.

Трудно представить, что такие крохотные создания, размеры которых столь же малы по отношению к человеку, как человек по отношению к планете Земля, попадая внутрь организма, вызывают в нем тяжелые заболевания. Но мы не удивимся этому, если вспомним о поразительных свойствах геометрической прогрессии. Предположим, что каждый вирус, попавший в клетку, создает только по 100 своих копий. В этом случае он заразит 100 клеток, из них выйдут уже 10000 вирусных частиц. Они дадут миллионное потомство. А в десятом поколении оно составит уже астрономическую цифру — 10^{18} . Естественно, что ни одно живое существо такой нагрузки не вынесет. И если бы не защитные силы организма, о которых мы будем говорить дальше, то на Земле уже давно

не осталось бы ничего кроме кристаллических груд вирусов.

Предположим, некто Иванов заразился вирусом гриппа. И хотя уже с утра у него побаливает голова, он тем не менее героически едет на работу в переполненном трамвае и для начала заражает первый десяток человек. На работе он приобретает к своей болезни другой десяток и, наконец, по пути в поликлинику заражает еще несколько человек. Вирус гриппа может от души поблагодарить таких добровольных разносчиков, усилиями которых он вскоре укладывает в постель добрую четверть населения города. Не довольствуясь такой местной победой, он начинает двигаться дальше. Поезда, автобусы, самолеты и пароходы развозят миллиарды и миллиарды зайцев-вирусов. Как тайные агенты они просачиваются через границы, перелетают с континента на континент и, наконец, добиваются апогея своей карьеры, вызвав очередную пандемию — повсеместное заболевание.

Но это вирусный грипп, который мы привыкли считать легким заболеванием и подобно Иванову переносим его на ногах. А оспа? Ведь она тоже вызывается вирусом. Каким опустошительным бичом она проходила раньше по Азии и Европе!

Что же все-таки помогло людям пережить такие страшные эпидемии и устоять перед неизвестным врагом? Сама природа подсказала человеку методы борьбы с недугами. Против болезнетворных бактерий в организме образуются специальные белковые частички — антитела, которые, связываясь с возбудителем, обезвреживают его. Вирусы не исключение. Оказывается, и против них образуются соответствующие антитела. Но образуются они тогда, когда человек уже болеет, и поэтому вновь созданная армия антител иногда защищает уже полуразрушенный организм. Так, переболевшему клещевым энцефалитом, а потому страдающему тяжелыми параличами, мало радости от того, что у него выработались антитела против таежного паразита — ведь теперь ему уже не придется пойти в лес. Поэтому важно выработать в организме антитела раньше, чем туда проникнет возбудитель. Для этой цели вирусологи готовят специальные вакцины, в которых содержатся ослабленные вирусы, не способные вызвать опасное заболевание. При введении вакцины вырабатываются ан-

титела, и настоящего противника организм встречает уже во всеоружии. Если снова вернуться к сравнениям с морским разбоем, то вакцинных вирусов можно представить, как перевоспитанных

пиратов, которые начали, наконец, совершать добрые дела.

Против многих вирусов антитела являются надежной защитой. Например, переболев в детстве корью, мы уже не боимся заболеть ею вторично. Иное дело — вирус гриппа. Что ни год — появляются все новые и новые его разновидности. Этот вирус похож на Фантомаса — он все время меняет свои обличья. Поэтому антитела-охранники никак не могут приспособиться к карнавалу его многочисленных масок. Значит ли это, что мы не можем бороться с вирусами, быстро изменяющими свои свойства? К счастью, антитела не единственные защитники организма. Нетрудно найти десятки и сотни химических веществ, которые быстро убивают вирус. Вся трудность заключается в том, что паразит находится внутри клетки, но нельзя же стрелять из пушек по кораблю лишь потому, что в его трюм забрался пират!

Сравнительно недавно ученые обнаружили, что многие клетки человека и животных, защищаясь от вирусов, образуют специальный белок — интерферон. Он обладает удивительным свойством подавлять размножение различных вирусов внутри клетки. Это свойство поставило интерферон сразу в первую шеренгу борцов с биологическими пиратами. Естественный продукт клетки оказался ценнее многих химических препаратов.

Среди защитников клеток от вирусов нельзя не упомянуть рецепторы. Да, именно те самые рецепторы, которые гостеприимно распахивают ворота для вирусов. Но если оборвать с поверхности клетки все рецепторы и растворить их, например, в сыворотке крови, то они по-прежнему будут сцепляться с вирусами. В «дружеском» объятии рецепторов, которые уже здесь правильное название ингибиторами, невидимые пираты становятся совершенно безопасны для организма.

Но отчего все-таки клетки отвергают одних вирусов и симпатизируют другим?

Советские ученые поставили специальные опыты, чтобы ответить на этот вопрос. Они заражали вирусом клетки, выращенные на искусственной питательной среде вне организма. Как и следовало ожидать, клетки гибли одна за другой. Но вместо того, чтобы прекратить опыт и направить матрацы (стеклянные сосуды, в которых выращивались клетки) в мойку, вирусологи продолжили эксперимент. Они заменили в матрацах мутную жидкость, в которой плавали обломки разрушенных клеток, на свежую питательную среду и снова поставили стеклянные сосуды в термостат.

На протяжении нескольких недель после нашествия вирусов в сосудах не было ничего живого. Но вот, наконец, появились первые островки клеток, видимые на стекле даже невооруженным глазом. Это дали рост отдельные клеточки, пережившие вирусную инфекцию. Подобная процедура повторялась трижды. Зато на четвертый раз агрессия молекулярных паразитов провалилась. Клетки приобрели к ним полную устойчивость. Сначала возникла мысль, что эта приобретенная устойчивость — резистентность — связана с тем, что вирусные частицы перестали проникать в эти клетки. Однако оказалось, что вирус все же попадал в них. Тогда почему он не разрушил клетку, как бывало раньше?

Давайте еще раз вернемся на корабль, атакованный пиратами. На этот раз команда каравеллы, как на подбор, состояла из матросов неробкого десятка, им уже приходилось и раньше иметь дело с морскими разбойниками. После короткой рукопашной схватки пиратов оттеснили и заперли в трюм. Оказавшись в темноте, без еды и питья, грабители постепенно начинают осознавать, что обстановка для них не слишком благоприятная и самое

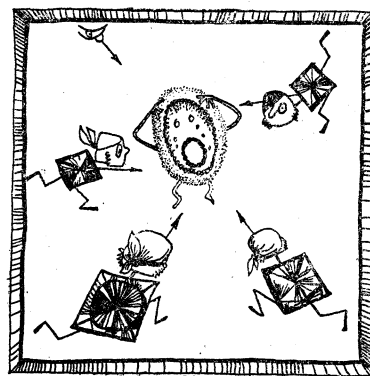
время сдаться на милость победителя.

Подобная картина, приблизительно, наблюдается и в резистентных клетках. Как показали опыты, в них происходят значительные изменения обмена веществ, настолько серьезные, что для развития вируса внутри клетки создаются совершенно неподходящие условия. И он не может перехватить инициативу управления. Не солоно хлебавши паразит уходит восвояси.

Полученные результаты весьма обнадеживающие. Но между опытом в пробирке и организмом, а особенно таким сложным, как человеческий, — пропасть. Пока мы еще не знаем, как изменить клетки нашего тела, чтобы они все без исключения стали устойчивыми к вирусам. Но наука не стоит на месте, и, может быть, завтра встанет уже на повестку дня вопрос об уничтожении всех вирусных инфекций.

Но нужно ли уничтожить все вирусы? Казалось бы, — да. Ведь выше только и говорилось, что о многочисленных неприятностях, которые доставляют людям крохотные пираты. Но, оказывается, есть один класс вирусов, которые могут приносить человеку пользу.

Вспомним известное изречение политиков: «Враг наших врагов — наш друг». А у нас много врагов среди других крохотных существ — бактерий. Только вот по сравнению с вирусом даже самая маленькая бактерия — все равно

что слон против Моськи. Но, в отличие от Моськи, вирусы, паразитирующие на бактериях, так называемые бактериофаги, не только лают, но и кусают. По внешнему виду они напоминают

ручные гранаты. Взрыв происходит внутри бактерии, и, разваливаясь, она выбрасывает из себя десятки новых гранат. Такое самовозрастающее в бою оружие может быть лишь мечтой милитариста. Но бактериофаги воюют за здоровье людей, исправно пуская «в расход» таких недругов человека, как дизентерийные, брюшнотифозные, холерные и другие бактерии, которых они избрали своим местожительством.

Вот и подошел к концу наш рассказ. Начали мы его с пиратов, которые когда-то бороздили на своих быстроходных кораблях моря и океаны. Теперь их можно увидеть разве что в кино. А невидимые пираты-вирусы пока еще продолжают свирепствовать в глубинах живых организмов. Но кто знает, может быть, паренек, читающий эти строчки, когда-нибудь скажет своим внукам: «Вот, помню, болел я однажды гриппом...» А внуки его, удивленно переглянувшись, спросят: «Это о чем таком ты, дедушка, вспомнил?»

В. ТХОРЖЕВСКИЙ

*Рисунки
З. Баженовой*

УРАЛЬСКИЕ МАНДАРИНЫ

Несколько лет назад в один из магазинов Кургана пришла покупательница и обратилась к заведующей с необычной просьбой:

— Возьмите, пожалуйста, у меня цветок. Из семечка вырастила. Такой вымахал — в потолок упирается. Мешает. А у вас тут места много...

Цветок оказался настоящим деревом. Поставили его в магазине у окна, поливали водой, изредка взрыхляли землю. И он рос себе и рос. Когда стала тесна кадка, растение

пересадили в бочку, сменили землю. И вот примерно через шесть лет осенью на ветках, обращенных к свету, появились беленькие цветы. А в марте на дереве уже висели два крупных оранжевых мандарина.

В 1971 году южное растение принесло пятнадцать плодов, в 1972-м — двадцать пять. А нынче весной с дерева сняли шестьдесят три сочных, сладких мандарина.

Л. САДОВСКИЙ

ИМЕНИ ГЕРОЯ

На городской площади города Далматова Курганской области стоит скромный памятник. Старожилы рассказывают, что здесь похоронен молодой разведчик, погибший 28 июля 1919 года при освобождении Далматова от колчаковцев. С головным отрядом он в числе первых ворвался на улицы города, а над ним огненной птицей реяло красное знамя. Небольшая группа конников нагнала страх на врага, колчаковцы в панике бежали. Но одна из пуль пробила отважное сердце знаменосца.

Помнили люди о подвиге, а имя за давностью лет забыли. По заданию райкома КПСС отряд красных следопытов Дома пионеров решил установить имя героя, отыскать его родных. Ребята опросили десятки старожилов, ветеранов гражданской войны, послали письма участникам тех далеких событий. Фамилию разведчика никто не помнил.

Наконец удалось установить, что наш город был освобожден красноармейцами 267-го стрелкового полка 30-й стрелковой дивизии.

Тогда следопыты обратились в Центральный архив Советской Армии. 27 мая 1967 года пришел из архива ответ, в котором сообщалось, что в бою в районе Далматова погиб латыш Рукманис Станислав. Теперь письма из Зауралья пошли в Прибалтику.

Так поиск привел в далекое латышское село Каунату. Каунатские следопыты откликнулись на нашу просьбу. Они отыскивали родственников и друзей Станислава, восстановили вехи его короткой жизни. А в музее нашего Дома пионеров теперь целый раздел посвящен Станиславу Рукманису.

Вот уже несколько лет мы переписываемся с латышскими друзьями. В Каунатской средней школе тоже есть пионерский отряд имени героя. Нам очень хотелось встретиться, и в прошлом году такая встреча состоялась. В подарок латышским следопытам мы оформили большой альбом-летопись города Далматова, альбом из жизни нашего следопытского отряда. Шефы — рабочие инструментального цеха завода «Молмашстрой» — изготовили макет памятника Станиславу Рукманису. Чтобы скопить денег на поездку, мы работали в овощесовхозе, на ковроткацкой фабрике, маслозаводе.

Латышские следопыты встретили нас цветами и разместили в здании школьного интерната. Знаменательно, что раньше в этом здании была школа, в которой учился Станислав Рукманис.

3 августа состоялся торжественный сбор двух отрядов, носящих имя героя гражданской войны. На нем выступили председатель сельского Совета Мария Ивановна Багрова, директор Каунатской средней школы Евмений Федотович Савкин, друг детства Станислава Рукманиса Янис Антонович Силв, участники гражданской и Великой Отечественной войн.

Потом мы пошли на воинское кладбище, где похоронены советские солдаты, отдавшие свою жизнь за освобождение Каунаты в годы Великой Отечественной войны. Их двести советских солдат, трое из них жители Курганской области.

Наша дружба продолжается.

Клуб следопытов Дома пионеров обратился в городской Совет с просьбой переименовать одну из улиц Далматова, назвав ее именем Станислава Рукманиса. Просьбу удовлетворили. Теперь бывшая улица Промышленная носит имя героя. Наш отряд шефствует над ней.

Юра БЕРЕЗИН,
участник поиска

Испекли мы колобок...

На русской печи блаженствует кот, а на шестке румянится колобок. Тот самый, что «по сусекам скребен, на сметане мешон». Appetитный, так бы и полакомился. Но колобок предупреждает надписью: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, а от тебя и подавно уйду». Протяни руку — он и впрямь бежит, не дается.

А вот пенек, мухоморы, на пеньке тарелка с яблоком. Захотелось тебе, чтобы, как в сказке, покатилося яблочко, показало горы и поля, леса и моря — поверни один из грибков, и твое желание сбудется: в пенек хитроумно вмонтирован телевизор. Увидишь ты не только горы и поля, но и музыку — разноцветной радугой переливается она на специальном экране.

Этот волшебный мир создали ребята из удмуртского города Глазова. Вот уже двадцать лет у них свой Дом культуры. В нем каждый находит дело по душе. Только технических кружков здесь около сорока, а занимается в них более шестисот школьников!

«Колобок» мастерски «испекли» Саша Пономарев, Ваня Мышкин и Коля Кудрин. Он не прост, этот сказочный персонаж. Руководитель радиолaborатории Фердинанд Харин рассказывает:

— Наш «Колобок» гостил в столице, на главной выставке страны — ВДНХ, побывал в Монголии. Многие специалисты не сразу догадываются о его секрете. Ищут фотозащитный элемент, а колобок потому такой неуловимый, что его охраняет объемное реле.

Без инженерного образования с разговором к мальчишкам не подступишь — оперируют сложнейшими понятиями, разбирают «по косточкам» головоломные конструкции и конструируют сами.

Женя Иванов у своего телевизора «Сказка» в музее глазовского детского Дома культуры
Фото А. Вахрушева

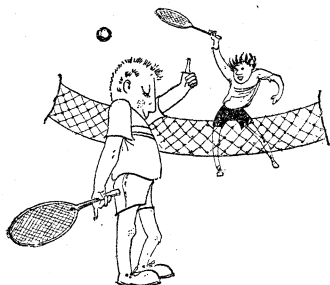
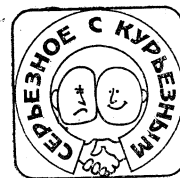
Они любят показывать свое богатое хозяйство. Вот по частям развешан на стене... телевизор. Хотя «Рекорд-12» находится в таком необычном состоянии, он исправно показывает передачи. Это — учебная схема, которую ребята сделали для себя, в добавление к многочисленным инструментам и приборам. А большой радиоузел послужит уже не им, а их сельским ровесникам. Полтора десятка таких узлов глазовцы подарили деревенским школам и клубам.

Из лаборатории вас проведут в зал, где прямо разбегаются глаза от великолепия всего, что здесь есть. Действующие модели больших и малых кораблей, самолетов, автомобилей, телерадиола, электромегафон, «электронный тир», радиоусилитель, «термический охотник», обнаруживающий восходящие потоки воздуха, автомат-экзаменатор... Здесь много оригинального, рожденного неуемной фантазией и талантом. Свидетельство тому — три десятка медалей ВДНХ, которыми награждены кружковцы.

Глазовский детский Дом культуры выпустил в большую жизнь тысячи своих воспитанников. Только за последние десять лет более тысячи ребят получили квалификацию радистов-монтажников и права кинемехаников. Придя на предприятия, вчерашние кружковцы быстро становятся мастерами своего дела, рационализаторами и изобретателями. Многие глазовские пионеры стали моряками, летчиками, конструкторами кораблей и самолетов, машин и приборов. И каждый из них вспоминает свой рукотворный волшебный мир...

В. КИБАРДИН

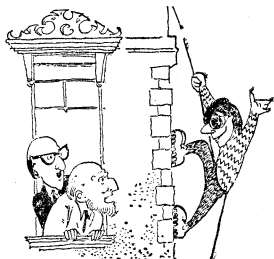
- УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА
- И ПЛЕНКУ КИНУЛИ В РЕКУ...
- АЛЬПИНИСТЫ В ПАРИЖЕ
- ОХОТА ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Известный киевский теннисист Михаил Мозер дважды был чемпионом страны. А мог бы стать чемпионом и до этого, поскольку уже выходил в финал! Но первый свой финальный матч Михаил проиграл москвичу Сергею Андрееву. Проиграл так, что друзья по команде удивлялись: почему, что с ним случилось!

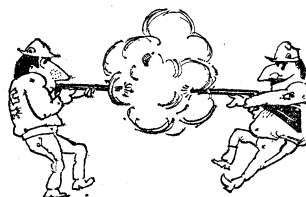
Мозер объяснил свое поражение одной фразой:
— Я впервые играл в финале!

Датский город Гринстед стоит на берегу небольшой речки. Из-за отходов химического производства вода в ней кисло-соленая. Кое-кто уверяет, что брюнет, искупавшись в этой воде, превратится в блондина... Но вот достоверный факт: в речке можно проявлять фотопленку, не добавляя никаких химикатов! Вода содержит здесь сульфаты, сульфиты и другие вещества, взаимодействующие с бромистым серебром, которым покрывается фотопленка.

Группа студентов Сорбонны решила заняться альпинизмом. Но на поездку в Альпы у них не хватало денег, и они предприняли восхождение... на 80-метровое здание одного из факультетов. Эксперимент прошел успешно, и теперь студенты-альпинисты требуют перестроить фронтон здания так, чтобы он стал постоянным местом для тренировок.

В прошлогоднем сезоне в Италии вышло на промысел полтора миллиона охотников. Их «добычей», как установила инспекция, стали... около ста подстреленных охотников.

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ

В 1887 году в Екатеринбурге Уральское общество любителей естествознания впервые в нашем крае организовало научно-промышленную выставку. На ней демонстрировались изделия металлургических заводов, каслинское художественное литье, замечательные кустарные изделия, паровые двигатели. В память об этой выставке была выпущена серебряная медаль (она есть в моей коллекции). На одной стороне ее надпись: «Уральское общество любителей естествознания» и символические изображения его деятельности: звезда и книга — просвещение, свиток и гусиное перо — литературная деятельность, лира — развитие искусства, сноп и ветвь — изучение естественных наук.

На оборотной стороне медали написано: «В память сибирско-уральской научно-промышленной выставки в Екатеринбурге в 1887 г.», в центре — герб Екатеринбурга.

Основателем Уральского общества любителей естествознания был естествоиспытатель Онисим Егорович Клер, ему помогали доктор медицины А. А. Миславский, педагог В. В. Всеволодов, учитель физики и математики В. И. Обреимов, естествоиспытатель А. П. Сабанеев.

Кроме того, членами УОЛЕ состояли: историк-краевед Н. К. Чупин, академик А. П. Карпинский, писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, почетными членами — ученые Н. И. Кокшаров, К. С. Веселовский, И. П. Павлов, путешественники Н. М. Пржевальский и Н. А. Норденшельд.

В сорока томах «Записок Уральского общества любителей естествознания», вышедших в Екатеринбурге-Свердловске с 1873 по 1927 год, содержится богатый и разнообразный материал о нашем крае.

В. ФИЛАТОВ

Главный редактор **С. МЕШАВКИН**

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ

ОБЛОЖКА **В. МЕРИНОВА**

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ВКЛАДКИ ФОТО **А. НАГИБИНА «ВИЗОВЕЦ»**

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор **М. Горшкова.**

Технический редактор **Э. Максимова.**

Корректор **В. Бурангулова**

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Сдано в набор 27/VII 1973 г. НС 15724. Подписано к печати 18/IX 1973 г. Бумага 84×108¹/₁₆ = 2,62 бум.
л.— 8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 9,9. Тираж 220 000. Цена 30 коп. Заказ 324.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

УКТУССКИИ ТРАМПЛИН

Фото А. ГРАХОВА (г. Свердловск)

УРАЛЬСКИЙ ЗАВОД (линогравюра)

Ю. ПОЛУЭКТОВ (г. Свердловск)